

ВЕСТНИК МГЛУ

№ 24 / 2025

СЕРИЯ 3

ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ,
ЭКОНОМИКА,

Серия основана в 1998 году

Редакционная коллегия:

А. Л. Подгайский (*ответственный редактор*),
Н. П. Баранов, А. М. Захаров, А. Н. Кушнеревич,
С. Е. Новиков, В. Н. Усоский

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Вестник
Минского государственного
лингвистического университета

Научно-теоретический
ежегодник

Серия 3
ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ,
ЭКОНОМИКА

Выходит один раз в год
№ 24 / 2025

СОДЕРЖАНИЕ

История

- Булатая В. Ю.** Погляд на брэсцкую царкоўную унію на старонках
заходнебеларускіх канфесійных выданняў міжваеннага перыяду 7
- Грабянчук І. В.** Праявы эканамічнага генацыду на акупаванай
нацыстамі тэрыторыі Беларусі
(паводле нямецкіх трафейных дакументаў) 14
- Камінскі У. Ю.** Гісторыя царкоўнай уніі: умоўнасць тэрміналогіі
(на прыкладзе твораў Язафата Кунцэвіча) 24
- Новікаў С. Я., Цымбал А. Г.** Мінскі ініяз у асобах:
гісторыя аднаго фота 33
- Новікаў С. Я.** Грамадзянскае насельніцтва як аб’ект нацысцкай
палітыкі генацыду і выпаленай зямлі на акупаванай
тэрыторыі Беларусі (крыніцазнаўчы аспект) 49
- Цымбал А. Г.** Трансфармацыя гістарычнай памяці ў лічбавую эпоху 63

Философия

- Баранов Н. П.** Мир во всем мире – фантом или грядущее будущее
человечества? 73
- Бобрович В. И.** Способность к диалогу и взаимопониманию
в контексте формирования гражданских компетенций 85
- Доброродный Д. Г.** Цифровизация образования и проблема
использования искусственного интеллекта 93

Ковалёва И. В. Право на самоопределение: современное состояние проблемы	101
Майборода Д. В. Философские аспекты диалогической организации семинара по философской антропологии в структуре современного преподавания дисциплины «Философия» в учреждениях высшего образования Беларуси	110
Севостьянова Н. Г. «Местоположение» и «Месторазвитие» отечественной философии как принцип признания ее уникальности	120

Экономика

Благуш И. С. Направления адаптации инновационной деятельности субъектов экономики Республики Беларусь к условиям глобальной гиперконкуренции.....	133
Подгайский А. Л. Пути структурной трансформации белорусских предприятий в условиях глобальной инновационной конкуренции	142
Усоский В. Н. Отношения собственности субъектов на вещи в иерархии общества	149

Обзоры и рецензии

Новікаў С. Я. Венскія яўрэі як аб'екты гістарычнай археалогіі ў Малым Трасцянеццы	166
---	-----

CONTENTS

History

Bulataya V. The View on the Brest Church Union on the Pages of Western Belarusian Confessional Publications of the Interwar Period.....	7
Hrabianchuk I. Manifestations of Economic Genocide in the Nazi-Occupied Territory of Belarus (According to German Troy Documents)	14
Kaminski U. History of the Church Union: Conventionality of Terminology (Based on the Works of Josaphat Kunceвич)	24
Novikau S., Tsimbal A. MSLU in Personalities: the History of One Photo	33
Novikau S. The Civilian Population as an Object of the Nazi Policy of Genocide and Scorched Earth in the Occupied Territory of Belarus (Source Aspect).....	49
Tsimbal A. Transformation of Historical Memory in the Digital Age	63

Philosophy

Baranov N. World Peace: Phantom or the Coming Future of Humankind?	73
Bobrovich V. The Ability to Dialogue and Mutual Understanding in the Context of the Formation of Civil Competencies.....	85
Dabrарodni D. Digitalization of Education and the Problem of Using Artificial Intelligence.....	93

Kavaliova I. The Right to Self-Determination: the Contemporary State of the Problem	101
Maiboroda D. Philosophical Aspects of the Dialogical Organization of the Seminar on Philosophical Anthropology in the Structure of Modern Teaching of the Discipline “Philosophy” in Higher Education Institutions of Belarus	110
Sevostyanova N. “Location” and “Location Development” of Domestic Philosophy as a Principle of Recognition of its Uniqueness	120

Economy

Blagouch I. Directions of Adaptation of Innovative Activity of Subjects of Economy of the Republic of Belarus to Conditions of Global Hypercompetition.....	133
Padhaiski A. Ways of Structural Transformation of Belarusian Enterprises in the Context of Global Innovation Competition.....	142
Usosky V. Ownership Relations of Subjects to Things in the Hierarchy of Society.....	149

Reviews and reviews

Novikau S. Viennese Jews as Objects of Historical Archeology in Maly Trostenets	166
---	-----

ИСТОРИЯ

УДК 94 (476) «1921–1939»

Булатая Вікторыя Юр'еўна

магістр філалогіі, аспірант кафедры
філасофіі, гісторыі і метадалогіі адукацыі
Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы
г. Мінск, Беларусь

Viktoryia Bulataya

MA in Philology,
PhD Student of the Department
of Philosophy, History
and Methodology of Education
National Institute for Higher Education
Minsk, Belarus
e-mail: wiktoriaurumianek@gmail.com

ПОГЛЯД НА БРЭСЦКУЮ ЦАРКОЎНУЮ УНІЮ
НА СТАРОНКАХ ЗАХОДНЕБЕЛАРУСКИХ КАНФЕСІЙНЫХ ВЫДАННЯЎ
МІЖВАЕННАГА ПЕРЫЯДУ

Артыкул прысвечаны погляду на гісторыю Брэсцкай царкоўнай уніі, які быў адлюстраваны на старонках міжваеннай прэсы. Даследаванне скіравана на вызначэнне пазіцыі, якой прытрымліваліся прадстаўнікі розных канфесій у дачыненні да Уніі 1596 г. Дзеля вырашэння даследчай задачы былі прааналізаваны прадстаўленыя ў бібліятэчных зборах нумары выданняў праваслаўных і каталіцкіх беларускіх рухаў. Вынікі даследавання паказалі, што сярод праваслаўных рухаў не было адзінага погляду на гісторыю Царкоўнай уніі. У сваю чаргу, выдаўцы і аўтары каталіцкай беларускамоўнай прэсы лічылі Унію не толькі рэлігійнай, але і палітычнай з'явай.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: Царкоўная унія; неаунія; міжваенная прэса; уніяты; каталікі; праваслаўныя; Заходняя Беларусь.

THE VIEW ON THE BREST CHURCH UNION
ON THE PAGES OF WESTERN BELARUSIAN CONFESSIONAL
PUBLICATIONS OF THE INTERWAR PERIOD

The article is devoted to the view on the history of the Brest Church Union, which was reflected on the pages of the interwar press. The study is aimed at determining the position held by representatives of different confessions in relation to the Union of 1596. In order to solve the research problem, the issues of publications of the Orthodox and Catholic Belarusian movements presented in the library collections were analyzed. The results of the study showed, that there was no unified view on the history of the Church union among the Orthodox movements. In turn, the publishers and authors of the Catholic Belarusian-language press considered the union not only a religious, but also a political phenomenon.

К e y w o r d s: Church union; neo-union; interwar press; Uniates; Catholics; Orthodox; Western Belarus.

У міжваенны час на старонках прэсы, што выходзіла на тэрыторыі Заходняй Беларусі, разгарнулася палеміка, прадметам якой была праблема адраджэння Царкоўнай уніі. Публікацыя шэрагу палемічных артыкулаў абумоўлена наступнымі фактарамі.

Па-першае, у міжваенны час на тэрыторыі Заходняй Беларусі адбываўся адметны канфесійны працэс – адраджэнне Царкоўнай уніі. Дадзеная з’ява ў айчыннай гістарыяграфіі акрэсленая тэрмінамі «новая Унія», або «неаунія» [1; 2; 3]. Як вядома, Царкоўная унія на нашых землях была прынята Брэсцкім царкоўным саборам у 1596 г. і скасаваная Полацкім царкоўным саборам у 1839 г. У 1924 г. біскуп Генрык Пшэздзецкі атрымаў ад Рымскага Папы спецыяльныя паўнамоцтвы па распаўсюджанні неауніі ва ўсходніх ваяводствах Другой Рэчы Паспалітай [2, с. 116].

Па-другое, з’яўленне артыкулаў палемічнага характару абумоўлена наяўнасцю разнастайных перыядычных выданняў, якія распаўсюджваліся на тэрыторыі Заходняй Беларусі, у тым ліку выданняў, набліжаных да царкоўных колаў. Прадстаўнікі разнастайных палітычных і царкоўных рухаў выдавалі ўласную прэсу, якая адлюстроўвала іх погляды на палітычнае, канфесійнае і нацыянальнае жыццё. Адпаведна, пазіцыя па актуальным і вострым пытанні адраджэння Царкоўнай уніі мае адлюстраванне на старонках тагачасных друкаваных выданняў рознай канфесійнай скіраванасці.

Адзначым, што новая Царкоўная унія распаўсюджвалася пры падтрымцы Усходняй місіі айцоў-езуітаў. Ідэйна прыхільнікі новага царкоўнага злучэння лічылі свой праект паслядоўным працягам ідэй Брэсцкай уніі 1596 г. Прыхільнікі неауніі ў сваёй дзейнасці пераследвалі канкрэтную мэту: «справа рэлігійнага злучэння Беларускага народу [4, с. 3]». Уніяты лічылі, што грамадская і палітычная кансалідацыя – другасныя рэчы, якія выцякалі менавіта з рэлігійнага злучэння беларусаў [5, с. 13]. Аднак умовы такога злучэння былі досыць безапеляцыйныя: аб’яднанне было магчыма толькі пад дахам Апостальскай сталіцы і пры поўным падпарадкаванні Рымскаму Папу [1, с. 28].

Варта падкрэсліць, што неаунія на землях Заходняй Беларусі распаўсюджвалася ва ўмовах шматканфесійнага насельніцтва. Дзейнасць уніятаў галоўным чынам была скіраваная «на канфесійнае перавыхаванне праваслаўных жыхароў. Але апорай Уніі ў Заходняй Беларусі былі менавіта беларусы-каталікі, нашчадкі колішніх уніятаў [2, с. 120]». Улічваючы гэтыя акалічнасці, распаўсюджванне неауніі ў Заходняй Беларусі закранала інтарэсы як прадстаўнікоў Праваслаўнай, так і Каталіцкай Цэркваў.

Актывізацыя унійнай справы стала штуршком для напісання палемічных тэкстаў у сродках масавай інфармацыі. Палеміка вакол адраджэння Царкоўнай уніі мела шматгранны характар. Адна з тэмаў, што разглядалася ў гэтым рэчышчы, – гістарычная. Прадстаўнікі нацыянальнага беларускага руху, якія ідэнтыфікавалі сябе як вернікаў той ці іншай канфесіі, выказвалі

свой погляд на царкоўную гісторыю. На старонках выданняў з'яўляліся артыкулы, прысвечаныя ацэнцы і асэнсаванню падзей, звязаных з заключэннем Брэсцкай царкоўнай уніі 1596 г., аналізаваліся вынікі, акрэслівалася яе гістарычнае значэнне. Актуальнасць праблемы выдатна характарызуе выказванне аднаго з тагачасных рэдактараў (належаў да кола часопіса «Съветач Беларусі») У. Більдзюкевіча: «За выняткам Берасцейскага Сабору ў 1596 годзе, справа Уніі не набірала на нашых землях такое вастраты, як цяпер [6, с. 6]».

Такім чынам, важнай даследчай задачай з'яўляецца прааналізаваць матэрыялы, датычныя да гісторыі Царкоўнай уніі, якія мелі палемічны характар і публікаваліся на хвалях канфесійнай дыскусіі. Для правядзення аналізу намі былі ўзяты сродкі масавай інфармацыі, якія выдаваліся праваслаўным і каталіцкім беларускім рухамі або іх актыўнымі дзеячамі. Матэрыялы на тэму гісторыі Царкоўнай уніі былі выяўлены ў наступных сродках масавай інфармацыі:

- ♦ царкоўна-народны двухтыднёвік «Беларуская зарніца» (1928–1929 гг.). Выдаваў прат. А. Коўш, актыўны дзеяч беларускага руху;
- ♦ царкоўна-нацыянальны двухтыднёвік «Съветач Беларусі» (1930–1933, 1936 гг.). Яго выдаўцы: Цэнтральны беларускі праваслаўны камітэт (ЦБПК), рэдактар – У. Більдзюкевіч;
- ♦ орган незалежнай царкоўна-грамадскай думкі, часопіс «Голас праваслаўнага беларуса» (1931–1932 гг.). Рэдагаваў часопіс М. Маркевіч;
- ♦ штотыднёвая газета «Беларуская Кругіца» («Крыніца»), друкаваны орган партыі «Беларуская хрысціянская дэмакратыя» (1917–1940 гг.), заснавальнікамі якой з'яўляліся каталіцкія святары і вернікі;
- ♦ часопіс «Chrysціjanskaja Dumka» (1928–1939 гг.), які выдаваў кс. Адам Станкевіч, каталіцкі святар, адзін з лідараў партыі «БХД».

Як бачым, палеміка ў гістарычным рэчышчы мела месца як сярод праваслаўных актывістаў, так і сярод каталіцкіх. Асаблівасцю тагачаснай палемікі сярод праваслаўных выданняў з'яўляецца тое, што на тэрыторыі Заходняй Беларусі дзейнічала Польская Аўтакефальная Праваслаўная Царква, якая не залежала ад Рускай Праваслаўнай Царквы (Свяцейшага правячага сіноду), адпаведна, ад яе поглядаў і ацэначных меркаванняў адносна гістарычных падзей, якія трансліраваліся ў 2-й пал. XIX ст. [7].

Варта адзначыць, што на жывы інтарэс праваслаўных аўтараў да праблемы Уніі уплываў і той факт, што менавіта праваслаўнае насельніцтва Заходняй Беларусі выступала патэнцыйным «аб'ектам уплыву» для прыхільнікаў неауніі. Яна, галоўным чынам, была скіраваная «на канфесійнае перавыхаванне праваслаўных жыхароў, якіх новыя уніяты называлі «праваслаўнымі нязлучанымі [8, с. 2]».

У нумарах за 1928 і 1929 гг. рэдакцыя «Беларускай зарніцы» змясціла гістарычны артыкул пра падзеі, звязаныя з прыняццем і распаўсюджаннем

Царкоўнай уніі 1596 г. на беларускіх землях «Берасьцейская царкоўная вунія 1596 г.» [9; 10]. Заўважым, што адзначаны артыкул не з'яўляўся аўтарскімі матэрыяламі рэдакцыі, ён амаль даслоўна ўзяты з кнігі «Кароткі нарыс гісторыі Беларусі» аўтарства У. Ігнатоўскага (беларускі грамадскі і палітычны дзеяч, гісторык, першы прэзідэнт Беларускай акадэміі навук) [11]. Перадрук матэрыялаў сведчыць аб тым, што рэдакцыя праваслаўнага часопіса падзяляла погляд на гістарычныя падзеі, сфарміраваны ў колах беларускіх гісторыкаў. Адпаведна, праваслаўныя актывісты для палемікі з новым унійным рухам трансліравалі актуальныя для іх часу гістарыяграфічныя напрацоўкі, а не сфарміраваныя ў XIX ст. пастулаты.

Паводле артыкула, прычынамі Брэсцкай уніі з'яўляліся:

1) жаданне адасобіцца ад уплыву замежных дзяржаў (найперш, Маскоўскай дзяржавы) і тым самым зменшыць уплыў праваслаўя на землях ВКЛ;

2) імкненне праваслаўнага духавенства мець тыя прывілеі, якія мела каталіцкае духавенства;

3) крызіс тагачаснай Праваслаўнай Царквы, якой «былі нанесены тры ўдары: адзін рэфармацыяй, другі адроджаным каталіцтвам, трэці – палітычным польскім уплывам [9, с. 8]».

Другі важны тэзіс заключаецца ў тым, што заключэнне Царкоўнай уніі з'яўлялася лагічным працягам палітычнай Уніі – Люблінскай (1569 г.). Яе заключэнню спрыялі працэсы рэфармацыі і дзейнасць ордэна езуітаў (працэсы контррэфармацыі), які меў «праграму максімум (Божую славу на зямлі), сваю праграму мінімум (пашырэнне каталіцтва і ўлады Папы) [9, с. 6]».

Адзначалася, што асветніцкая дзейнасць, будаўніцтва храмаў прывяло да таго, што каталіцтва стала папулярным не толькі сярод шляхты, але і сярод мяшчан. Захаваўся ўсходняга абраду і царкоўнаславянскай мовы ў набажэнствах паўплывала на тое, што ў Унію маглі пераходзіць і сяляне. Гэты факт паспрыяў пераходу сялян з праваслаўя ў каталіцтва [9; 10].

Агулам, «Беларуская Зарніца» пазітыўна ставілася да Уніі як да з'явы. Аднак працэс пераходу ў яе і вынікі – канфесійны падзел Вялікага Княства Літоўскага і залежнасць ад Кароны Польскай – прынеслі разлад на тэрыторыю княства.

Абсалютна адрозны ад часопіса «Беларуская Зарніца» погляд на ўнію меў часопіс «Голас праваслаўнага беларуса». У 1-ым і 2-ім нумарах выдання былі змешчаны артыкулы на тэму заключэння і распаўсюджання Брэсцкай царкоўнай Уніі, якія мелі адпаведна назвы «Да праблемы адраджэння нацыянальнае Царквы ў Беларусі [12, с. 10]» і «З чаго спарадзілася дыя як памерла гісторычная вунія [13, с. 10]».

«Голас праваслаўнага беларуса», як і «Беларуская Зарніца», у прычынах заключэння Уніі адзначалі жаданне прывілеяў для праваслаўнага духавенства, якія тады мела каталіцкае. Аднак рэдакцыя падкрэслівала: «Вунія ніколі не была і не магла быць нацыянальнаю беларускаю царквою [12, с. 11]».

Таксама аўтары заставаліся на пазіцыях гістарыяграфіі XIX ст. і былі перакананы, што заключэнне Уніі з'яўлялася «акцыяй зверху [13, с. 11]», народ жа да яе далучаўся пад прымусам. У той жа час, скасаванне Уніі – наадварот – гэта ініцыятыва простых вернікаў, да якой «сталі далучацца духавенства спачатку ніжэйшае, пасля вышэйшае і ўрэшце расійскі ўрад [13, с. 13]».

Вынікі распаўсюджання Уніі, на думку аўтараў, былі наступныя:

- ♦ заняпад беларускай культуры;
- ♦ аслабленне пазіцый Праваслаўнай Царквы праз неабходнасць пастаяннай барацьбы з Уніяй (прыводзіўся прыклад казацкіх паўстанняў 1648–1650 гг.).

Унія, на погляд рэдакцыі, прынесла «згубу, сьмерць [12, с. 11]».

У нумары часопіса «Сьветац Беларусі» рэдактар У. Більдзюкевіч у аўтарскім артыкуле «Справа ўнійная» [6] выказаў свой погляд. Ён разглядаў заключэнне Уніі 1596 г. як сродак «залячэння раны [6]» рэлігійнага падзелу насельніцтва ВКЛ на каталікоў і праваслаўных. Аднак, на думку рэдакцыі, спроба залячыць рану, аказалася не паспяховай. Прычыну няўдалага распаўсюджання Уніі Більдзюкевіч бачыў у тым, што да рэлігійнага пытання падключылася пытанне палітычнае: «І гэта было галоўнай перашкодай дзеля аб'яднання, бо народ заўсёды вычуе няшчырасць закуліснае работы, асабліва калі гэта датычыць яго рэлігійнага пачуцця [6]».

У сваю чаргу, каталікі не надавалі такой увагі гісторыі Уніі, як гэта рабілі праваслаўныя вернікі. Можам меркаваць, што гэта адбывалася з той прычыны, што Касцёл з'яўляўся апорай для неауніятаў [2], а таксама таму, што самі прыхільнікі неауніі вызначалі сябе як «...мы каталікі не лацінскага, а ўсходняга абраду [14, с. 5]», або «я веры грэка-каталіцкай [8, с. 3]». Некаторыя меркаванні і тэксты ўсё ж сустракаюцца на старонках прэсы і каталіцкай скіраванасці.

Газета «Biełaruskaja Krynica» з самага пачатку свайго выдання звяртала вялікую ўвагу на тэму адраджэння Уніі, увёўшы нават рубрыку «Куток аб уніі». Што тычыцца погляду на Царкоўную унію 1596 г., то тут аўтары трансліравалі пазіцыю аб тым, што рэлігійная справа Уніі стала ўрэшце палітычнай справай. «Унія ў вачах палякаў была пажадана настолькі, наколькі яна служыла справам паланізацыі шырокіх мас беларускіх [15, с. 1]».

У 1939 г. у часопісе «Chrysčijanskaja Dumka» выйшла серыя артыкулаў, прысвечаных Брэсцкай царкоўнай уніі, пад агульным загалоўкам «Хрысціянства і беларускі народ» [16; 17; 18; 19]. Іх аўтарам з'яўляўся рэдактар часопіса А. Станкевіч.

Стрыжнем серыі артыкулаў з'яўлялася думка Станкевіча аб супярэчнасці Уніі, якая з аднаго боку аказалася «фальшывай», а з іншага – выратаваннем для беларускай нацыі і царквы. Пры ўсіх недахопах рэалізацыі Уніі на землях ВКЛ Станкевіч быў перакананы: Унія – быў

адзіны выхад са складанага становішча Вялікага Княства Літоўскага на той час. І не толькі выхад, але і «гістарычная неабходнасць і для беларускай цэрквы, і для беларускага народу [18, с. 5]», з гэтага выцякаў і тэзіс, які прасоўваў Станкевіч: за 243 гады свайго існавання Унія стала «беларускай нацыянальнай верай» [18, с. 5].

Перадумовай прыняцця Царкоўнай уніі Станкевіч называў страту фармальнай самастойнасці Беларусі пасля заключэння Люблінскай уніі 1569 г. і заняпад культурнага жыцця. Паводле А. Станкевіча, прымаючы Унію, урад Рэчы Паспалітай праследаваў палітычныя мэты, духоўныя адзінкі «згадзіліся на унію для дабра сваёй цэрквы» [17, с. 4].

Вынікі распаўсюджання Уніі Станкевіч лічыў негатыўнымі: «унія на беларускіх землях у XVIII ст. была ўжо выключна верай сялянскай, прычым у многім ужо злаціненая і спольшчаная [18, с. 4]». Таксама ўніяцкае духавенства, не атрымаўшы абяцання прывілеі ад лацінікаў, пераходзілі ў лацінскі абрад, пакідаўшы «свой абрад і мову, польшчыліся і пераходзілі ў польскае лацінства» [18, с. 4].

Аднак Станкевіч быў перакананы, што пасярод страт, якія прынесла Царкоўная унія, яна дала і найвялікшы здабытак: уніяцкая царква сталася адзіным сродкам беларускага нацыянальнага яднання: «Гэтых абедзвюх мэтай яна дасягала карыстаючыся славянскім языком у Службе Божай, а такжа карыстаючыся языком родным, жывым, навучаючы ўніятаў-беларусаў аднаго і другога ў цэркве й у школе, насколькі гэтая існавала» [19, с. 4]. З яго слоў, менавіта Унія як нацыянальная рэлігія дапамагла захаваць нацыянальнасць пасярод адвечнай барацьбы паміж Усходам і Захадам.

Такім чынам, разгледзеўшы артыкулы з гістарычнай палемікай вакол пытання прыняцця Брэсцкай царкоўнай уніі 1596 г., якія выдаваліся рознымі канфесійнымі выданнямі, можам адзначыць наступнае:

1) палеміка вакол гісторыі Уніі была актывізавана працэсам адраджэння Царкоўнай уніі. Прыхільнікі новага царкоўнага злучэння лічылі свой праект паслядоўным працягам ідэй Брэсцкай уніі 1596 г., пад іх уплыў траплялі праваслаўныя вернікі (у статусе перспектыўнай паствы) і каталікі (як апора для пашырэння ідэй). Гэта выклікала зваротную рэакцыю як ад праваслаўных, так і ад каталікоў, якія ў сваёй палеміцы закраналі і гістарычны аспект Царкоўнай уніі;

2) сярод праваслаўных рухаў не было адзінага погляду на гісторыю Царкоўнай уніі. На старонках выданняў транслявалася досыць палярная пазіцыя адносна гістарычных працэсаў XVI стагоддзя:

♦ рэдакцыя часопіса «Беларуская Зарніца» прасоўвала думку, што ідэя Уніі – пазітыўная з’ява (абапіралася пры гэтым на актуальныя для свайго часу гістарыяграфічныя напрацоўкі), але практычная рэалізацыя падпала пад крытыку;

♦ часопіс «Съветац Беларусі» разглядаў Унію як спосаб пераадолення рэлігійнага падзелу насельніцтва ВКЛ;

♦ выданне «Голас праваслаўнага беларуса» ў ацэнцы царкоўнай Уніі заставалася на пазіцыях гістарыяграфіі XIX ст. і ў гістарычным плане царкоўны саюз лічыла з'явай негатыўнай;

3) каталіцкія выданні не надавалі вялікай увагі тэме Уніі у гістарычнай рэтраспектыве. З невялікай колькасці апублікаваных матэрыялаў вынікае, што прадстаўнікі каталіцкіх рухаў Царкоўную унію 1596 г. успрымалі неадназначна. Яны лічылі яе ратавальнай для нацыі і надавалі статус нацыянальнай царквы. Але да метадаў распаўсюджання Уніі ставіліся досыць крытычна, негатыўна ўспрымалі той факт, што заключэнне Царкоўнай уніі мела палітычны аспект.

ЛІТАРАТУРА

1. *Верамееў, С. Ф.* Антон Немацэвіч. Святар і пакутнік / С. Ф. Верамееў. – Мінск : «Альфа-кніга», 2023. – 50 с.
2. *Загідулін, А. М.* Беларускае пытанне ў польскай нацыянальнай і канфесійнай палітыцы ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. М. Загідулін. – Гродна : ГрДУ, 2010. – 183 с.
3. *Туронок, Ю.* Мадэрная гісторыя Беларусі. / Ю. Туронак. – Вільня : Інстытут беларусістыкі, 2008. – 882 с.
4. Да Злучэння! – 1932. – № 1.
5. Да Злучэння! – 1932. – № 11.
6. Съветац Беларусі. – 1931. – № 1 (4).
7. *Афонский, П.* Что такое уния, как она начиналась и как окончилась? / П. Афонский // Минские епархиальные ведомости. – 1889. – № 6. – С. 146–155.
8. Да Злучэння! – 1935. – № 3.
9. Беларуская зарніца. – 1928. – № 7–8.
10. Беларуская зарніца. – 1929. – № 1.
11. *Ігнатоўскі, У. М.* Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У. М. Ігнатоўскі. – Менск, 1926. – 176 с.
12. Голас праваслаўнага беларуса. – 1931. – № 1.
13. Голас праваслаўнага беларуса. – 1931. – № 2.
14. Да Злучэння! – 1938. – № 9.
15. *Biełaruskaja Krynica.* – 1927. – № 34.
16. *Chryscijanskaja Dumka.* – 1939. – № 16.
17. *Chryscijanskaja Dumka.* – 1939. – № 17.
18. *Chryscijanskaja Dumka.* – 1939. – № 18.
19. *Chryscijanskaja Dumka.* – 1939. – № 19.

Поступила в редакцию 16.05.2025

УДК 94+343.37:[930.25+341.324.5](476)«1941/1945»

Грабянчук Ігар Васільевіч

кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
дацэнт кафедры гісторыі і сацыяльных
навук

Мінскі дзяржаўны лінгвістычны
ўніверсітэт

г. Мінск, Беларусь

Ihar Hrabianchuk

PhD in History, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of History and Social Sciences

Minsk State Linguistic University

Minsk, Belarus

e-mail: ivgr7@mail.ru

ПРАЯВЫ ЭКАНАМІЧНАГА ГЕНАЦЫДУ НА АКУПАВАНАЙ НАЦЫСТАМІ ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ (паводле нямецкіх трафейных дакументаў)

У артыкуле прааналізаваны трафейныя дакументы германскага паходжання, якія захоўваюцца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь (фонд 1440). Асветлены асноўныя аспекты нямецкай эканамічнай палітыкі на падставе шырокага фактычнага матэрыялу. Устаноўлена, што карная аперацыя «Герман», якая праводзілася нацысцкімі акупантамі ўлетку 1943 г., мела працяг увосень таго ж года. Прыведзена абагульняючая статыстыка па дэмаграфічных стратах і матэрыяльнай шкодзе, прычыненай беларускаму народу гэтай дадатковай карнай акцыяй.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: Вялікая Айчынная вайна; нацызм; акупацыя; эканамічны генацыд; харчовая праблема; партызанскі рух; карныя аперацыі; дэмаграфічныя страты.

MANIFESTATIONS OF ECONOMIC GENOCIDE IN THE NAZI-OCCUPIED TERRITORY OF BELARUS (According to German Troy Documents)

The article analyzes captured documents of German origin stored in the National Archive of the Republic of Belarus (fund 1440). The main aspects of German economic policy are highlighted on the basis of extensive factual material. It has been established that the punitive operation “German”, which was carried out by the Nazi occupiers in the summer of 1943, was continued in the autumn of the same year. Summary statistics on demographic losses and material damage caused to the Belarusian people by this additional punitive action are presented.

Key words: The Great Patriotic War; Nazism; occupation; economic genocide; food problem; partisan movement; punitive operations; demographic losses.

Пасля таго як войскі германскага вермахта заваявалі вялікія тэрыторыі еўрапейскай часткі СССР, акупацыйная адміністрацыя сутыкнулася з сур’ёзнымі праблемамі ў арганізацыі эфектыўнага кіравання імі ў гаспадарчых адносінах. Ужо праз месяц пасля пачатку вайны была праведзена

гаспадарчая інспекцыя акупаваных тэрыторый. Приведзеная ніжэй цытата з яе справаздачы дае магчымасць убачыць поўную карціну тых цяжкасцей кіравання, якія паўсталі перад акупантамі: “Палёт над бязмежнымі прасторами Рыга-Пскоў-Опачка-Віцебск-Мінск дае дакладнае ўяўленне, што цалкам ахапіць гаспадарчым кіраваннем акупаваную рускую тэрыторыю зусім немагчыма. Мы адразу ж павінны (арыентавацца) настройвацца на тое, каб кіраваць найбольш важнымі ў гаспадарчых адносінах абласцямі, а ўсе астатнія вобласці – няхай нават яны будуць і большымі за гэтыя – пакінуць (закінуць). Калі мы не рашымся на гэта, то распылім невялікія сілы, якія ёсць у нашым распараджэнні, і амаль нічога не даб’емся. Так, напрыклад, тэрыторыя, якая абслугоўваецца гаспадарчай камандай Мінска, распасціраецца ў даўжыню на 800 км. і ў шырыню на 500 км. Гаспадарчая каманда мае крыху больш за 380 чал., уключаючы сельскагаспадарчых кіраўнікоў, г.зн. на 400 000 кв. км. мясцовасці на кожныя 1 000 кв. км. прыходзіцца адзін адзіны немец. У такіх умовах кіраванне гаспадаркай краіны немагчыма. Такім чынам, варта адмовіцца ад выкарыстання нямецкага гаспадарчага персаналу ў гаспадарчых адносінах менш важных абласцях на карысць больш важных абласцей, напрыклад, як Украіна і г.д.” [1, арк. 14–15].

З цытаванага дакумента вынікае, што акупанты глядзелі на захопленыя тэрыторыі выключна з пункту гледжання найбольш поўнага іх выкарыстання ў інтарэсах нацысцкай Германіі. Найбольш сур’ёзнай праблемай для акупацыйных улад было забеспячэнне харчаваннем гарадскога насельніцтва. У адной з аператыўных зводак акупантаў у жніўні 1941 г. на гэту тэму было сказана наступнае: “Харчовае становішча гарадскога насельніцтва пасля апошняга паведамлення амаль не змянілася, але яно неаднолькавае сярод насельніцтва. У той час як частка жыхароў ужо шмат дзён у вочы не бачыла хлеба, іншыя ж змаглі падчас ваенных дзеянняў праз рабаванне крам і складоў стварыць дастатковыя харчовыя запасы, за кошт якіх і жывуць цяпер. Частка жыхароў пастаянна блукае па дарогах і вёсках, на сваю рызыку здабываючы харчаванне” [2, арк. 89].

Выбудоўваючы эканамічныя планы на будучыню ў ліпені 1941 г., акупанты яшчэ не ўлічвалі наколькі цяжкім будзе іх ажыццяўленне з-за партызанскага і падпольнага руху на акупаванай тэрыторыі Беларусі. Тады яны бачылі галоўную небяспеку ў тым, што калі будзе ўрэзаны ліміт на тую нязначную колькасць аўтамабіляў (звычайна 6–10 штук), якія прызначаліся для гаспадарчых каманд, то праблемным стане захаванне і зберажэнне найважнейшых відаў сыравіны “і запасаў і іншага добра”, паколькі ў такім выпадку яны будуць выкарыстаны часцямі вермахта і насельніцтвам. “Любы самы строгі загад воінскім часцям аб захаванні запасаў або рацыянальным іх выдаткаванні зробіцца (бязмэтавым) бескарысным. Мы павінны разліч-

ваць на тое, што амаль нічога не знойдзем на складах. Калі ж наша наступленне і ў далейшым будзе такім запаволеным, а хутчэй рухацца не можам у сувязі з цяжкасцямі забеспячэння войск, то рускія сістэматычна ўсё спяляць, як гэта яны рабілі па-майстэрску стагоддзямі падчас ваенных паходаў на Расію” [1, арк. 15–16].

У снежні 1941 г. справы не палепшыліся: “Харчовае становішча, асабліва ў буйных гарадах, надзвычай дрэннае. На карткі ў Мінску выдаецца толькі хлеб і сіроп, аднак і за імі трэба выстаць у чарзе шмат гадзін, так што рабочыя не заўсёды могуць атрымаць іх рацыёны” [3, арк. 41].

Па талонах выдаваліся на чалавека 2 куб. м торфу, але паколькі яго трэба дастаўляць за 5–25 км., то многія жыхары адмаўляліся ад торфу і шукалі ацяпленне ў разбураных дамах. Забеспячэнне прадметамі першай неабходнасці так і не было наладжана, легальным шляхам іх нельга было атрымаць. У такіх абставінах селянін і гараджанін былі не ў стане набыць што-небудзь за сваю зарплату, адпаведна “...на ўсю моц квітнее спекуляцыя і абменны гандаль. Інстынкт самазахавання штурхае людзей на тое, каб насуперак найстражэйшым забаронам і захадам іх абыходзіць” [3, арк. 42].

Адбылася дэградацыя таварна-грашовых адносін: “Давер да каштоўнасці грошай амаль цалкам знік. Руская валюта ў прыватным гандлі наогул не курсіруе, нямецкая бярэцца неахвотна. Асновай гандлёвых разлікаў служыць самагонка, тытунь і мука, прычым гэтыя тавары бяруцца не толькі спажывацямі, а наогул, з’яўляюцца, як правіла, мерай кошту і гандлёвых здзелак. Усё больш наступае стан падобны інфляцыі” [3, арк. 42]. Напрыканцы 1941 г. на чорным рынку 1 кг хлеба каштаваў 3,50 нямецкіх марак (далей – н.м.), 1 кг тлушчу – 30 н.м., 1 кг алею – 35 н.м., 1 кг масла – 32 н.м., 1 яйка – 1 н.м., 1 лтр. малака – 2,50 н.м., 1 кг капусты – 2 н.м., 500 г мыла – ад 6 да 8 н.м., 50 г махоркі – 8 ням. марак, 0,5 лтр. самагонкі – 15 н.м. Змяніць такое становішча, на думку нямецкіх эканамічных экспертаў, можна толькі ў тым выпадку, калі спажывацам будзе дадзена магчымасць нешта купіць на заробленыя грошы [Там жа, арк. 42].

Цяжкасці працягвалі нарастаць і ў першай палове 1942 г. У пачатку студзеня дзённы рацыён у Мінску складаў 100 г. хлеба на аднаго чалавека, пры гэтым шмат жыхароў гэтага горада наогул не атрымалі хлеба. Напружанае становішча ускладнялася яшчэ і чуткамі пра тое, што запасы бульбы скончыліся. З вёсак таксама паступалі скаргі на няроўнае харчовае забеспячэнне. Нямецкія ўлады забаранілі свабодны гандаль, але ж толькі ён пакідаў для вяскоўцаў і гараджан адзіную магчымасць атрымання дадатковага харчавання. “У гэтай сувязі сярод насельніцтва назіраюцца непавага і невыкананне распараджэнняў акупацыйных улад. Нягледзячы на

найстражэйшую забарону спекулятыўнага гандлю, ён працягвае ўзрастаць і квітнець”, – прыходзілі да несучасных для сябе высоў нацысцкія адміністратары [4, арк. 6].

На рабочай нарадзе ў рэйхсміністра Разенберга 29 траўня 1942 г. канстатавалася, што харчовае забеспячэнне вясковага насельніцтва добрае і, наадварот, гарадскога насельніцтва катастрафічнае. Прычыну такога становішча акупанты тлумачылі недастатковай рашучасцю гаспадарчай інспекцыі, бо калі б яна “...больш выпампоўвала харчавання з сельскай мясцовасці, то харчовае становішча гарадскога насельніцтва магло быць палепшана. Аднак гаспадарчая інспекцыя паступае насуперак гэтаму, паколькі не жадае абвастраць свае адносіны з сялянамі. У той жа час гарадское насельніцтва, якое галадае, з’яўляецца крыніцай папаўнення варожай агентуры і партызан” [5, арк. 94].

Магчымы шлях для вырашэння гэтай праблемы некаторым чыноўнікам акупацыйнай адміністрацыі бачыўся ў тым, каб адміністрацыйнае, гаспадарчае і сельскагаспадарчае кіраванне засяродзіць у руках камандуючага тылам групы армій “Цэнтр”. Такое пераразмеркаванне паўнамоцтваў дазволіла б “...без правалок і ўсемагчымых «за і супраць» урэгуляваць размеркаванне харчавання ў роўнай меры паміж горадам і сельскай мясцовасцю, што, натуральна, мела б рашаючае значэнне для ўціхамірвання краіны” [6, арк. 106–107].

Такім чынам, і ў гэтым дакуменце бачым спадзяванні акупантаў на нейкую цудадзейную моц цэнтралізацыі ўсіх эканамічных працэсаў. Пры гэтым, аналізуючы змест нямецкіх дакументаў, нельга не звярнуць увагу на тое, што ў іх часам гучаць саманадзейныя і самаўпэўненыя тэзісы, якія пераацэньваюць ступень уплыву палітыкі і прапаганды акупантаў на светапоглядныя пазіцыі паняволенага народа Беларусі: “У вольных ад партызан раёнах настроі насельніцтва добрыя. Партызанскі тэрор і бандыцкая дзейнасць у першую чаргу закранае вясковае насельніцтва. Вясковае насельніцтва, хоць яно амаль цалкам у сваіх думках на нашым баку, дзякуючы дзеянням партызан і іх распаўсюджвальнікам чутак, паступова пачынае вагацца і ад гэта наносіць шкоду іх удзелу ў аднаўленчай працы. Правядзенне аграрнай рэформы адбілася станоўча. Запланаванае ў перспектыве раздача маёнткаў асобным сялянам, якія добра зарэкамендавалі сябе ў барацьбе супраць партызан, ужо сёння можна разглядаць як паспяховую меру” [Там жа, арк. 105]. Атрымліваецца, што дастаткова вырашыць праблему забеспячэння харчаваннем гарадскога насельніцтва, раздаць пабольш зямлі сваім памагатым-калабарантам – і наступіць такое жаданае “ўціхамірванне краіны”.

Тут неабходна адзначыць, што рэалізацыі грабежніцкіх памкненняў “новай улады”, акрамя пагрозы з боку партызан, яшчэ перашкаджала і не-

надзейнасць калабаранцкіх структур. Гаворка ідзе пра дапаможную службу паліцыі парадку, якая дзейнічала пры ўсіх нямецкіх установах, а таксама “беларускіх органах самакіравання”. Акупанты вымушаны былі яе пастаянна кантраляваць, прызнаючы, што калі такі кантроль адсутнічаў, “...то гэту службу без перабольшання можна назваць як «арганізаваную рабаўнічую банду». У цяперашні час амаль штодня ажыццяўляюцца рабункі і гвалт служачымі гэтай службы парадку” [2, арк. 88].

Улетку 1942 г. харчовая праблема на акупаваных тэрыторыях абвастрылася яшчэ і ў сувязі з тым, што пачасціліся выпадкі, калі нямецкія вайскоўцы парушалі правілы мытнага кантролю пры вывазе харчавання і розных вырабаў харчасмакавай прамысловасці, а таксама пры адпраўцы пасылак. Такая сітуацыя выклікала занепакоенасць у вышэйшага кіраўніцтва Трэцяга рэйха: “У сувязі з гэтым фюрэр аддаў распараджэнне пра тое, што вайскоўцы-адпускнікі вермахта або камандзіраваныя, якія выязджаюць з усходніх абласцей у Германію, могуць браць з сабой харчавання і вырабаў смакавай прамысловасці столькі, колькі змогуць панесці самі, без старонняй дапамогі. Пры гэтым яны вызваляюцца ад усялякіх праверак і канфіскацый.

Правоз тавараў і інш. у мэтах спекуляцыі забаронены” [7, арк. 82].

Ізноў гучыць тэма барацьбы са спекуляцыяй, але ж наўрад ці такія падыходы маглі паставіць надзейны заслон гэтай з’яве.

Вясной-летам 1942 г. акупацыйныя гаспадарчыя службы ацэньвалі пагалоўе жывёлы як “больш менш спрыяльнае”, таму што ішлі вялікія пастаўкі масла, і да 1 траўня яны змаглі адправіць у Германію цэлы састаў гэтага прадукта. У той жа час яны ўжо не мелі магчымасці рэквізаваць жывёлу ў партызанскіх раёнах. Дасягненню эканамічных мэт акупантаў моцна перашкаджала рабаўнічая сістэма разлікаў з сялянамі за пастаўленую сельскагаспадарчую прадукцыю. Сяляне з кастрычніка 1941 г. да траўня 1942 г. “не бачылі ў вочы наяўных грошай”. Віна за такое становішча была ўскладзена на Цэнтральнае гандлёвае таварыства “Усход”, якое з’яўлялася органам гаспадарчай інспекцыі [5, арк. 94–95].

Па прызнанні акупацыйных служб пагалоўе коней было катастрофічна малым: “І ў гэтым хаваецца вялікая небяспека для сельскай гаспадаркі. Нашы цяглавыя сілы дапамагаюць наколькі могуць у выкананні пасяўных работ... Пасяўная кампанія па дадзеных гаспадарчай інспекцыі праведзена на 80 %. Па нашых ацэнках засеяна ўсяго 60 % пасяўных плошчаў” [Там жа, арк. 95].

Найбольшыя страты ад эканамічнага генацыду нацыстаў Беларусь панесла ў 1943 г. З дакладной запіскі ад 25 ліпеня 1943 г. раённага сельскагаспадарчага кіраўніка ў Валожыне акружнаму сельскагаспадарчаму кіраўніку

даведваемся аб выніках “гаспадарання” сумна вядомага карніцкага падраздзялення – “Зондэр-палка СС Дзірлевангера”, якім камандаваў “праслаўлены” сваёй асаблівай жорсткасцю нацысцкі злчынец Оскар Дзірлевангер.

Сельскагаспадарчы кіраўнік у Валожыне паведамляў свайму акруговаму начальству, што ён вымушаны быў умяшацца, пратэстуючы супраць бязлітасных рэквізіцый жывёлы і іншай сельскагаспадарчай прадукцыі часцямі Дзірлевангера ў Пяршайскай воласці. Аднак гэта ўмяшанне ніякіх вынікаў не дало. Часцямі Дзірлевангера было спалена 11 вёсак, а іх насельніцтва знішчана. Вёска Пяршай не была спалена толькі таму, што ў ёй быў расквартараваны 3-ці батальён 31-га паліцэйскага палка. Усё працаздольнае насельніцтва гэтай вёскі, уключаючы ўсіх служачых дзяржмаёнткаў, валасной управы, служачых і рабочых маслазавода было вывезена на работы ў Германію. Сельскагаспадарчаму кіраўніку ў Валожыне пакінулі толькі бухгалтара і намесніка, а іх сваякоў адправілі ў Германію. Ён сведчыць пра надзвычайную жорсткасць нацысцкіх карнікаў: “Група Дзірлевангера амаль не пакінула жывёлы ў воласці, яе расстрэльвалі, спальвалі ці захоплівалі ў якасці трафеяў. Жывёла, якая ўцалела, сабрана мною для вядзення сельскагаспадарчых работ. У вёсках засталіся толькі старыя і дзеці” [8, арк. 73].

Летам 1943 г. нацысты правялі дзве вялікія карніцкія аперацыі пад кодавымі назвамі “Котбус” і “Герман”. У першым выпадку Курт фон Готберг паведаміў пра наступныя вынікі:

“Страты праціўніка: забіта ў ходзе баёў – 6087 чал., захоплена ў палон 599 чал., расстраляна – 3709 чал. Захоплена рабочай сілы: мужчын – 4997 чал., жанчын – 1056 чал. Захопленыя трафеі: кароў – 3262 шт., авечак – 2182 шт., коней – 904, свіней – 158, паўшубкаў і скур розных – 1618 шт., зерня – 684 тоны, бульбы – 24 тоны, ільнасемя – 38 цнтр., мукі – 70 цнтр., 2 мяшкі ільнавалакна, 2 мяшкі ільнанітак” [9, арк. 72–73].

Яшчэ больш маштабныя праявы эканамічнага генацыду нацысцкіх акупантаў бачны са справаздачы аб правядзенні аперацыі “Герман”:

“Захоплена рабочай сілы: мужчын – 9065 чал., жанчын – 7701 чал., дзяцей – 4178 чал. Захоплена сельскагаспадарчай прадукцыі: коней – 3145 шт., кароў – 6776 шт., цялят – 499 шт., авечак – 9571 шт., цялят – 499 шт., свіней – 1517, парасят – 50, коз – 14, гусей – 230, курэй – 155, зерня – 11 тон, астатняе яшчэ не ўзважана, мукі – 75 цнтр., пянькі – 0,35 т., поўсці – 10 кг, скур – 176 шт., 1 – малацілка і звыш 100 сельгасмашын” [10, арк. 77].

Акрамя таго фон Готберг паведамляў, што хоць аперацыя “Герман” афіцыйна завершылася 11 жніўня 1943 г., на тэрыторыі Навагрудскай акругі працягвалася сіламі некалькіх паліцэйскіх батальёнаў аперацыя па захопу насельніцтва, пра вынікі якой ён абяцаў паведаміць дадаткова [10, арк. 76]. Змест архіўных дакументаў сведчыць пра тое, што гэта аперацыя зацягнула-

ся да верасня-кастрычніка 1943 г. і яна не абмежавалася толькі захопам людзей. Яе вынікі на аснове дзённых справаздач абагульнены ў прыведзеных ніжэй табліцах (табл. 1, табл. 2, табл. 3)¹.

Табліца 1

Вынікі карнай аперацыі “Герман” баявой групы Готберг:
дэмаграфічныя страты

Дата	Захоплена для адпраўкі на працу ў Германію			Расстраляна / забіта	Узята ў палон
	Мужчын	Жанчын	Дзяцей		
27.09.1943	100	74			
28.09.1943	1386	168	11	84/8	3
29.09.1943	503	176	47	16/-	4
30.09.1943	900	51	4		
01.10.1943	142	114	20		4
02.10.1943	968	506	316	1/39	1
03.10.1943	87	95	77	1/54	
04.10.1943	589	340	158	-/31	2
05.10.1943	241	280	202	2/42	40
06.10.1943	147	99	52	4/13	16
07.10.1943	485	477	290	3/21	41
08.10.1943	330	269	156	33/22	11 (35 перабежч.)
09.10.1943	285	280	267	8/3	9
10.10.1943	378	290	113	12/26	34
11.10.1943	778	677	429	10/9	
12.10.1943	720	343	259	22/12	58
13.10.1943	269	321	135	4/25	4 (1 пераб.)
14.10.1943	356	419	312	9/26	64
15.10.1943	154	239	187	1/42	5
16.10.1943	573	803	405	11/-	
17.10.1943	102	110	89	5/2	22
Усяго	9493	6131	3529	226/375	318 (36 перабежч.)

¹ Усе табліцы складзены паводле: [11, арк. 213–252].

Таблица 2

Вынікі карнай аперацыі “Герман” баявой групы Готберг:
матэрыяльныя страты (пагалоўе жывёлы, захопленай акупантамі)

Дата	Маладняк	Свінні	Авечкі і козы	Коні	Дробная жывёла
27.09.1943		14		5	347
28.09.1943	808	177	1196	26	348
29.09.1943	375	117	1006	105	
30.09.1943	813	103	57	158	
01.10.1943	556	398	1970		1923
02.10.1943	2525	175	4655	152	90
03.10.1943	991	83	1655	51	6
04.10.1943	1735	700	2767	43	42
05.10.1943	376	145	723	94	24
06.10.1943	537	235	1092	56	9
07.10.1943	574	114	458	218	201
08.10.1943	700	73	1660	80	25
09.10.1943	284	26	502	190	61
10.10.1943	538	7	406	83	
11.10.1943	1336	375	1335	157	
12.10.1943	1018	196	955	197	26
13.10.1943	391	15	317	55	61
14.10.1943	1064	119	927	91	
15.10.1943	139	60	277	37	
16.10.1943	693	228	598		26
17.10.1943	240	297	417	22	46
Усяго	15693	3657	22973	1820	3235

Т а б л і ц а 3

Вынікі карнай аперацыі “Герман” баявой групы Готберг:
матэрыяльныя каштоўнасці, захопленыя акупантамі
(усе лічбы пададзены ў цэнтнерах)

Дата	Жыта / Авёс	Бульба	Сена / Салома	Гародніна	Лён
02.10.1943	172,37	408,52	840	10,28	1,18
03.10.1943	394	107	30	427,5	6
04.10.1943	119,03	5		1,4	3,6
05.10.1943	78	214	9	0,37	0,13
06.10.1943	41,88	368,88	64		
07.10.1943	68,68	484,44	336	110	
08.10.1943	190	443			10,3
09.10.1943	35	440	4	103	
10.10.1943	188	287	2	1,5	7
12.10.1943	2564	666	807		2
13.10.1943	307	1980	22		
14.10.1943	1846	2337	157		1
15.10.1943	707	2903	48		20
16.10.1943	2387	2990	280	14	
17.10.1943	624	1378	34		32
Усяго	9721,96	15011,84	2633	668,05	83,21

Такім чынам, выяўленыя дакументальныя крыніцы дазваляюць больш глыбока зразумець эканамічны аспект палітыкі генацыду беларускага народа, якую праводзілі нацысцкія акупацыйныя ўлады. Яе галоўнымі наступствамі былі дэградацыя таварна-грашовых адносін, натуралізацыя эканамічных сувязей, хранічная праблема забеспячэння насельніцтва прадуктамі харчавання. Найбольшыя страты – дэмаграфічныя і матэрыяльныя – Беларусь панесла ў выніку буйных карных аперацый у 1943 г. У выніку даследавання нямецкіх трафейных дакументаў было ўстаноўлена, што карная аперацыя “Герман” мела працяг у верасні-кастрычніку 1943 г. Страты, якія яна прычыніла, абагульнены ў дадзенай публікацыі.

ЛІТАРАТУРА

1. Справаздача аб паездцы на тэрыторыю гаспадарчай інспекцыі “Поўнач” і гаспадарчай інспекцыі “Цэнтр” у перыяд з 21 па 27 ліпеня 1941 года // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 1440. Воп. 3. Спр. 937.

2. Служба начальніка паліцыі бяспекі і СД. Аператыўная зводка з СССР № 67 ад 29 жніўня 1941 г. // НАРБ. – Ф. 1440. Воп. 3. Спр. 938.
3. Дадатак да аператыўнай зводкі № 10 аддзела прапаганды В / “Остланд” / ад 31 снежня 1941 г. // НАРБ. – Ф. 1440. Воп. 3. Спр. 931.
4. Паведамленне аб абстаноўцы № 12 за перыяд з 10 па 25 студзеня 1942 г. аддзела прапаганды “Остланд” пры камандаванні вермахта // НАРБ. – Ф. 1440. Воп. 3. Спр. 932.
5. Тэзісы аб гаспадарчым становішчы да нарады ў рэйхсміністра 29 траўня 1942 г. // НАРБ. Ф. 1440. Воп. 3. Спр. 936.
6. Данясенне № 13 ад 10 ліпеня 1942 г. аб настроях і паводзінах насельніцтва ўпаўнаважанага рэйхсміністра па занятых усходніх абласцях пры камандуючым генерале ахоўнымі войскамі і камандуючым тылам групы армій “Цэнтр” у імперскае міністэрства па занятых усходніх абласцях // НАРБ. – Ф. 1440. Воп. 3. Спр. 936.
7. Дзённы загад вышэйшага начальніка СС і паліцыі Расіі “Цэнтр” “Аб вывазе харчавання і інш. з занятых усходніх абласцей у рэйх” ад 25 жніўня 1942 г. // НАРБ. – Ф. 1440. Воп. 3. Спр. 932.
8. Дакладная запіска 25 ліпеня 1943 г. раённага сельскагаспадарчага кіраўніка ў Валожыне акружнаму сельскагаспадарчаму кіраўніку аб выніках захопу сельскагаспадарчай прадукцыі ў ходзе правядзення аперацыі супраць партызан ў Пяршайскай воласці баявой групай Дзірлевангера // НАРБ. – Ф. 1440. Воп. 3. Спр. 937.
9. Вытрымкі з баявога данясення ад 28 чэрвеня 1943 г. брыгадэфюрэра СС і генерал-маёра паліцыі фон Готберга аб ходзе правядзення аперацыі супраць партызан “Котбус” у маі-чэрвені 1943 г. // НАРБ. – Ф. 1440. Воп. 3. Спр. 937.
10. Вытрымкі са справаздачы 20 жніўня 1943 г. групенфюрэра СС і генерал-лейтэнанта паліцыі фон Готберга аб выніках аперацыі супраць партызан “Герман” на тэрыторыі Баранавіцкай акругі ў ліпені-жніўні 1943 г. // НАРБ. – Ф. 1440. Воп. 3. Спр. 937.
11. Выніковае паведамленне аб аперацыі “Герман” баявой групы Готберг. 14 жніўня 1943 г. НАРБ. – Ф. 1440. Воп. 3. Спр. 937.

Поступила в редакцию 06.05.2025

УДК 93/94

Камінскі Уладзімір Юр'евіч

аспірант кафедры філасофіі, гісторыі
і метадалогіі адукацыі
Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы
г. Мінск, Беларусь

Uladzimir Kaminski

PhD Student of the Department of Philosophy,
History and Methodology of Education
National Institute for Higher Education
Minsk, Belarus
e-mail: uladzimirka@gmail.com

ГІСТОРЫЯ ЦАРКОЎНАЙ УНІІ: УМОЎНАСЦЬ ТЭРМІНАЛОГІІ (на прыкладзе твораў Язафата Кунцэвіча)

У артыкуле апісваецца неадназначнасць канфесійнай тэрміналогіі эпохі дзейнасці Уніяцкай царквы ў Беларусі, асабліва такіх вызначальных паняццяў, як *праваслаўе* і *каталіцтва*. Царкоўныя структуры па абодва бакі палемікі карысталіся аднолькавымі найменнямі для азначэння сваёй канфесійнай арганізацыі: Праваслаўная, Усходняя, Грэцкая і інш. Па-за кантэкстам і разуменнем тэалагічных і літургічных рэалій даследчык будзе падлеглым рызыцы прымання памылковых уяўленняў пра гістарычныя працэсы, звязаныя з царкоўнай уніяй. У артыкуле паказваецца важнасць царкоўнаславянскай тэрміналогіі.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *царкоўная унія; Берасцейская унія; Язафат Кунцэвіч; Праваслаўная царква; Каталіцкі касцёл.*

HISTORY OF THE CHURCH UNION: CONVENTIONALITY OF TERMINOLOGY (Based on the Works of Josaphat Kunceovich)

The article describes the ambiguity of confessional terminology of the era of the Uniate Church in Belarus, especially such defining concepts as Orthodoxy and Catholicism. Church structures on both sides of the dispute used the same names to define their confessional organization: Orthodox, Eastern, Greek, etc. Without the context and understanding of theological and liturgical realities, the researcher will be exposed to the risk of erroneous ideas about the historical processes associated with the church union. The article shows the importance of Church Slavonic terminology.

Key words: *church union; Brest Union; Josaphat Kunceovich; Orthodox Church; Catholic Church.*

Спецыфікай даследавання гісторыі рэлігійных працэсаў, звязаных з царкоўнай уніяй, з'яўляецца іх міждысцыплінарны характар. Апроч разумення рэлігійнай тэрміналогіі на грэцкай, лацінскай, царкоўнаславянскай і польскай мовах, неабходна паглыбляцца ў сферы набажэнства, якое вывучае гістарычная літургіка, сфарміраванага на аснове рымскага царкоўнае права, уяўляць кірункі тэалагічных (багаслоўскіх) штудый і г. д.

У 1596 г. на саборы ў Берасці была абвешчана царкоўная унія – аб’яднанне структуры Праваслаўнай царквы ВКЛ (Кіеўскай мітраполіі Канстанцінопальскага патрыярхату) з Рымска-Каталіцкім касцёлам. Дзяржаўная ўлада Рэчы Паспалітай прызнала гэты акт на ўзроўні закона і таму нязгодныя з абвешчанай еднасцю фактычна рабіліся яго парушальнікамі. Дакладней будзе сказаць, што супраціўнікаў самой царкоўнай еднасці не існавала ў прынцыпе. Вернікі любой канфесіі вызнаюць веру ў адзіную Царкву і лічаць падзел паміж хрысціянамі заганным, толькі па-рознаму разумеюць гэтую лучнасць і ўмовы яе рэалізацыі. Умовы Берасцейскай уніі аказаліся непрымальнымі для вялікай колькасці вернікаў, і таму імкненне да адзінства парадаксальным чынам паглыбіла царкоўны падзел.

У кан. XVI ст. адбылася дзіўная для беларускіх земляў ВКЛ, але звычайная для гістарычнай Царквы сітуацыя, калі *праваслаўнымі* хрысціянамі сябе лічылі і называлі адначасова прыхільнікі уніі і іх апаненты. Адзін з бакоў павінен быў перамагчы і перацягнуць старую назву на сябе. Цяпер мы працягваем называць *праваслаўнымі* выключна супраціўнікаў уніі, але ў пач. XVII ст. іх перамога не была відавочнай. У змаганні за даўнюю спадчыну браў актыўны ўдзел уніяцкі дзеяч Язафат Кунцэвіч (каля 1580–1623), архіепіскап полацкі. Верагодна, з яго ўдзелам у віленскай друкарні братоў Мамонічаў было падрыхтавана ўніяцкае выданне набажэнскай кнігі «Служэбнік» (1617), у якой упершыню ва ўсходнеславянскіх кнігадруках на літургічнай працэсі («вялікім уваходзе») ужыта памінальная формула па-царкоўнаславянску: «Всѣхъ васъ, православныхъ хрѣстіанъ, да помянетъ Господь Богъ въ Царствіи своемъ...» (раней было проста «всѣхъ васъ») [1, с. 11]. Гэтай устаўкай Кунцэвіч хацеў падкрэсліць сваю палемічную пазіцыю, згодна з якой сапраўдныя *праваслаўныя* хрысціяне – менавіта ўніяты, а не адшчапенцы, якімі ён лічыў тых, хто не прызнаў унійнага пагаднення. Цікава, што гэтая інавацыя трапіла ў антыўніяцкія служэбнікі і выкарыстоўваецца ў праваслаўным набажэнстве ў наш час.

Апроч велікаўваходнай формулы, Уніяцкая царква аж да моманту свайго скасавання ў 1839 г. у сваім набажэнстве, якое яна правіла па-царкоўнаславянску, называла сваіх вернікаў *праваслаўнымі* хрысціянамі. Пра гэта сведчаць уніфікаваныя для ўсіх храмаў выданні «Літургікона» XVIII ст. з друкарні Супрасльскага манастыра. У якасці аднаго з прыкладаў можна працытаваць малітоўнае прашэнне адной з эктэніяў, якое пасля малітвы за рымскага папу, караля, духоўных айцоў і прысутных людзей сканчваецца словамі «и за вса православныхъ Хрѣстіаны» [2, без нумерацыі].

У час дзейнасці на пасадзе архіепіскапа Я. Кунцэвіч падрыхтаваў рукапісны «Катэхизмъ от слуги божого Иоасафата сочетанный» на старабеларускай мове. У 1628 г., ужо пасля смерці Язафата, амаль тоесны тэкст яго катэхізму, але без успаміну імя, быў выдадзены ў віленскай друкарні базыля-

наў Траецкага манастыра пад назвай «Наука яко верити мает каждый который щитится наречением *православия*» [3, с. 245]. Гісторык М. Корза ўстанавіла залежнасць зместу гэтых выкладаў ад польскага перакладу (каля 1572) італьянскага арыгінала (1571) катэхізіса іспанскага езуіта Хакоба Лесдэмы [4, с. 358]. Уніяцкія аўтары віленскага выдання з палемічных пазіцый імкнуліся ў самой назве кнігі запэўніць чытача, што верыць згодна з прапанаванай катэхізічнай навукай павінен кожны, хто бароніцца найменнем *праваслаўя*.

Слова *православіе* – царкоўнаславянская калька грэцкага тэрміна *ὀρθοδοξία* ‘праўдзівае меркаванне’. У царкоўнаславянскай мове карань *-δόξα-* паслядоўна калькуецца каранем *-слав-*. Так, вельмі часта ўжываемая ў набажэнстве *δοξολογία* – формула «Слава Айцу і Сыну, і Святому Духу» – паслядоўна перакладаецца як *славасловіе*.

Калі ў царкоўнаславянскай мове тэрміналогія можа падацца яснай, то ў перакладзе на іншыя мовы яснасць губляецца. Так, кароль Казімір Ягайлавіч (1447–1494) 23 ліпеня 1468 г. прасіў у лісце дазволу папы рымскага Паўла II (1464–1471) утварыць на рускай частцы ВКЛ кляштары новай галіны ордэна францішканаў-абсервантаў ці, як іх называлі ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе, бернардынцаў, па імені св. Бернардына Сіенскага (1380–1444). Мэта іх дзейнасці быў названы распаўсюд артадаксальнай хрысціянскай веры («*orthodoxe christiane fidei propagation*») [5, с. 297]. Рымска-Каталіцкі касцёл не мог сабе адмовіць у артадаксальнасці веры, таму грэцкі тэрмін *ὀρθοδοξία* ўжываў для азначэння сваёй дактрыны. Калі б гэты ліст перакладаўся на царкоўнаславянскую мову, то даслоўна атрымалася б, што манахі-бернардынцы абавязваліся пашыраць *праваслаўную* веру і таму перакладчык павінен быў бы шукаць іншы, не літаральны адпаведнік *orthodoxe*.

Артадаксальнымі хрысціянамі сябе называлі прадстаўнікі ўсіх хрысціянскіх канфесій і сярод іх вернікі старажытных цэркваў, якія не мелі лучнасці з патрыярхамі візантыйскай традыцыі і рымскімі папамі: Армянскай, Сірыйскай, Копцкай, Малабарскай і іншых. Групы прадстаўнікоў гэтых цэркваў у розны час (у тым ліку на Фэрара-Фларэнтыйскім саборы (1438– каля 1447)) уклалі ўнійныя пагадненні з Рымам. У рускай мове прыметнік *артадаксальная* ў афіцыйных назвах гэтых цэркваў паслядоўна перакладаецца традыцыйна як *православная*, што можа выклікаць ілюзію іх канфесійнай тоеснасці з расійскімі царкоўнымі арганізацыямі (РПЦ (МП), групамі РПЦЗ, ИПЦ, стараабрадніцкімі згодамі і інш.), якія маюць афіцыйную назву *православная*.

Нязгодных са сваёй дактрынай артадоксы ўсіх канфесій называлі *ератыкамі* ці, калі лічылі адрозненні не датычнымі веры, *схізматыкамі* (адшчапенцамі). *Схізматыкамі* каталіцкія аўтары называлі антыўніятаў, а найменне *ератыкоў* заставалася стандартным для пратэстантаў. Так, Я. Кунцэвіч набажэнства сваіх апанентаў называў не інакш як «блужнерствам *схізма-*

тычным» [6, с. 39] і абразай Божай [Там жа, с. 103]. Часта Кунцэвіч усю супкупнасць супраціўнікаў, якія не падпарадкоўваліся ўніяцкаму мітрапаліту, называў адным словам *Схізма*: «Паводле прыроды сваёй *Схізме* да спадобы братацца лепш з *ератыкамі* і туркамі, чым з католікамі» [Там жа]. З пункту ж гледжання антыўніятаў іх апаненты былі менавіта *ератыкамі*.

Паколькі прыхільнікі уніі лічылі ўніяцтва сапраўдным праваслаўем, то саміх сябе яны лічылі законнымі пераемнікамі ўсёй маёмасці, правоў і ўладанняў Праваслаўнай царквы да заключэння Берасцейскай уніі. У першым лісце да Льва Сапегі (1557–1633) архіепіскап палемізаваў з яго інтэрпрэтацыяй слоў апостала Паўла, што вера – дар Божы (Эф. 2:8) і таму нельга ўціскаць сумленне праваслаўных. Язафат аспрэчваў гэты тэзіс і прапаноўваў сваё разуменне слоў апостала: «Вера ёсць дарам Божым, але каталіцкая, а не *схізматычная* і не *ератычная*». Ён сцвярджаў, што ўсе старадаўнія князі былі насамрэч католікамі і фундавалі ўніяцкія епархіі. Таму адноўленая унія павінна вярнуць сваю маёмасць: «Не будуць маўчаць тыя ўладзімеравічы, Яраславічы, Ягайлавічы, Скіргайлавічы ды іншыя фундатары мітраполіі і ўладыцтваў, калі намер іхні парушаны будзе, бо яны, быўшы добрымі католікамі, пэўна не для *схізматыкаў*, але для каталіцкіх епіскапаў гэтыя сталіцы абраду рускага надалі і ўфундавалі» [6, с. 92–95]. Такая пазіцыя стала прычынай судовых спрэчак за маёмасць, пляцы, будынкі цэркваў і манастыроў, што яшчэ больш узмацніла канфесійны падзел грамадства на эмацыйным узроўні.

Абвяшчэнне прадстаўнікоў процілеглага бока *схізматыкамі* вымагала непрызнання іх царкоўнага статусу. Так, у лісце да Л. Сапегі Кунцэвіч назваў архіепіскапа Мялеція Сматрыцкага (каля 1577–1633) «новаўзніклым псеўдаўладыкам» [Там жа, с. 36], катэгарычна адмаўляючы яму ў законнасці абрання. Ніжэй у тэксце ён лаяў яго як «вялікага злачынцу» [Там жа, с. 40], а ў другім лісце «праклятага» [Там жа, с. 88]. Найвышэйшага пастыра праваслаўных Рэчы Паспалітай – патрыярха канстанцінопальскага – Язафат з’едліва абзываў «пастухом цараградскім» [Там жа, с. 95], ерусалімскага патрыярха Феафана (1608–1644) «псеўдапатрыярхам» [Там жа, с. 101], а грэцкае духавенства, што наведвала сваіх аднаверцаў у ВКЛ, нядобразычліва менаваў «прыхаднямі» [Там жа, с. 97].

Неўніяцкія цэрквы згодна з такой логікай не маглі лічыцца храмамі Божымі і ў дакументах часта, асабліва на тэрыторыі Кароны Польскай, менаваліся «сінагогамі» [7, с. 93]. Верагодна, такое найменне вынікала з тэрміналогіі царкоўнага права, у якім трэцяя група раз’яднаных хрысціян, што не трапляла ў катэгорыі ератыкоў ці схізматыкаў, называлася *парасінагогай* – ‘свавольным натоўпам’ (1 Васіл) [8, с. 91].

Другой сінанімічнай назвай Праваслаўнай царквы, прадстаўленай у ВКЛ, была *Ўсходняя* царква. Гэта назва адлюстроўвала гістарычную лакалі-

зацыю праваслаўнай хрысціянскай традыцыі ва Усходнім Міжземнамор’і і на ўсходзе Еўрапейскага кантынента, у адрозненне ад Рымска-Каталіцкага касцёла з гістарычнай лакалізацыяй на захадзе Еўропы. Кунцэвіч карыстаўся гэтым тэрмінам для абазначэння Ўніяцкай царквы. Напрыклад, у рукапісным зацеме «Ци добре церковъ восточная чинить, посвещаючи хлебъ, воду, вербу и баранка» [9, с. 14].

Трэцяй, географічна-культурнай назвай Праваслаўнай царквы ВКЛ была *Грэцкая* царква, якая выкарыстоўвалася ў царкоўна-гістарычнай палеміцы, як, напрыклад, у трактаце Л. Крэўзы (з верагодным удзелам Кунцэвіча) на старапольскай мове «Абарона царкоўнай еднасці» – *Greka Cerkiew* [10, стб. 147]. Гэта назва мае палемічнае паходжанне і ўзыходзіць да прыхільнікаў альтэрнатыўнай Рымскай імперыі, абвешчанай пры каранацыі Карла Вялікага ў 800 г. і меўшай працяг у Святой Рымскай імперыі. Яны настойвалі на выключнай рымскай аўтэнтчнасці свайго дзяржаўнага ўтварэння, адмаўляючы ў такой самай ідэнтычнасці Рымскай імперыі са сталіцай у Канстанцінопалі. Насуперак іх уяўленням, набыўшым папулярнасць у час Рэнесансу, імперыя не загінула ў 476 г., а праіснавала яшчэ амаль тысячагоддзе, бо з 335 г. мела сталіцу ў Новым Рыме (Канстанцінопалі). Старарымскія патрыёты зняважліва называлі ўсходнюю імперыю *Грэцкай* і гэтаксама менавалі царкву імперыі. Назва амаль адпавядала рэчаіснасці, бо большасць ерархіі там складалі грэкі.

Тэрміналагічная сітуацыя з саманазвай хрысціянскай царквы з цэнтрам у Рыме *Каталіцкай* таксама цалкам не адназначная. Гэтае найменне (лацінскі прыметнік *catholicus*) паходзіць з грэцкага *καθολικός* ‘суцэльны, агульны’. Тэрміналагічная складанасць палягае ў тым, што *Грэцкая* царква таксама штодня называла сябе *каталіцкай*. У літургічна-багаслоўскім тэксце «Сімвал веры» (IV ст.) вызнаецца агульнахрысціянская вера ў адзіную, святую, *каталіцкую* ‘*καθολικὴν*’ і апостальскую царкву. У царкоўнаславянскай мове *καθολικὴν* перадаецца калькай *соборная*. Прыметнік *соборный* паходзіць ад назоўніка *соборъ*, які выяўляе ідэю збору, збірання людзей, іх адмысловую еднасць. Незалежна ад стаўлення да уніі найменне царквы *саборная* ўжывалі ўсе апаненты па абодва бакі палемікі. Чытанне «Симвала веры» з вызнаннем *саборнай* царквы было неад’емнай часткай літургіі ва ўніятаў да 1839 г., а пасля іх пераводу ў Расійскую царкву не спыняецца па сёння. Кунцэвіч у пачатку свайго катэхізму прыводзіў кароткі выклад «Симвала» з абавязковымі словамі «верую во [...] Святую Церковь Соборную» [11, с. 394], а віленскія базыляне на тытульным лісце сваёй навукі сцвярджалі, што тая прынята ад *соборное* апостальскай царквы [3, с. 449].

Царкоўная арганізацыя, якая паглынула ўніятаў у 1839 г., у афіцыйных дакументах часцей за ўсё называлася скарачана Праваслаўнай расійскай

царквой, а поўная назва магла вар’іравацца: Праваслаўная кафалічная ўсходняя царква, Грэка-расійская ўсходняя царква і інш. Найменне з формай *кафалічная* ўжыта ў назве аўтарытэтнага катэхізіса (1823) будучага мітрапаліта маскоўскага Філарэта (Драздова) (1783–1867) [12, с. 1].

Назвы *кафалічная* і *каталіцкая* тоесныя і розняцца паміж сабою традыцыйнай перадачы адсутнага ў іншых мовах гуку, абазначаемага грэцкай літарай *θ* ‘тэта, фіта’. Праз пасярэдніцтва лацінскай мовы за тэтай замацаваўся адпаведнік *th*, у кірылічнай традыцыі *т*. Ва ўсходнеславянскіх мовах сфармавалася традыцыйная перадачы няіснай фанемы на пісьме з дапамогай літары *ф*. Гэта выклікала абсурднасць у правапісе пазычаных грэцкіх слоў з ‘тэтай, фітой’ у рускай мове, а пасля русіфікатарскай рэформы 1933 г. і ў беларускай: артадаксальны, арфаграфія, матэматыка, арыфметыка, рытм, рыфма, тэатр, пафас, Піфагор, Тамара і г. д.

З кан. XVIII ст. бярэ пачатак традыцыя штучнага тэрміналагічнага размежавання формаў *каталіцкая* і *кафалічная* для азначэння Рымска-каталіцкай і Праваслаўнай цэркваў. З дапамогай варыянтнасці графічнай перадачы адной літары ў XIX ст. удавалася сэнсава размяжоўваць аднолькавую саманазву царквы прыхільнікаў і супраціўнікаў уніі: Грэка-Каталіцкую і Грэка-Кафалічную цэрквы. Характэрную афіцыйную назву з 1907 г. меў падпадзел Расійскай царквы ў ЗША – Руская праваслаўная грэка-кафалічная царква ў Паўночнай Амерыцы пад юрысдыкцыяй святой улады («священноначалія») ад царквы расійскай.

Прыхільнікі уніі, называючы сябе ўніятамі, а сваіх апанентаў дызунітамі, не ўжывалі наймення Уніяцкая царква. Апошняю назву з негатыўным адценнем шырока выкарыстоўвалі прадстаўнікі канфесійнай расійскай гістарыяграфіі. Кунцэвіч для абазначэння ўсёй сукупнасці сваіх аднаверцаў часам карыстаўся абагульненнем *Унія*: «А нас, святую, старажытную *Унію* [...] выціснуць намагаюцца» [6, с. 91].

Яшчэ адным культурна абумоўленым найменнем уніятаў і праваслаўных было *русь*. Гэтае найменне ўжывалася вельмі часта і мяжа паміж канфесійным і этнічным значэннем была не заўважнай. Язафат казаў пра сябе: «*Русь* мяне на свет нарадзіла, Літва выхавала» [3, с. 449]. У афіцыйных грэцкіх дакументах *Русь* менавалася *Ρωσία* і паступова гэта грэцызаваная назва ў форме *Ρόσία* замацавалася ў тытулаванні кіеўскіх мітрапалітаў «усёй *Ροσiι*», а таксама ў рубрыках літургічных кніг. Напрыклад, у супрасльскім Літургіконе змешчаны каментар да царкоўнай традыцыі не правіць літургію ў будзённым дні Вялікага паста. Каментатар спасылаецца на мясцовы звычай адпраўляць літургію штодня: «Въ нашейже *Ρώσσι*, оуже обычай держить» [2, без нумерацыі]. Называючы сваю бацькаўшчыну *Руссю*, Кунцэвіч суседнюю дзяржаву паслядоўна менаваў Масквой згодна са старабеларускай традыцыяй: «Не дзіва, што Масква гэтак кажа» [6, с. 40].

Полацкаму архіепіскапу належыць складанне адмысловых інструкцый для святароў епархіі, г. зв. «Регулы св. Іозафата для свых прэзбытэровъ». Дваццатая рэгула (правіла) рэгульное выкарыстанне *рускай* (старабеларускай) мовы ў Царкве. З аднаго боку, Кунцэвіч бараніў літургічную царкоўнаславянскую мову ад яе дэсакралізацыі: «Кгды тежъ читают Евангеліе, albo якую молитву в голос, або ектеніи, не мають выкладат словенских слов *по руску*, але такъ читати яко написано» [14, с. 13]. З другога боку, знаходзіў у набажэнстве месца для ўжытку простаі мовы, дазваляючы ўжываць *рускую* мову для чытання Вучыцельнага Евангелля, жыццяў святых і для тлумачэння прачытанага тэксту: «*по руску* [...] учителное зас Евангеліе або житіе святых читаючи людем, могутъ выкладати» [14, с. 13].

З прыведзеных фрагментаў бачна стылістычнае размежаванне царкоўнаславянскай і старабеларускай мовы ў царкве і захады Язафата ў захаванні правільнага вымаўлення першай. Сакральная царкоўнаславянская мова Царквы ў ВКЛ моцна адрознівалася ад старабеларускай. Справа не толькі ў належнасці да розных моўных галін – паўднёва- і ўсходнеславянскай, але і ў абсалютна розных сферах ужывання. Царкоўнаславянская мова з моманту свайго стварэння была штучнай і выкарыстоўвалася для набажэнства. Старабеларуская (руская) мова заставалася жывой мовай побыту. У папулярнай літаратуры можна сустрэць памылковае найменне сакральнай мовы набажэнства стараславянскай, але стараславянская – гэта мова царкоўных пісьмовых помнікаў да XI ст.

Сучасны беларусіст Мікалай Нікалаеў займаецца вывучэннем старажытных беларускіх кнігадрукаў у кніжных сховішчах Санкт-Пецярбурга і на сваёй інтэрнэт-старонцы публікуе ў вольным доступе фота рэдкіх помнікаў старога пісьменства. Сярод апублікаваных матэрыялаў вельмі цікавымі з'яўляюцца транскрыбаваныя лацінкай царкоўнаславянскія літургічныя тэксты. Дзякуючы М. Нікалаеву, сталі вядомы не толькі падобныя ўніяцкія выданні, але і праваслаўныя, што сведчыць пра натуральны клопат адукаваных манахаў абедзвюх канфесій зрабіць набажэнскія тэксты даступнымі простым вернікам, якія ў сваёй большасці чыталі лацінскім шрыфтам. Лацінка лепш за кірыліцу перадае правільнае вымаўленне. Уніяцкія супрасльскія і праваслаўныя віленскія выданні паказваюць існаванне на літоўскай і частцы рускай тэрыторыі ВКЛ аднолькавага ўкраінска-беларускага зводу царкоўнаславянскай мовы, з арфаэпічнымі нормамі, якія да цяперашняга часу захаваліся ва Ўкраіне: вымаўленне *е* ў сярэдзіне слова як *э*, вымаўленне *ѣ* 'яць' як *і* і інш. Гэтыя нормы паступова знікаюць на ўсходзе Беларусі, пра што сведчаць апублікаваныя Нікалаевым фрагменты магілёўскіх кнігадрукаў.

Ва ўніяцкіх літургічных кнігах, дзякуючы культу Язафата Кунцэвіча, замацавалася спаланізаваная царкоўнаславянская форма імя *Іозафатъ*. Іван

Кунцэвіч быў пастрыжаны ў віленскім Траецкім манастыры з імем *Iwасафъ* у гонар святога індыйскага царэвіча. Імя прайшло доўгі шлях з санскрыту праз шэраг моў-пасярэдніцаў: першаснае *Bodhisattva* праз арабскае *Budhasf* (*Budisatif*) і грузінскае *Yudasif* (*Yiwasif*) праз змешванне арабскіх *b/y* і *d/w* дало грэцкае і царкоўнаславянскае *Iwасафъ* [15, с. 621]. Лацінізаванай формай *Jozafat* Кунцэвіч падпісваўся толькі ў дакументах на старапольскай мове, а ў старабеларускіх трымаўся традыцыйнай царкоўнаславянскай. Але ў пісьмовых творах полацкага архіепіскапа часта сустракаецца пераходная іменная форма *Iwасафатъ* [11, с. 265]. Пачынаючы з XVIII ст. у Беларусі зафіксавана найбольшая колькасць носбітаў імя Язафат у гонар полацкага мучаніка. У метрычных кнігах захавалася народная адаптацыя імені *Еже-фатъ* [16, с. 265].

Такім чынам, тэрмінам *праваслаўе* карысталіся для абазначэння сваёй дактрыны як праваслаўныя, так і каталікі, бо гэта дакладны адпаведнік грэцкага паняцця *ὀρθοδοξία*. Праваслаўнымі (артадаксальнымі) сябе лічылі і называлі ўсе бакі. У наш час слова *праваслаўе* набыло культурнае сэнсавое адценне і абазначае хрысціянскую канфесію па-за уніяй з Рымам.

Тэрмін *каталіцтва* таксама меў агульны ўжытак. Праваслаўныя і ўніяты ў набажэнстве карысталіся яго царкоўнаславянскім адпаведнікам *соборный*, а пасля ліквідацыі уніі пачаў актыўна ўжывацца прыметнік *кафалічны* для адрознення ад рымскага каталіцтва.

Дзякуючы арфаэпічнай варыянтнасці ў царкоўнаславянскай мове фармальна аднолькавая назва Грэка-ка[т/ф]алі[цк/чн]ая пачала абазначаць розныя канфесіі.

Для правільнага разумення і ўжывання канфесійнай тэрміналогіі вельмі важным аказваецца веданне царкоўнаславянскай мовы і гістарычнай літургікі.

ЛІТАРАТУРА

1. Галадза, П. Літургічне пита́ння і развіток богаслужэнь напярэдодні Берестейскай уніі аж до кінца XVII століття / П. Галадза // Берестейська унія та внутрішнє життя Церкви в XVII столітті : матеріали Четвертих “Берестейських читань”, Львів, Луцьк, Київ, 2–6 жовтня 1995 р. / Інститут Історії Церкви Львівсько Богословської Академії ; ред.: Б. Гудзяк, О. Турій. – Львів : 1997. – С. 1–53.
2. Литургикон, или Служебник. – В Общежителном М[о]н[а]ст[ы]ре Супраслском : 1763. – [834 с.]
3. Саверчанка, І. В. Aurea mediocritas. Кніжна-пісьмовая культура Беларусі: Адраджэнне і ранняе барока / І. В. Саверчанка. – Мінск: Тэхналогія, 1998. – 302 с.
4. Корзо, М. А. Кунцевич / М. А. Корзо // Православная энциклопедия / под ред. патр. Кирилла. – М., 2015. – Т. 39. – С. 355–359.

5. Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji wileńskiej, t. 1: 1387–1507, wyd. J. Fijałek, W. Semkowicz, Kraków 1932–1948. – Т. 1, з. 2. – Р. 296–297.
6. Епістоляція Сьвятога Язафата: зб. дак. / Укл. і апрац. М. Баўтовіча. – Полацк: Грэка-каталіцкая парафія Сьвятапакутніка Язафата, 2006. – 144 с.
7. Макарий. История Русской Церкви / Макарий (Булгаков) – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – Кн. 5. – 560 с.
8. Пидалион: правила Православной Церкви с толкованиями: перевод с греческого: в 4 т. / преподобный Никодим Святгорец. – Екатеринбург: Александро-Невский Ново-Тихвинский женский монастырь, 2019. – Т. 4 : Правила святых отцов. – 524, [3] с.
9. Жукович, П. Н. О неизданных сочинениях Иосафата Кунцевича / П. Н. Жукович. – ИОРЯС, 1909 г. – Т. 14. – № 3. – с. 199–231.
10. Оборона Унии. Сочинение виленского униатского архимандрита Льва Кревзы 1617 года // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. – Т. 4: Памятники полемической литературы в Западной Руси / [под редакцией П. Гильтебрандта]. – СПб. : 1878. – Кн. 1. – Стб. 147–312.
11. Старажытная беларуская літаратура (XII–XVII стст.) / уклад. Іван Саверчанка; прадмова Іван Саверчанка. – Мінск: Кнігазбор, 2007. – 605 с., [4] л. іл. – (Беларускі кнігазбор / Інстытут літаратуры ім. Я.Купалы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі; гал. рэд. К.Цвірка. Серыя 1. Мастацкая літаратура).
12. Филарет. Пространный христианский Катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви / свт. Филарет, митр. Московский и Коломенский. – Москва : Сибирская благовонница, 2013. – 158 с.
13. Лось, В. Культ Йосафата Кунцевича: програма, розвиток і роль у руській католицькій свідомості в XVII–XVIII століттях / В. Лось, Н. Сінкевич // Життя в науці. Студії на пошану Любові Дубровіної / Відпов. ред. Олексій Онищенко. – Київ : НБУВ, 2020. – С. 441–470.
14. Reguły S. Iozaphata dla swych przezbyterow // Рукописный фонд БАН. – БАН, ВР. Доброхот. 40. – Арк. 105–117 (С. 1–28).
15. Муравьёв, А. А. Варлаам и Иоасаф / А. А. Муравьёв, А. А. Турилов, А. А. Лукашевич, Н. В. Квливидзе // Православная энциклопедия / под ред. патр. Кирилла. – М., 2003. – Т. 6. – С. 619–625.
16. Лисейчиков, Д. В. «Окрестихъ раба Божаго Ежефата»: практика имянаречения в честь Иосафата Кунцевича как маркер самоидентификации униатской руси ВКЛ XVII–XVIII вв. / Д. В. Лисейчиков // Религия и русь, XV–XVIII вв. / Отв. сост., отв. ред. серии А. В. Доронин. – М. : Политическая энциклопедия, 2020. – С. 256–269.

Поступила в редакцию 19.05.2025

УДК 378.4:811(476-25):[77.03+ 303.686]

Новікаў Сяргей Яўгеньевіч

кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
прафесар кафедры гісторыі і сацыяльных
навук

Мінскі дзяржаўны лінгвістычны
ўніверсітэт
г. Мінск, Беларусь

Siarhei Novikau

PhD in History, Associate Professor,
Professor of the Department
of History and Social Sciences
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
e-mail: siarhnovikau@gmail.com

Цымбал Аляксандр Георгіевіч

кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
загадчык кафедры гісторыі і сацыяльных
навук

Мінскі дзяржаўны лінгвістычны
ўніверсітэт
г. Мінск, Беларусь

Alexander Tsimbal

PhD in History, Associate Professor,
Head of the Department
of History and Social Sciences
Minsk State Linguistic University,
Minsk, Belarus
e-mail: aleksander.g.t.@gmail.com

МІНСКІ ІНЯЗ У АСОБАХ: ГІСТОРЫЯ АДНАГО ФОТА

У навуковым нарысе аўтары працягваюць даследаванне ўнікальных старонак гісторыі Мінскага іняза (сённяшняга МДЛУ), на гэты раз упершыню прапануюць чытачу візуальны кантэнт-аналіз гістарычнага фота, якое захавала адну з найважнейшых палітычных падзей у жыцці працоўнага калектыву – святкаванне 61-й гадавіны Вялікага Кастрычніка 7 лістапада 1978 г. Упершыню як гістарычная крыніца асабістага паходжання даследуецца фота з калекцыі нядаўна адкрытага музея. Праведзенае даследаванне паказвае, што нават адно фота можа служыць важнай крыніцай для вывучэння асобных падзей з штодзённага жыцця выкладчыкаў і студэнтаў інстытута замежных моў. Асобныя дэталі з асабістых біяграфій разам з архіўнымі данымі дазволілі аўтарам наблізіцца да гістарычнай рэальнасці і знайсці адказы на зусім нечаканыя пытанні.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: візуальны аналіз; Мінскі іняз; МДЛУ; святочная дэманстрацыя; прафесарска-выкладчыцкі склад; прафесійны партрэт выкладчыка.

MSLU IN PERSONALITIES: THE HISTORY OF ONE PHOTO

In the scientific essay, the authors continue to explore the unique pages of the history of Minsk State Pedagogical Institute of Foreign Languages (Minsk Inyaz, today's MSLU). For the first time, they offer the reader a visual content analysis of a historical photo that preserved one of the most important political events in the life of the collective – the celebration of the 61st anniversary of the Great October on November 7th, 1978. A photo from the collection of the recently opened university museum is being investigated as a historical source. The conducted research shows that even one photo can serve as an important source for studying individual events from the daily life of teachers and students of the Institute of Foreign Languages. Individual details from personal biographies, along with archival data, allowed the authors to get closer to historical reality and find answers to completely unexpected questions.

Key words: visual analysis; MSLU; demonstration; faculty; professional portrait of the teacher.

Аўтары прапанаванага артыкула разглядаюць фотаздымак (малюнак) як форму дакладнай фіксацыі, захавання і перадачы гістарычнай інфармацыі. У якой ступені яна будзе цікавай для чытача – пытанне, якое заўсёды патрабуе пошуку адпаведнага выключна навуковага падыходу пры правядзенні такога даследавання. Паколькі само па сабе фота не можа перадаць цалкам усе звесткі аб падзеі ці людзях, сфатаграфаваных у пэўны гістарычны час, у пэўным месцы і пры пэўных абставінах, перад аўтарамі артыкула ўзнікаюць розныя задачы: ад спробы высвятлення аўтарства фота да абгрунтаванай інтэрпрэтацыі падзеі. Інакш кажучы, фота можна ўмоўна назваць своеасаблівым “месцам памяці”, якое ўтрымлівае даволі значны эмпірычны матэрыял. Да ўсяго, фота, якое прэтэндуе на ранг фотадакумента, з’яўляецца самастойным аб’ектам такога разгляду. Важнасць яго значна ўзрастае ў тым выпадку, калі для чытача будзе вядомы гістарычны кантэкст фотаздымка, але ў першую чаргу адкрываюцца пакуль невядомыя ці малавядомыя для сучаснікаў імёны і стане зразумелай гістарычная падзея, адлюстраваная на ім. Напрыклад, сярод удзельнікаў урачыстага шэсця, якое знаходзіцца ў фокусе аналізу, чатыры выпускнікі Мінскага дзяржаўнага педагогічнага інстытута замежных моў, пра чыю працоўную дзейнасць у Alma Mater і даведаецца чытач.

Пачаткам размовы з’явілася праграма ўрачыстасцей з нагоды святкавання 76-й гадавіны стварэння МДЛУ, якая ўключала дыскусійную пляцоўку пад агульнай назвай “Новыя вехі гісторыі Мінскага іняза”, арганізаваную на факультэце англійскай мовы кандыдатам культуралогіі, намеснікам дэкана па ідэалагічнай і выхаваўчай працы В. Л. Гуцько. У яе правядзенні удзельнічалі студэнты і выкладчыкі, у тым ліку кіраўніцтва факультэта, было пастаўлена пытанне аб прадстаўленні гістарычнага фотаздымка, выяўленага ў калекцыі фота новага музея ўніверсітэта. Аналіз фотадакумента, распачаты ў ходзе сустрэчы, прывёў да цікавых вынікаў, датычных толькі аднаго гістарычнага “месца памяці”, з якімі аўтары артыкула ўпершыню знаёмяць чытацкую аўдыторыю нашай установы адукацыі ў кантэксце вывучэння гісторыі гарадской прасторы.

Пры правядзенні навуковага аналізу аўтары вылучаюць перад сабой і асобныя задачы: устанаўленне аўтэнтычнай даты паходжання гэтай візуальнай крыніцы ў прывязцы да гістарычнага часу; вызначэнне ступені навуковай верагоднасці існавання выяўленых фактаў як гістарычных аб’ектаў; абгрунтаванасць выкарыстання асабовых звестак для інтэрпрэтацыі фотаздымка (з улікам гістарычных умоў стварэння фота). Разумеючы, што значная доля поспеху для атрымання вынікаў візуальнага аналізу залежыць ад

Мал. 1. Стаяць злева направа: Якав Мендзелевіч Воўшын, Адам Яфімавіч Разумаў, Ніна Георгіевна Краснова, Леанід Ніканоравіч Ціханаў, Міхаіл Андрэявіч Хазяеў, Зоя Леанідавна Калантай, Тамара Фёдарайна Кожанец

ступені верыфікацыі кожнага з аб'ектаў даследавання, аўтары разглядаюць апошнія скрозь прызму вывучэння сацыяльнай рэчаіснасці, выкарыстоўваючы ў тым ліку вобразныя ўяўленні для інтэрпрэтацыі кожнага факта на фотаздымку ў праламленні гістарычнага кантэксту. Заўважым, што аўтары разглядаюць фота з мэтай набліжэння ўсведамлення чытача выключна да аб'ектыўных абставін гістарычнага мінулага, апісання сутнасці самой падзеі і важнасці звароту да асабістых біяграфічных звестак кожнага з яе удзельнікаў як прадстаўнікоў вялікай сям'і мінскіх інязаўцаў.

Перш-наперш, у цэнтры нашай ўвагі знаходзіцца дата, гісторыю якой мы разгледзім спецыяльна для чытацкай аўдыторыі. Перш за ўсё хацелася б нагадаць маладому пакаленню пра галоўны матыў, якім кіраваліся непасрэдныя ўдзельнікі ўрачыстага шэсця, прысвечанага чарговай даце ў палітычным календары Беларусі. Размова ідзе пра дзень Кастрычніцкай рэвалюцыі, які паводле Указа Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 26 сакавіка 1998 г. “Аб дзяржаўных святах, святочных днях і памятных датах у Рэспубліцы Беларусь” з'яўляецца такім днём. Па цяперашні час гэта падзея вядома з гісторыі як дзень Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі, якая адбылася 25 кастрычніка (7 лістапада па новым стылі) 1917 г., і на дзяржаўным узроўні святкуецца ў Беларусі з 1920 г. [1]. Зразумела, што ў 1978 г. адзначалася чарговая дата гэтай падзеі, у нашым выпадку – 61-я гадавіна Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі.

Цяпер звернем увагу чытача не столькі на непасрэдных удзельнікаў святочнага шэсця на чале з рэктарам Н. Г. Красновай, колькі на візітную картку Інстытута замежных моў – стэндавую ўстаноўку ў адпаведным мастацкім аздабленні. З фота бачна, што ў яе цэнтры размешчаны зямны шар, на фоне якога можна прачытаць назвы пяці моў – французскай, рускай, англійскай, нямецкай і іспанскай. Адзначым гэту акалічнасць перш за ўсё таму, што кожны інязавец штодня шматкрат бачыць перад сабой вітраж, адкрыты да 25-гадовага юбілею інстытута: менавіта ён упрыгожвае хол перад галоўным корпусам, дзе зафіксаваны некалькі іншы пералік моў. Нагадаем іх – руская, іспанская, нямецкая, французская, англійская, беларуская. Такім чынам, як вынікае з вонкавай заяўкі, адлюстраванай на часовым стэндзе, галоўнае прызначэнне моўнай установы вышэйшай адукацыі заключалася ў падрыхтоўцы настаўнікаў і перакладчыкаў па чатырох замежных і дзвюх родных мовах. У цэнтры стацыянарнага вітража на ўваходзе ва ўніверсітэт над гэтымі назвамі змешчаны важны акадэмічны выраз на латыні – DUM VIVIS DISCE – ВУЧЫСЯ, ПАКУЛЬ ЖЫВЕШ!, што стала пасля яе стварэння даволі сімвалічнай візітнай карткай вышэйшай навучальнай установы – Мінскага іняза [2, с. 15].

Кажучы пра стварэнне гэтага ўнікальнага вітража, звернемся да слоў тагачаснага рэктара – Н. Г. Красновай, якой прыходзілася якраз займацца

аздабленнем інтэр'еру новых карпусоў інстытута, у тым ліку распрацоўкай яго шклянога вітража. У кнізе яе ўспамінаў чытаем: “Пригласила художников. С их помощью создали два очень красивых витража в корпусе «А» и «В», причем витражи особые, так как впервые на них были изображены человеческие фигуры, текст дали на латыни, во всяком случае, молодой художник, который нам делал эти витражи, сразу попал в члены Союза художников” [3, с. 90]. Цытата з кнігі ўспамінаў рэктара выклікае ў зацікаўленага чытача новыя пытанні, у першую чаргу, аб непасрэдным выканаўцы творчых работ, адзначаных на самым высокім узроўні ў БССР – у Саюзе мастакоў, а таксама аб існаванні яшчэ аднаго вітража.

Хто ж насамрэч быў выканаўцам такога ўнікальнага, прагрэсіўнага і, як высветлілася, малавядомага вырабу? Гэта пытанне на цяперашні час атрымала адказ дзякуючы цэлай гісторыі, якая склалася ў сённяшняй культурна-гістарычнай, асветніцкай і камунікацыйнай прасторы ўніверсітэта, дзе да 75-х угодкаў выйшла кніга аб веках гісторыі Мінскага іняза [2]. За гэты год яна стала прадметам пільнага знаёмства студэнтаў, а таксама абмеркавання разам з выкладчыкамі зместу юбілейнай навуковай манаграфіі, адкрыцця на яе старонках малавядомых фактаў гісторыі інстытута, у тым ліку і гісторыі стварэння шклянога вітража. Аднак на той мамант аўтар кнігі не ведаў імя распрацоўшчыка вітражоў, хаця ўпершыню чуў пра яго існаванне з асабістага расповеду Н. Г. Красновай. У выніку дапамог студэнт, які распавёў дома пра публікацыю ў юбілейным выданні фота з адлюстраваннем аднаго з вітражоў. Паколькі другога на час напісання манаграфіі ўжо проста не існавала. Такім чынам на сённяшні дзень стала вядома імя выканаўцы гэтай работы – Васіль Самуілавіч Чайка¹, ураджэнец Кіраўскага раёна Магілёўскай вобласці, беларускі жывапісец, мастак манументальна-дэкаратыўнага мастацтва. У 25-гадовым узросце ён закончыў Мінскае мастацкае вучылішча (цяпер УА “Мінскі дзяржаўны каледж мастацтваў імя А. К. Глебава”), манументальнае аддзяленне Беларускага тэатральна-мастацкага інстытута (цяпер УА “Беларуская дзяржаўная акадэмія мастацтваў”). З 1973 г. з’яўляецца членам Беларускага Саюза мастакоў, куды быў прыняты ва ўзросце 35 гадоў за два вітражы, якія сталі “значным творчым дасягненнем мастака” [4]. Такім чынам, з новай інфармацыі, выяўленай у вуснай размове са студэнтам, вынікала галоўнае: вітраж, які знаходзіцца паміж карпусамі “А” і “Б”, насамрэч носіць назву “Настаўнікі розных кантынентаў”, як пра гэта сведчыць яго аўтар. А другі вітраж, размешчаны паміж карпусамі “Б” і “В” – быў названы кароткім

¹ Аўтары ўдзячны за інфармацыйную падтрымку студэнту V курса факультэта раманскіх моў Ягоры Чайка.

тэрмінамі “Свет” (Мир). Як бачна, гісторыя вывучэння Мінскага іняза працягваецца, і толькі ў апошні час удалося адказаць на пытанне пра аўтарства вітражоў і высветліць іх назву.

Другім пытаннем, на наш погляд, якое ўзнікае пры знешнім знаёмстве з тэкставым зместам юбілейнага стэнда Мінскага іняза, з’яўляецца адсутнасць згадкі пра беларускую мову на выяве контураў зямнога шара, дзе ў рэчаіснасці існуюць не 5 моў, што пазначаны ў цэнтры рухомага стэнда, а шэсць, якія ўпісаны ў каляровы вітраж перад галоўным корпусам інстытута. Чаму ж на стэндзе не прыведзена родная мова беларусаў – беларуская? Хутчэй за ўсё на тое былі важкія падставы. Арганізатары юбілейнага шэсця на чале з рэктарам павінны былі зацвердзіць канцэпцыю гэтага стэнда не толькі на пасяджэнні парткама інстытута, але значна вышэй – у адказнага інструктара аднаго з самых маладых на той час Партызанскага райкама КПБ г. Мінска, які ў другі раз прадстаўляў свой раён партыйнаму і савецкаму кіраўніцтву рэспублікі. Таму падставай для вытлумачэння прадстаўнікамі інстытута на такім узроўні маглі быць фактычныя вучэбныя планы, якія на той час забяспечваліся ў ходзе выкладання ў навучальнай установе. І факт адсутнасці беларускай мовы як другой мовы навучання апроч рускай стаў прычынай таго, што на стэндзе былі згаданы мовы, якія рэальна зацвярджаліся ў якасці кваліфікацыйнай мовы дыплама па спецыяльнасцях “настаўніка замежных моў” і “рэферэнта-перакладчыка”¹, дзе на той час проста не было беларускай мовы. І гэты факт быў зафіксаваны на рухомым стэндзе. Хаця лагічна было б выкарыстаць мову для агульнага прадстаўлення ўстановы адукацыі, якая на стэндзе гучыць на рускай, а не на беларускай мове. Чаму так не здарылася, аўтары пакуль не знайшлі аргументаванага адказу.

Наступным пытаннем, якое вынікае з фота, можна назваць лакалізацыю месца ў гарадской прасторы, дзе ўдзельнікі ўрачыстага шэсця зафіксаваны на фота. Назіральны чытач адразу зверне ўвагу на важную прывязку, якая кідаецца на вочы пры ўважлівым разглядзе вулічнай прасторы, гэта трамвайныя рэйкі. Як вядома, зусім недалёка ад інстытута праходзіць вуліца Першамайская, па якой рухаецца гарадскі транспарт з выкарыстаннем рэек – трамвай. Як распавядалі адзін аднаму ўдзельнікі святочных шэсцяў, інязаўская калона фарміравалася побач з галоўным корпусам інстытута, пасля чаго выходзіла на Першамайскую вуліцу, дзе ўлівалася ў агульную калону ўдзельнікаў шэсця ад Партызанскага раёна, але канчаткова фарміравала святочную калону толькі пасля выхаду на вуліцу Святрдлова ў раёне стадыёна

¹ Аўтары выказваюць шчырую падзяку прафесару кафедры педагогікі і псіхалогіі факультэта англійскай мовы Н. П. Баранавай за інфармацыйную падтрымку.

“Дынама”. У нашым выпадку, такім месцам з’яўляецца адрасная прывязка да дома № 33 па вуліцы Ульянаўскай¹, які на цяперашні час мае той жа вонкавы выгляд і цалкам упісваецца ў ракурс фотаздымка.

Звернем увагу чытача яшчэ на адзін важны элемент аналізу фотадакумента. Кажучы пра ракурс фота, мы можам адзначыць, што невядомы для нас фатограф добра валодаў прыладай для фатаграфавання і ведаў патрабаванні да падобнага фота, асабліва выбару адпаведнай кампазіцыі. У нашым выпадку зроблена фронтальнае фота групы людзей, якія з’яўляюцца дамінуючым элементам ці галоўнай тэмай кампазіцыі. На наш погляд, перад намі фота, якое можна прылічыць да ліку прафесійнага, паколькі абраны ракурс здымка дазваляе чытачу прасачыць за галоўнымі героямі той гістарычнай падзеі. Застаецца даведацца, якой? І гэта не апошняе пытанне аўтараў у гэтым даследаванні.

Заклучным пытаннем, якое патрабуе аналізу дадатковых фактаў, з’яўляецца вызначэнне даты ўдзелу калоны Інстытута замежных моў у святочным шэсці: яно магло адбыцца або з нагоды традыцыйнай даты ў пачатку лістапада 1978 г., або ў сувязі з яшчэ адным важным юбілеем – са святкаваннем на ўрадавым узроўні 60-годдзя з дня ўтварэння БССР 1 студзеня 1969 г. Факт адсутнасці снежнага пакрыцця на той час відавочны, як і відавочны факт нашэння зімовай вопраткі кожным з удзельнікаў таго шэсця. Ці будуць такую вопратку апранаць на 7 лістапада, калі мець на ўвазе кліматычны фактар, ён паўплывае на прыняцце рашэння аб нашэнні цёплай зімовай вопраткі на штатт жаночых зімовых шуб і мужчынскіх зімовых шапак. На першы погляд, такая вопратка больш характэрна для студзеньскай пары, у параўнанні з лістападам. Чаму аўтары зусім не выпадкова вядуць размову пра 1 студзеня 1979 г. як магчымую дату арганізацыі такога святочнага шэсця? Адказ тут адзін – гістарычны. Як вядома, 1 студзеня 1919 г. была створана Сацыялістычная Савецкая Рэспубліка Беларусь, 60-годдзе якой адзначалася ў беларускай сталіцы з удзелам шырокай грамадскасці, у тым ліку студэнтаў і выкладчыкаў гарадскіх вышэйшых навучальных устаноў.

У рэшце рэшт звернемся да саміх удзельнікаў, якія былі сфатаграфаваны ў час святочнага шэсця 7 лістапада 1978 г. Адразу адзначым, што ўрачысты настрой удзельнікаў гэтага мерапрыемства – працоўнага калектыву Мінскага інязя – хутчэй за ўсё быў выкліканы святкаваннем хоць і не юбілейнай, аднак чарговай даты 7 лістапада 1978 г. – 61-й гадавіны Вялікай

¹ Аўтары ўдзячны спецыялісту кафедры гісторыі і сацыяльных навук Л. М. Купрыянавай за практычную дапамогу па адраснай лакалізацыі будынка студэнцкага інтэрната № 2 Беларускага дзяржаўнага тэхналагічнага ўніверсітэта.

Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі. Першым аргументам на карысць дадзенай даты для аўтараў артыкула з'яўляюцца два біяграфічныя факты ўдзельнікаў гэтага шэсця – А. Я. Разумава (другі злева) і Л. Н. Ціханавы (стаіць поруч з левага боку ад рэктара Н. Г. Красновай). Іх сумесны ўдзел у святочным шэсці быў магчымы ў большай ступені верагоднасці не 1 студзеня 1979 г., а менавіта ў лістападзе месяцы. Для А. Я. Разумава гэта ў меншай ступені магло з'яўляцца апошнім мерапрыемствам, на якім ён прадстаўляў перакладчыцкі факультэт, а больш верагодна адным з першых адказных заданняў па лініі куратарства плана грамадска-палітычных мерапрыемстваў Партызанскага райкама, членам якога ён з'яўляўся з 1978 г. Паводле асабістага лістка з верасня 1978 г. ён быў прызначаны на пасаду загадчыка кафедры палітычнай эканоміі. Тады як для Л. Н. Ціханавы лістападаўскае шэсце стала першым мерапрыемствам, на якім ён прымаў удзел у якасці прарэктара па навуковай працы Мінскага інязу, быў прызначаны на гэту пасаду 23 жніўня 1978 г. У якасці другога аргумента, які для аўтараў стаў вызначальным, з'яўляецца амаль нябачная кветка – чырвоны гваздзік, які трымае ў сваіх руках адзін з удзельнікаў гэтага гістарычнага фота – намеснік дэкана факультэта англійскай мовы Якаў Мендзелевіч Воўшын.

Адзначым, што Я. М. Воўшын быў студэнтам Мінскага інязу першага набору 1948 года. Ён нарадзіўся ў 1924 г. у сям'і служачых (г. Орша Віцебскай вобласці). Са жніўня 1942 г. – у Чырвонай арміі; курсант 2-га Маскоўскага пяхотнага вучылішча, якое не скончыў па прычыне адпраўкі на Заходні фронт. Са студзеня па верасень 1943 г. – наводчык станковага кулямёта ў 101-й асобнай стралковай брыгадзе. Яна разам з іншымі вайсковымі часцямі забяспечвала выкананне важнай задачы, пастаўленай Стаўкай Вярхоўнага Камандавання ў сувязі з падрыхтоўкай баявых аперацый на Аршанска-Віцебскім напрамку [5, с. 7]. У верасні 1943 г. у ходзе баёў пад г. Сураж атрымаў цяжкае раненне ў правае плячо, пасля чаго па сакавік 1944 г. праходзіў лячэнне. Узнагароджаны медалямі «За баявыя заслугі» і «За перамогу над Германіяй у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.», «20 гадоў перамогі над Германіяй у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.».

Працоўная біяграфія Я. М. Воўшына пачалася пасля паўторнага прызыву ў Савецкую Армію, у якой ён служыў да снежня 1945 г. Адначасова заканчваў 10 клас у школе працоўнай моладзі. У пачатку 1946 г. пачаў працу на Мінскай кінастудыі ў якасці праяўшчыка. З верасня 1946 па верасень 1948 г. – студэнт Ленінградскага інстытута кінаінжынераў, які вымушаны быў пакінуць па сямейных прычынах і вярнуцца ў Мінск. Тут ён 1 кастрычніка 1948 становіцца студэнтам факультэта англійскай мовы МДПІЗМ, які ў 1952 г. закончыў з адзнакай і прысваеннем кваліфікацыі выкладчыка сярэдняй і вышэйшай школы і звання настаўніка сярэдняй школы. Паводле плана

размеркавання пачаў працу настаўнікам англійскай мовы ў СШ № 13 г. Віцебска, дзе адпрацаваў адзін год, пасля чаго з верасня 1953 г. пачаў працаваць спачатку выкладчыкам ў Віцебскім ветэрынарным інстытуце, потым у Віцебскім медыцынскім інстытуце.

З 1 верасня 1954 г. працягвае свой працоўны шлях у Мінскім інязе, спачатку ў якасці старшага лабаранта кабінета кафедры англійскай філалогіі, адначасова выкладае граматыку англійскай мовы. Далейшы працоўны лёс Якаў Мендзелевіч, выпускнік факультэта англійскай мовы, назаўсёды звязаў з гэтым структурным вучэбным падраздзяленнем, адкуль зволіўся з прычыны зыходу на заслужаную пенсію толькі 30 чэрвеня 2011 г., фактычна адпрацаваўшы ў гэтай вышэйшай навучальнай установе на розных пасадах без малага 60 гадоў [6, Арк. 147].

На момант удзелу ў урачыстым шэсці, зафіксаваным на фота, працаваў на кафедры фанетыкі факультэта англійскай мовы. Апроч выкладчыцкай дзейнасці пачынаючы з 16 верасня 1957 г. крыху больш за чвэрць стагоддзя з'яўляўся намеснікам дэкана факультэта, часам выконваў абавязкі і самога кіраўніка гэтага вялікага падраздзялення. У 1967 г. быў накіраваны ў гадзічную аспірантуру Ленінградскага аддзялення інстытута мовазнаўства АН СССР, дзе пад кіраўніцтвам доктара філалагічных навук А. М. Мухіна паспяхова падрыхтаваў кандыдацкую дысертацыю. У снежні 1970 г. абараніў яе ў вучоным савеце БДУ імя Леніна ў Мінску, праз два гады атрымаў атэстат дацэнта. 24 красавіка 1996 г. яму было прысвоена званне прафесара па кафедры стылістыкі англійскай мовы. На гэтай пасадзе працаваў да канца летняга семестра 2010–2011 навучальнага года.

Нагадаем шанюўнаму чытачу, што поруч з Я. М. Воўшыным зусім невыпадкова знаходзіцца загадчык кафедры палітычнай эканоміі, былы дэкан перакладчыцкага факультэта, а на момант правядзення ўрачыстага шэсця – член Партызанскага райкама КПБ, кандыдат эканамічных навук, дацэнт А. Я. Разумаў. Характар такога партнёрства можна патлумачыць цэлавым прынцыпам, па якім бліжэйшым суседам па вучэбным корпусе “В” для А. Я. Разумава як дэкана перакладчыцкага факультэта быў якраз Я. М. Воўшын. Іх факультэты месціліся ў самым маладым вучэбным корпусе, толькі 12 гадоў таму ўведзеным у строй [2, с. 13].

Адам Яфімавіч не з'яўляўся выпускніком Мінскага іняза. Яго працоўная біяграфія пачыналася за межамі беларускай сталіцы, але мела дачыненне да ўмоўнай сталіцы беларускага Палесся – г. Пінску. Народжаны ў маі 1929 г. у в. Траўны Краснапольскага раёна Магілёўскага раёна ў сям'і сялян. Пачаў навучацца ў школе яшчэ перад вайной, якая перашкодзіла вучобе. Адам Яфімавіч застаецца на два гады на акупаванай тэрыторыі разам з бацькамі, якім дапамагаў у апрацоўцы сельскагаспадарчай прадукцыі. Пасля вызва-

лення паступае ў Палужскую школу, якую заканчвае ў 1948 г. Затым навучаўся ў Пінскім настаўніцкім інстытуце, потым быў накіраваны дырэктарам у дзве школы Пінскага раёна, дзе працаваў да 1955 г. У сакавіку 1960 г. быў накіраваны на вучобу ў Мінскую вышэйшую партыйную школу, якую скончыў у 1964 г. Пасля яе год працаваў інструктарам Пінскага ГК КПБ. У 1964 г. паступіў у завочную аспірантуру інстытута эканомікі АН БССР [7, Арк. 7, 9].

Са жніўня 1968 г. працуе на выкладчыцкай пасадзе старшага выкладчыка кафедры палітычнай эканоміі і навуковага камунізму ў Мінскім інязе. Цягам навучальнага года выкладаў палітычную эканомію на трох факультэтах, у тым ліку французскай і іспанскай моў, а таксама на вячэрнім факультэце. У сакавіку 1969 г. А. Я. Разумаў паспяхова абараняе кандыдацкую дысертцыю. Апроч таго, выкладчык вядзе актыўную грамадскую работу, узначальвае ў інстытуце пярвічную арганізацыю таварыства “Веды”, актыўна выступае сярод студэнтаў з дакладамі і тэматычнымі размовамі. С 13 мая 1969 г. абраны па конкурсу на вакантную пасаду старшага выкладчыка кафедры палітэканоміі і навуковага камунізму. З 9 верасня ў сувязі з наяўнасцю вакантнай пасады дацэнта А. Я. Разумаў быў абраны на гэту пасаду. Неабходна мець на ўвазе, што ў красавіку месяцы А. Я. Разумаў паспяхова абараніў дысертцыю на атрыманне ступені кандыдата эканамічных навук. Гэта рашэнне было зацверджана Саветам па эканамічных навук пры аддзяленні грамадскіх навук АН БССР. Атэстат дацэнта быў зацверджаны ў маі 1971 г. па кафедры палітычнай эканоміі.

У верасні 1974 г. адпаведна з рашэннем вучонай рады інстытута кандыдат эканамічных навук, дацэнт А. Я. Разумаў быў абраны на пасаду дэкана перакладчыцкага факультэта, на якой знаходзіўся да пачатку новага 1978–1979 навучальнага года, калі ён знаходзіць падтрымку і паспяхова пераабіраецца на пасаду загадчыка кафедры палітычнай эканоміі. Працуючы якраз на гэтай пасадзе ён бярэ ўдзел у шэсці з іншымі ўдзельнікамі дэманстрацыі 7 лістапада 1978 г., адначасова выконваючы партыйнае даручэнне Партызанскага РК КПБ г. Мінска.

Заўважым, што на гэтай пасадзе ён працягваў працу да 2001 г., але на пасадзе дацэнта кафедры эканамічнай тэорыі і навуковага камунізму. Апошняю заяву на выкладчыцкую пасаду А. Я. Разумеў падаў у 2006 г., калі яго ўзрост дасягнуў 77 гадоў [7, Арк. 124]. Гэта азначае, што фактычна амаль 40 гадоў свайго жыцця ён аддаў працы ў Мінскім інязе.

Крыху больш за 40 гадоў адпрацавала ў Мінскім інязе наш трэці ўдзельнік святочнай дэманстрацыі 7 лістапада 1978 г. – тагачасны рэктар Н. Г. Краснова. На момант яе правядзення яна толькі 8 гадоў працавала ў педагагічным інстытуце замежных моў, аддаючы сябе гэтай справе. Так, з яе біяграфіі бачна, што сваю педагагічную дзейнасць яна пачала практыч-

на адразу пасля заканчэння з адзнакай гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ордэна Працоўнага Чырвонага Знамя ўніверсітэта імя У. І. Леніна. Праз год пасля атрымання дыпламу аб гістарычнай адукацыі яна пачала выкладчыцкую дзейнасць на ўніверсітэцкай кафедры гісторыі КПСС, сумяшчаючы яе з навучаннем у аспірантуры і выкананнем тэмы дысертацыйнага даследавання. Са снежня 1952 г. і па верасень 1959 г. – загадвае аддзелам студэнцкай моладзі Цэнтральнага Камітэта Ленінскага Камуністычнага Саюза Моладзі Беларусі – ЦК ЛКСМБ (з 1954 г. сакратар па рабоце сярод навучальнай моладзі і піянераў, з 1957 г. – сакратар па прапагандзе).

З 1959 па лістапад 1970 г. Н. Г. Краснова – намеснік загадчыка аддзела навукі і навучальных устаноў ЦК Кампартыі Беларусі. На гэтай пасадзе яе дзейнасць была накіравана на развіццё народнай адукацыі і падрыхтоўку педагогічных кадраў у рэспубліцы. У чэрвені 1969 г. пасляхова абараняе кандыдацкую дысертацыю. Актыўна ўдзельнічае ў грамадскім жыцці горада і краіны, дэпутат Мінскага гарсавета і Вярхоўнага Савета БССР, у складзе ўрадавай дэлегацыі БССР удзельнічае ў пасяджэнні XXIII сесіі Генеральнай асамблеі ААН (1968), неаднаразова ўзначальвае дэлегацыі БССР падчас наведвання розных замежных краін. З’яўлялася дэпутатам Мінскага гарадскога савета, дэпутатам Вярхоўнага Савета БССР, членам Ленінскага і Партызанскага РК КП Беларусі, дэпутатам Партызанскага раённага савета народных дэпутатаў [8, Арк. 12, 19, 22, 25].

У адпаведнасці з загадам міністра вышэйшай і сярэдняй адукацыі Беларускай ССР № 513-К ад 24 лістапада 1970 г. кандыдат гістарычных навук Н. Г. Краснова прызначана рэктарам Мінскага дзяржаўнага педагогічнага інстытута замежных моў [8, Арк. 2]. З першых дзён працы ў інстытуце яна актыўна займалася пытаннямі па ўмацаванні матэрыяльна-тэхнічнай базы інстытута, пад пільнай увагай новага кіраўніка завяршаецца будаўніцтва спартыўнага комплекса і актавай залы інстытута, адкрываецца падрыхтоўчы факультэт для замежных грамадзян, арганізавана дызайнерскае афармленне вестыбюляў інстытута (пра што згадвалася вышэй), уводзяцца ў эксплуатацыю лабараторыя дыяфільмавання з устаноўкай дакуматара фірмы “Карл-Цэйс Йена”, праведзена мадэрнізацыя кінапраектнага комплексу, зроблены мантаж кнігапад’ёмніка па дастаўцы кніг з кнігасховішча ў чытальныя залы на другім паверсе і шмат іншага. Сярод адметных дасягненняў можна назваць распрацоўку ў 1977 г. аўтаматызаванай сістэмы кіравання ВНУ, за што яе рэктар была ўзнагароджана бронзавым медалём ВДНГ СССР [8, Арк. 23].

Узначальваючы святочную калону ўдзельнікаў дэманстрацыі 7 лістапада 1978 г., Н. Г. Краснова добра разумела, што пасляховае вырашэнне шматлікіх задач па арганізацыйнай разбудове інстытута патрабавала завяршэння новых будаўнічых праектаў, асабліва 13-павярховага студэнцкага інтэрнату па праспекту Машэрава і рэканструкцыі студэнцкага інтэрната № 1 па

Омскім завулку (цяпер вуліца Румянцава. – С. Н.) пад вучэбны корпус, адкрыцця новага памяшкання пад факультэт грамадскіх прафесій, набыцця навейшых тэхнічных сродкаў для ўдасканалення вучэбнага працэсу, у тым ліку ўвядзення кабінетаў з чэхаславацкім і японскім абсталяваннем, атрымання французскай спецыяльнай аўдыёнагляднай устаноўкі фірмы “Цыдамель”, стварэння лекцыйнай аўтаматазыхаванай аўдыторыі з 11 сістэмамі кіравання, набыцця вылічальнай машыны ЕС 1020 для рашучага павышэння эфектыўнасці вучэбнай і навуковай работы. Нагадаем чытачу, што ў 1978 г. Н. Г. Красновай было прысвоена вучонае званне прафесара, праз 10 гадоў яна была ўдастоена ганаровага звання “Заслужаны работнік народнай адукацыі БССР” [2, с 42].

Да канца сваёй працоўнай дзейнасці Н. Г. Краснова заставалася вернай Мінскаму ініязу, які з 1993 г. стаў лінгвістычным універсітэтам. На той час яна ўжо тры гады як пакінула пасаду рэктара і працавала прафесарам-кансультантам на кафедры палітычнай гісторыі. У далейшым да зыходу на пенсію працавала прафесарам на кафедры гісторыі і беларусазнаўства. 8 чэрвеня 2011 г. напісала заяву аб спыненні працоўнай дзейнасці і выхадзе на пенсію ва ўзросце 83 гады. Але на гэтым яна не спыніла творчую дзейнасць, праз год стала аўтарам кнігі ўспамінаў “Страницы моей жизни”, адзін з раздзелаў якой прысвечаны працы ў Мінскім ініязе [3, с. 81–94].

Як адзначалася вышэй, наступны ўдзельнік шэсця 7 лістапада 1978 г. кандыдат педагагічных навук Л. Н. Ціханаў менш двух месяцаў працаваў у інстытуце на штатнай пасадзе прарэктара па навуковай працы. Хаця выкладчыкам у інстытуце ён пачаў працаваць на ўмовах сумяшчальніцтва з верасня 1971 г. Да таго часу яго біяграфія ўтрымлівала шмат іншых звестак аб розных месцах працы і пасадах, у тым ліку не толькі педагагічных. Так, пасля заканчэння Гродзенскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя Янкі Купалы ён – выкладчык матэматыкі. Але па спецыяльнасці не працаваў, паколькі быў рэкамендаваны на пасаду інструктара ГК ЛКСМБ г. Гродна, праз год становіцца загадчыкам аддзела абкама камсамола. З гэтай пасады быў прызваны ў Савецкую Армію, пасля вяртання з якой цягам пяці гадоў загадваў аддзелам ЦК ЛКСМБ. У 1969 г. пачаў працу ў якасці інструктара аддзела навукі і вучэбных устаноў ЦК КПБ. Праз два гады на гэтай пасадзе пачынае працу па сумяшчальніцтве ў Мінскім ініязе на кафедры педагогікі, дзе чытае лекцыі па гісторыі і методыцы піянерскай працы. Заўважым, што пачынаў сваю біяграфію Леанід Ніканоравіч навучэнцам Гродзенскага тэхнікума чыгуначнага транспарту, дзе вучыўся пасля школы да паступлення ў інстытут [9, Арк. 2 адв.].

На момант прыходу ў Мінскі ініяз Л. Н. Ціханаваў меў высокія ўзнагароды, у тым ліку: за актыўную работу па камуністычным выхаванні моладзі ён атрымаў Ганаровую грамату Вярхоўнага Савета БССР, Ганаровую грамату

Міністэрства асветы СССР, быў азначаны значком “Выдатніка народнай адукацыі БССР”. У чэрвені 1980 г. яму было прысвоена званне дацэнта кафедры педагогікі, з лютага 1988 г. ён доктар гістарычных навук. У пачатку студзеня 1989 г. Л. Н. Ціханаў быў пераведзены на працу ў Мінскі дзяржаўны педагогічны інстытут імя А. М. Горкага, дзе заняў пасаду прарэктара па вучэбнай рабоце [9, Арк. 90].

З 1993 г. працаваў рэктарам установы адукацыі “Беларускі дзяржаўны педагогічны ўніверсітэт імя Максіма Танка”. Займаючы пасаду рэктара, узначальваў Беларускаю акадэмію адукацыі, з’яўляўся віцэ-прэзідэнтам Беларускага аддзялення Міжнароднай акадэміі Вышэйшай школы, членам Савета Рэспублікі Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. Аўтар больш 150 навуковых работ, унёс значны ўклад у распрацоўку канцэптуальных дакументаў у вобласці вышэйшай педагогічнай адукацыі [10].

Далей на здымку побач з Л. Н. Ціханавым стаіць прарэктар па вучэбнай рабоце М. А. Хазяеў, выпускнік другога набору ў Мінскі ініяз [11, Арк. 14 адв.]. Цікава, што з 1941 па 1943 г. ён знаходзіўся на акупаванай тэрыторыі Беларусі. Яго працоўная біяграфія пачалася на пасадзе старшага піянерважатага СШ № 42 г. Мінска за два гады да паступлення на факультэт англійскай мовы, у наступны год праца была працягнута ў сталічнай сярэдняй школе № 13 паралельна з пачаткам навучання на факультэце англійскай мовы. Поўны курс быў скончаны ў 1953 г., але месца працы было зменена. З ліпеня 1953 па студзень 1960 г. выпускнік Мінскага ініяза працуе спачатку начальнікам аддзела, потым інспектарам Міністэрства асветы БССР па замежных мовах, адначасова працуючы на ўмовах сумяшчальніцтва старшым выкладчыкам (на 0,5 стаўкі) кафедры методыкі МДПІЗМ. У 1960 г. быў пераведзены на пасаду старшага выкладчыка гэтай кафедры і абраны загадчыкам курсаў для тых, хто ад’язджаў на працу за мяжу, дзе працаваў да 1964 г. З ліпеня 1964 г. па снежань 1967 г. – дэкан факультэта англійскай мовы. Пры гэтым прымае актыўны ўдзел у рабоце секцыі замежных моў Навукова-тэхнічнага савета Міністэрства вышэйшай і сярэдняй спецыяльнай адукацыі БССР. З 1956 г. па 1974 г. 20 разоў выязджаў ад БССР на міжнародныя канферэнцыі пра асвеце ў Жэневе, Тэгеране, Токіа, Бухарэсце. У 1966–1967 г. знаходзіўся ў Вялікабрытаніі ў якасці стыпендыята ЮНЭСКА. У красавіку 1969 г. быў залічаны ў аспірантуру Акадэміі педагогічных навук СССР, дзе паспяхова абараняе кандыдацкую дысертацыю ў Навукова-даследчым інстытуце тэорыі і гісторыі педагогікі АПН СССР. У маі 1970 г. быў зацверджаны ў вучоным званні дацэнта па кафедры методыкі выкладання замежных моў. У лістападзе 1972 г. быў рэкамендаваны для выезду на працу ў Парыж у сакратарыят ЮНЭСКА ў дэпартаменце сярэдняй і вышэйшай адукацыі [11, Арк. 12; 13; 65; 77; 111].

За высокія дасягненні ў працы неаднаразова адзначаны дзяржаўнымі ўзнагародамі, у тым ліку: юбілейным медалём да 100-годдзя нараджэння Уладзіміра Ільіча Леніна; у 1973 г. – Ганаровым званнем “Заслужаны работнік вышэйшай школы БССР”; у 1978 г. – Ганаровай граматай Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР; выдатнік асветы БССР; нагрудным значком “За выдатныя поспехі ў рабоце Міністэрства вышэйшай і сярэдняй спецыяльнай адукацыі БССР” [11, Арк. 112 адв.].

З 1969 г. быў прызначаны на пасаду прарэктара па вучэбнай рабоце Мінскага іняза, на якой прапрацаваў да снежня 1981 г. Па стане здароўя быў вымушаны пакінуць кіруючую пасаду і перайсці на выкладчыцкую, на якой працаваў да канца мая 1986 г., калі пайшоў з жыцця па прычыне хваробы [11, Арк. 113; 114].

Наступны ўдзельнік святочнага шэсця Зоя Леанідаўна Калантай – таксама выпускнік Мінскага іняза. З 1969 па 1975 г. навучалася на факультэце англійскай мовы, у гады навучання цягам года працавала за мяжой ў якасці перакладчыка. З 1975 па 1979 г. – сакратар камітэта камсамола факультэта англійскай мовы, потым два гады ўзначальвала камітэт камсамола Мінскага іняза. З 1976 г. па 1982 г. працавала на ўмовах сумяшчальніцтва выкладчыкам у Мінскім інязе. Пасля гэтага закончыла Мінскую вышэйшую партыйную школу, потым амаль дзесяць гадоў займала розныя пасады у камсамольскіх і партыйных органах г. Мінска, загадвала лабараторыяй НДІ педагагічнай адукацыі Акадэміі педагагічных навук СССР. Са жніўня 1991 па верасень 1993 г. супрацоўнік Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь. Як у сваіх успамінах пра З. Л. Калантай пісала Н. Г. Краснова, “часть [выпускников института] работают в посольствах и в том числе послами” [3, с. 91]. Былы рэктар з гонарам адзначала, выдатніца вучобы на факультэце англійскай мовы, якая бліскуча валодала дзвюма замежнымі мовамі, у розныя гады працавала дарадцам Пасольства Рэспублікі Беларусь у Вялікабрытаніі, намеснікам пастаяннага прадстаўніка нашай краіны пры ААН у Нью-Ёрку. Ці думала пра гэта 26 гадовая кіраўніца камітэта камсамолу факультэта англійскай мовы, прадстаўляючы са сваімі калегамі ад імя камітэта камсамола факультэта англійскай мовы Мінскі іняз на святочнай дэманстрацыі 7 лістапада 1978 г.?

Апошнім удзельнікам урачыстага шэсця на фотаздымку з’яўляецца Т. Ф. Кожанец – намеснік дэкана факультэта нямецкай мовы. Яе працоўная біяграфія магла пачацца ў зусім іншай сферы, перспектыва якой вымалёўвалася ў прывязцы да спецыяльнасцей медыцынскага профілю. Нагадаем, у 1946–1949 гг. Тамара Фёдораўна скончыла фельшарска-акушэрскую школу ў г. Гродна. Пасля гэтага атрымлівала сярэдняю адукацыю, вучылася

ў 10 класе сярэдняй школы г. Асіповічы. Праз год паступае на факультэт нямецкай мовы, які закончыла па спецыяльнасці выкладчыка нямецкай мовы ў чэрвені 1954 г. Пасля гэтага працавала тры гады лабарантам кабінета нямецкай мовы на факультэце. У кастрычніку 1957 г. пачала працаваць на ўмовах сумяшчальніцтва выкладчыкам кафедры лексікалогіі і граматыкі нямецкай мовы. Праз год пачынае працу выкладчыкам кафедры замежных моў у Мінскім вышэйшым радыётэхнічным вучылішчы, паралельна працягваючы працу на ўмовах сумяшчальніцтва на кафедры лексікалогіі і граматыкі нямецкай мовы факультэта нямецкай мовы МДПІЗМ [13, Арк. 7].

У якасці штатнага выкладчыка Т. Ф. Кожанец працуе на кафедры фанетыкі нямецкай мовы толькі з верасня 1961 г., праз тры гады праходзіць па конкурсе на пасаду старшага выкладчыка кафедры граматыкі і гісторыі нямецкай мовы, дзе працуе наступныя 10 гадоў. З 1969 г. яна пачынае працу на кафедры нямецкай мовы вячэрняга і завочнага аддзялення. Праз год прымацоўваецца ў якасці аспіранта ў гадзічную аспірантуру Мінскага інязу для завяршэння кандыдацкай дысертацыі і яе падрыхтоўкі да абароны. Адзначым, што ў якасці навуковага кіраўніка быў прызначаны вядомы на той час у Ленінградзе доктар філалагічных навук, прафесар Р. Г. Піятроўскі. Вынікі знайшлі адлюстраванне спачатку ў абароне кандыдацкай дысертацыі і атрыманні ступені кандыдата навук (1973), праз тры гады – звання дацэнта. На практыцы гэта стала асновай для прапановы ёй новай пасады, але адміністрацыйнай, на гэты раз намесніка дэкана факультэта нямецкай мовы, на якой яна працавала да канца чэрвеня 1982 г. [13, Арк. 57].

Адзначым, што Т. Ф. Кожанец была абрана на пасаду дацэнта кафедры нямецкай мовы завочнага навучання, у 1978 г. пераведзена на пасаду дацэнта кафедры граматыкі і гісторыі нямецкай мовы. У канцы чэрвеня 1982 г. праходзіць конкурс на пасаду загадчыка кафедры нямецкай мовы завочнага навучання, пасля чаго да чэрвеня 2005 г. працавала на пасадзе дацэнта кафедры граматыкі і гісторыі нямецкай мовы.

З нагоды 75-й гадавіны Мінскага інязу ў адрас Тамары Фёдараўна гучалі словы калег і кіраўніцтва факультэта, якія добра ведалі яе як выдатнага спецыяліста ў вобласці германскай філалогіі і прафесійнага педагога, аўтара шэрагу вучэбна-метадычных дапаможнікаў па нямецкай мове: больш за паўстагоддзя яна была непарыўна звязана з факультэтам нямецкай мовы і Мінскім дзяржаўным лінгвістычным універсітэтам [14].

Такім чынам, праведзенае даследаванне сведчыць аб тым, што на прыкладзе асобнага фота ўдалося спалучыць у адзіную складаную мадэль факты асабовых біяграфій і адну з важнейшых падзей у найноўшай гісторыі беларускай дзяржаўнасці – удзел прадстаўнікоў прафесарска-выкладчыцкага складу і студэнтаў МДПІЗМ ва ўрачыстасці да 61-й гадавіны Вялікай

Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі, тым самым даказана навуковая карэктнасць выкарыстання спецыяльных метадаў і адпаведнай навуковай тэорыі ў ходзе правядзення інтэгральнага пошуку па гісторыі сталічнай установы вышэйшай адукацыі.

ЛІТАРАТУРА

1. День Октябрьской революции. – URL: ghu.by (дата обращения: 08.02.2025).
2. Новікаў, С. Я. Вехі гісторыі Мінскага іняза: МДЛУ – 75 гадоў / С. Я. Новікаў. – Мінск : МДЛУ, 2023. – 308 с.
3. Краснова, Н. Г. Страницы моей жизни / Н. Г. Краснова. – Минск : Изд. центр БГУ, 2012. – 95 с.
4. Чайка Василий Самуилович. – URL: libmogilev.by (дата обращения: 08.02.2025).
5. Новікаў, С. Я. За кароткім радком ваенная біяграфія мінскіх інязаўцаў (да 70-годдзя Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта) / С. Я. Новікаў // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Мінск, 6 красавіка 2018 г. Вып. 17 / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2019. – С. 4–15.
6. Асабовая справа Якава Мендзелевіча Воўшына // Архіў МДЛУ. – Ф. 1154. – Воп. 5. – Спр. 214.
7. Асабовая справа Адама Яфімавіча Разумава // Архіў МДЛУ. – Ф. 1154. – Воп. 5. – Спр. 172.
8. Асабовая справа Ніны Георгіеўны Красновай // Архіў МДЛУ. – Ф. 1154. – Воп. 5. – Спр. 219.
9. Асабовая справа Леаніда Неканоравіча Ціханава // Архіў МДЛУ. – Ф. 1154. – Воп. 5. – Спр. 8.
10. Ушел из жизни Леонид Никонорович Тихонов. – URL: <https://kred.bspu.by> (дата обращения: 10.02.2025).
11. Асабовая справа Міхаіла Андрэевіча Хазяева // Архіў МДЛУ. – Ф. 1154. – Воп. 5. – Спр. 4439.
12. Асабовая справа Зоі Леанідаўны Калантай // Архіў МДЛУ – Ф. 1154. – Воп. 5. – Спр. 82.
13. Асабовая справа Тамары Фёдараўны Кажанец // Архіў МДЛУ. – Ф. 1154. – Воп. 5. – Спр. 154.
14. Памяти Тамары Федоровны Коженец. – URL: mslu.by (дата обращения: 14.02.2025).

Поступила в редакцию 16.05.2025

УДК 341.321.4:343.337.5(476)«1941/1944»

Новікаў Сяргей Яўгеньевіч

кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
прафесар кафедры гісторыі і сацыяльных
навук

Мінскі дзяржаўны лінгвістычны

ўніверсітэт

г. Мінск, Беларусь

Siarhei Novikau

PhD in history, Associate Professor,
Professor of the Department of History
and Social Sciences

Minsk State Linguistic University

Minsk, Belarus

e-mail: siarhnovikau@gmail.com

ГРАМАДЗЯНСКАЕ НАСЕЛЬНІЦТВА ЯК АБ'ЕКТ НАЦЫСЦКАЙ ПАЛІТЫКІ ГЕНАЦЫДУ І ВЫПАЛЕНАЙ ЗЯМЛІ НА АКУПАВАНАЙ ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ (крыніцазнаўчы аспект)

У артыкуле разглядаецца крыніцазнаўчы аспект адной з найважнейшых праблем ваеннай гісторыі Беларусі, раскрываюцца маштабы злачынстваў нацыстаў і іх памагатых супраць мірнага насельніцтва на акупаванай тэрыторыі БССР у гады Вялікай Айчыннай вайны. На аснове аналізу апублікаваных дакументаў і матэрыялаў вызначаецца факталагічны патэнцыял для даследавання нацысцкай палітыкі генацыду і выпаленай зямлі, прадстаўлены некаторыя вынікі расследавання злачынстваў германскіх акупантаў на беларускай зямлі, у тым ліку мясцовых і дэпартаваных з краін Еўропы яўрэяў. Прыведзены дакументальныя даныя аб месцах прымусовага ўтрымання і знішчэння грамадзянскага насельніцтва, прадстаўлены пералік карных аперацый германскіх захопнікаў у Беларусі 1941–1944 гг.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: архіўны дакумент; Беларуская ССР (БССР); Вялікая Айчынная вайна; грамадзянскае насельніцтва; крыніцазнаўчы факт; нацысцкі генацыд; акупацыйны рэжым.

THE CIVILIAN POPULATION AS AN OBJECT OF THE NAZI POLICY OF GENOCIDE AND SCORCHED EARTH IN THE OCCUPIED TERRITORY OF BELARUS (Source Aspect)

The article examines the source study aspect of one of the most important problems of the military history of Belarus, reveals the scale of the crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the BSSR during the Great Patriotic War. Based on the analysis of published documents and materials, the factual potential for the study of the Nazi policy of genocide and scorched earth is determined, some results of the investigation of the crimes of the German occupiers on Belarusian soil, including local and deported from European countries Jews, are presented. Documentary data on the places of forced detention and extermination of the civilian population, a list of punitive operations of the German invaders in Belarus in 1941-1944 are provided.

Key words: archival document; Byelorussian SSR (BSSR); Great Patriotic War; civilian population; source study fact; Nazi genocide; occupation regime.

У снежні 2024 г. навуковая грамадскасць Беларусі атрымала новую навуковую працу [1], якая завяршыла серыю публікацый дакументаў і матэрыялаў з фондаў Нацыянальнага архіва ў рамках праекта Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь пад агульнай назвай «Без тэрміна даўнасці. Беларусь». У гэтай навуковай працы паказваюцца злачынствы нацыстаў і іх памагатых супраць мірнага насельніцтва на тэрыторыі рэспублікі ў гады Вялікай Айчыннай вайны [2; 3; 4; 5; 6; 7]. Знаёмства аўтара з інтэгральнай працай, якая дазволіла складальнікам сінтэзаваць пад адзінай канцэпцыяй складаныя праблемы нацысцкай акупацыйнай палітыкі нямецкіх захопнікаў, заслугоўвае асаблівай увагі не толькі ў кантэксце сучаснай беларускай ваеннай гістарыяграфіі, але і даступнасці канкрэтных ведаў з малавядомых дакументальных крыніц. Шырокае кола цяперашняга грамадства можа даведацца аб гістарычнай праблеме генацыду беларускага народа ў гады вайны.

Аўтар дзякуе кіраўніку аўтарскага калектыву, Лаўрэату Дзяржаўнай прэміі Рэспублікі Беларусь, вядучаму навуковаму супрацоўніку аддзела публікацый Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (НАРБ), кандыдата гістарычных навук В. Дз. Селяменеву, шматгадоваму дырэктару НАРБ, за магчымасць выступіць у якасці навуковага рэцэнзента зборніка дакументаў і матэрыялаў на этапе яго падрыхтоўкі да публікацыі. Сваёй мэтай аўтар ставіць кароткі агляд упершыню створанай выніковай крыніцазнаўчай працы, унікальныя матэрыялы якой дазваляюць паказаць элементы агульнай карціны злачынстваў, учыненых нацыстамі ў гады вайны на акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў дачыненні да мірнага насельніцтва, у тым ліку дэпартаваных з краін Еўропы яўрэяў з мэтай знішчэння.

Сярод задач аўтар вылучае асобна ўвядзенне ў навуковае абарачэнне малавядомых гістарычных фактаў, якія раскрываюць важнейшыя падзеі гісторыі нацысцкага генацыду насельніцтва ў гады германскай акупацыі Беларусі. Значнасць апублікаванай работы заключаецца ў тым, што ўпершыню ўводзіцца вялікі пласт дакументальных матэрыялаў, якія дапамагаюць чытачу самастойна раскрыць злачынны характар германскай палітыкі ў дачыненні да мірных людзей, у тым ліку жанчын, дзяцей, людзей сталага ўзросту, мясцовых і дэпартаваных яўрэяў, паказаць маштабы масавага знішчэння цывільнага насельніцтва. У выніку агляду апублікаваных дакументаў і матэрыялаў можна адзначыць, што, нягледзячы на актуальнасць гэтай праблемы, яна да гэтага часу застаецца практычна толькі часткова даследаванай беларускімі вучонымі, асабліва на фоне з'яўлення цэлага пласта дакументальных крыніц, апублікаваных у апошні час Нацыянальным архівам Рэспублікі Беларусь.

У зборнік уключаны 183 дакументы, у тым ліку 116 з Нацыянальнага архіва Беларусі, 2 з Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці, 3 з Расійскага архіва сацыяльна-палітычнай гісторыі, 1 з Расійскага дзяржаўнага ваеннага архіва, 1 з Цэнтральнага архіва Міністэрства абароны Расійскай Федэрацыі, 8 з Федэральнага архіва Германіі, 18 з Нацыянальнага архіва ЗША, 4 з Міжнароднага інстытута па вывучэнні гісторыі Халакоста пры Мемарыяльным комплексе гісторыі Халакоста (Яд Вашэм). Акрамя таго ў зборнік увайшлі дакументы з раней апублікаваных выданняў.

Адбор апублікаваных дакументаў і матэрыялаў для дадзенай працы абумоўлены аўтарскай ідэяй зборніка і пошукам у ім тэматычна блізкіх фактаў як для раскрыцця злачыннага характару нацысцкага акупацыйнага рэжыму, паказу ролі і месца частак германскага вермахта, СС і паліцыі ў яго ажыццяўленні, так і для фарміравання верыфікаванай базы крыніц у рамках даследавання асобных трагічных старонак гісторыі Беларусі ў 1941–1944 гг. Дзякуючы з'яўленню ўнікальнага выдання чытацкая аўдыторыя атрымала дадатковую магчымасць больш паглыблена вывучыць асобныя сюжэты трагедыі беларускага народа выключна праз архіўныя дакументальныя факты, у тым ліку нямецкага паходжання.

Адразу адзначым, што дакументы ў зборніку сістэматызаваны ў рамках двух тэм, якія раскрываюць злачынны характар нацысцкай палітыкі генацыду на акупаванай тэрыторыі Беларускай ССР, у тым ліку: у раздзеле 1 (с. 21–264) – дакументы і матэрыялы аб «нацысцкай палітыцы генацыду і выпаленай землі», у раздзеле 2 (с. 265–404) – аб «раследаванні злачынстваў нямецкіх акупантаў». Заўважым, што ў зборніку 2-ая частка займае дзве траціны ўсяго аб'ёму дакументаў і матэрыялаў. Акрамя таго, складальнікі падрыхтавалі тры тэматычныя дадаткі.

Археаграфічны аналіз дакументаў паказвае, што яны размяшчаюцца ў храналагічнай паслядоўнасці, складальнікі зборніка дапоўнілі базавыя матэрыялы неабходнымі нататкамі. Усе дакументы і матэрыялы маюць загалоўкі, парадкавы нумар, у большасці выпадкаў прыводзяцца даты, згадкі аб ступені сакрэтнасці, паказальнікі арыгінальнасці, жанр. Падкрэслім, пасля кожнага дакумента ўказваюцца яго пошукавыя даныя: архіў, нумар фонду, вопісы і справы, лісты, а таксама звесткі аб сапраўднасці або капійнасці кожнага дакумента, ёсць спасылкі на крыніцу ў выпадку яго перадруку з папярэдніх выданняў. Для больш поўнага разумення зместу дакумента складальнікамі распрацаваны каментарыі. У цэлым навукова-даведачны матэрыял зборнікаў складаецца з прадмовы, археаграфічнай уступнай часткі ад складальнікаў, археаграфічных і тэкстуальных заўваг, геаграфічнага паказальніка, спісу скарачэнняў і пераліку дакументаў.

У «Прадмове» (с. 3–13) складальнікі зборніка адзначаюць, што гэтая тэма займала і займае важнае месца ў айчыннай гістарыяграфіі. Новы этап

у вывучэнні тэмы нацысцкіх злачынстваў пачаўся ў 1990-я гады. Рассакрэчванне архіўных дакументаў дало даследчыкам магчымасць уключыць у навуковы абарот раней невядомыя архіўныя крыніцы. Пашырылася тэматыка работ па дадзенай праблематыцы, дзе на фоне традыцыйных напрамкаў, такіх як германскі акупацыйны рэжым, месцы прымусовага ўтрымання цывільнага насельніцтва, знішчэння беларускіх вёсак з'явіліся і новыя напрамкі кшталту ліквідацыя яўрэйскага насельніцтва, остарбайтэры, нацысцкія лагеры, карныя аперацыі гітлераўцаў і інш.

З'яўляючыся ўнікальным крыніцазнаўчым укладам у даследаванне вышэйпаказанай праблематыкі, апублікаваныя матэрыялы новага зборніка могуць служыць надзейнай крыніцавай базай для далейшай працы па вывучэнні малавывучаных старонак ваеннай гісторыі Беларусі, у тым ліку звязаных са злачынствамі, учыненымі нацыстамі ў дачыненні да мірнага грамадзянскага насельніцтва, а таксама яўрэяў на акупаванай тэрыторыі Беларусі.

Аналіз зместу 147 назваў дакументаў, апублікаваных у рамках першага раздзела, паказвае асноўныя праблемныя палі, раскрытыя праз розныя матэрыялы: 1) са зводак начальніка паліцыі і СД Германіі з СССР аб становішчы, правядзенні карных акцый, арыштаў і знішчэнні насельніцтва на акупаванай тэрыторыі Беларусі, 25 чэрвеня 1941 г. – 20 сакавіка 1942 г. (дак. 1–28); 2) дакументы аб стварэнні, дзейнасці і ліквідацыі Мінскага гета, 19 ліпеня 1941 г. – 12 чэрвеня 1961 г. (дак. 29–60); 3) дакументы аб дэпартацыі яўрэяў з краін Еўропы ў Беларусь (24 кастрычніка 1941 г. – 15 мая 1943 г.) (дак. 61–79); 4) загады ваеннага каменданта ў Беларусі пры камандуючым вермахта ў Астландзе аб ліквідацыі яўрэяў, 13 лістапада 1941 г. – 17 лістапада 1942 г.) (дак. 80–96); 5) паведамленні начальніка паліцыі бяспекі і СД Германіі з занятых усходніх абласцей аб выніках антыпартызанскіх аперацый «Свята ўраджаю 1 і 2» (12–26 лютага 1943 г.), «Котбус» (18 чэрвеня – 1 ліпеня 1943 г.), «Герман» (дак. 97–112); 6) дакументы аб правядзенні «Акцыі 1005» па знішчэнні месцаў масавых пахаванняў забітага нямецкімі акупантамі насельніцтва Беларусі (7 кастрычніка 1943 г. – 31 ліпеня 1945 г.) (дак. 113–120); 7) дакументы аб стварэнні вермахтам канцэнтрацыйнага лагера «Азарычы» (8 сакавіка 1944 г. – 27 лістапада 1951 г.) (дак. 121–147).

Спецыяльны аналіз архіўных дакументаў, даступных для шырокай грамадскасці, дазваляе зацікаўленаму чытачу значна паглыбіць гістарычныя веды, узнавіць агульную карціну генацыду і выпаленай зямлі на акупаванай тэрыторыі Беларусі. Так, вывучэнне «зводак начальніка паліцыі бяспекі і СД Германіі з СССР», як яны зафіксаваны ў дакументах, дазваляе ўбачыць фактычны бок правядзення германскімі захопнікамі карных акцый, арыштаў і знішчэння насельніцтва на працягу першых дзевяці месяцаў. Кож-

ная з 26 зводак змяшчае дадзеныя аб становішчы на акупаванай тэрыторыі ў цэлым (дак. 1, 3, 4, 6, 8, 9, 11, 12, 15, 17) і ў асобных гарадах і населеных пунктах, у прыватнасці (Брэст, Мінск, Віцебск, Гродна, Пінск, г. п. Ракаў, Баранавічы, Вілейка, г. п. Гомель) (дак. 2, 5, 10, 13, 14, 16, 19, 21, 24, 25, 26); змяшчае звесткі аб падзеях, якія адбываліся ў дачыненні да яўрэяў (дак. 5, 6, 8, 10, 14, 18, 19, 21, 22, 23, 25, 27, 28); паказвае факты арышту і расстрэлу мірнага насельніцтва і савецкіх вайскоўцаў (дак. 9, 11, 15, 16, 20) і інш. Асаблівай увагі чытача заслугоўваюць зводкі аб карнай дзейнасці айнзацгрупы В (дак. 2, 7, 12, 17). Так, са «Зводкі № 73 аб дзейнасці айнзацкаманд айнзацгрупы В на акупаванай тэрыторыі Беларусі ад 4 верасня 1941 г.» [8, с. 36–39] выцякае наступная інфармацыя: па стане на 20 жніўня 1941 г. агульная колькасць ліквідаваных асоб айнзацгрупай В складала 16 964 чалавекі, у тым ліку штабам і перадавой камандай «Масква» – 144 чалавекі, зондэркамандай 7а – 996 чалавек, зондэркамандай 7b – 886 чалавек, айнзацкамандай 8 – 6 842 чалавека, айнзацкамандай 9 – 8 096 чалавек [8, с. 39]. Нагадаем чытачу, што за гады акупацыі на тэрыторыі Беларусі было забіта больш за 670 тысяч яўрэйскага насельніцтва.

Сярод матэрыялаў, сабраных аўтарамі-укладальнікамі ў рамках іншага тэматычнага поля, асабліваю цікавасць выклікаюць 24 дакументы аб стварэнні, дзейнасці і ліквідацыі Мінскага гета. Размова ідзе аб самым вялікім гета на акупаванай тэрыторыі Беларусі. З «Інфармацыйнай запіскі начальніка аддзялення разведаддзела БШПР І. С. Краўчанка аб стварэнні і дзейнасці гета ў г. Мінску» [9, с. 58–61] складаецца агульная карціна падзей: з моманту стварэння, 19 ліпеня 1941 г., і па дату яго поўнай ліквідацыі, 23 кастрычніка 1943 г., што адбываліся ў цэнтры акупаванай беларускай сталіцы: тут на 40 вуліцах у адным з раёнаў горада было засяроджана 80 тысяч габрэяў, а некалькі пазней (да кастрычніка) іх было каля 100 тысяч. Усе яўрэі павінны былі абавязкова насіць на спіне і на грудзях адметныя жоўтыя знакі. З гета габрэяў выпускалі толькі ў выключных выпадках – на працу. У апошнім выпадку трэба было абавязкова мець пропуск, прычым ісці можна было толькі па маставой. Ні ў якім разе не дазвалялася ісці па тратуарах; забаранялася заходзіць у сады і ў іншыя грамадскія месцы. За парушэнне гэтага пагражаў расстрэл на месцы [9, с. 59]. Пра рэгулярныя пагромы, аблавы, расстрэлы ў гета сведчылі падчас допыту яго былыя вязні, якія засталіся ў жывых, сярод іх: М. М. Зарэцкая (док. 41), Н. Г. Штэйн (дак. 46), а таксама былыя нямецкія вайскоўцы і чыноўнікі нямецкай адміністрацыі К. Бухнер (дак. 47), Ф. К. Гес (дак. 48), Ф. Вольф (д. 51), Э. Штоль (дак. 52, 53), былы Мінскі гарадскі камісар В. Янецка (дак. 49, 50).

Важна адзначыць, што ў лік вязняў Мінскага гета ўваходзілі амаль 7 000 яўрэяў, дэпартаваных у беларускую сталіцу з Аўстрыі, Германіі і Чэхаславакіі толькі з адной мэтай – знішчэння. Гэтую трагічную старонку рас-

крываюць 18 дакументаў, сабраных пад агульнай назвай «Дакументы аб дэпартацыі яўрэяў з краін Еўропы ў Беларусь (24 кастрычніка 1941 г. – 15 мая 1943 г.)». Дадзенае праблемнае поле пачынаецца «Цыркулярным лістом начальніка Галоўнага ўпраўлення паліцыі парадку РСХА К. Далюге аб дэпартацыі яўрэяў з Германіі, Аўстрыі і Чэхіі ад 24 кастрычніка 1941 г.» [10, с. 96]. У ім пазначана, што ў перыяд з 1 лістапада па 4 снежня 1941 г. паліцыя бяспекі павінна ажыццявіць эвакуацыю 50 тысяч яўрэяў са старой тэрыторыі рэйха, з усходніх памежных абласцей і з пратэктарата Багеміі і Маравіі на ўсход у раён Рыгі і Мінска. Перасяленне ажыццяўляецца ў цягніках-транспартах, кожны з якіх змяшчае прыкладна тысячу чалавек. Транспартныя цягнікі фарміруюцца ў Берліне, Гановеры, Дортмундзе, Мюнстэры, Дзюсельдорфе, Кёльне, Франкфурце-на-Майне, Касэлі, Штутгарце, Нюрнбергу, Мюнхене, Вене, Брэслаў, Празе і Брно. На справе да пачатку снежня ў Мінскае гета прыбылі 7 эшалонаў з яўрэямі з Гамбурга, Дзюсельдорфа, Франкфурта-на-Майне, Берліна, Брэмена, Брно і Вены. Звернем увагу чытача таксама на «Данясенне начальніка аддзела IVa Упраўлення паліцыі бяспекі і СД Беларусі Буркхарда аб вырашэнні яўрэйскага пытання, не раней за студзень 1942 г.» [11, с. 132–136]. У ім зазначаецца, што ў самім Мінску цяпер пражывае каля 18 тыс. рускіх яўрэяў і 7 тыс. нямецкіх яўрэяў. Канчатковае вырашэнне яўрэйскага пытання на беларускай тэрыторыі звязана са значнымі цяжкасцямі, паколькі менавіта тут яўрэі складалі надзвычай высокі працэнт кваліфікаваных рабочых і спецыялістаў [11, с. 134].

Не менш важнай праблемай з’яўляецца выкарыстанне мясцовага насельніцтва ў якасці працоўнай сілы на тэрыторыі Нямеччыны, што паказваюць усяго некалькі дакументаў (дак. 89, 91, 94, 95), у тым ліку: «Распараджэнне камандуючага жандармерыяй Генеральнай акругі “Беларусь” палкоўніка Дзірмана аб вярбоўцы працоўнай сілы» ад 7 сакавіка 1942 г. [12, с. 142–143], «Са зводкі № 193 паліцыі бяспекі і СД Германіі аб прынцыпах вярбоўкі рабочай сілы на акупаванай тэрыторыі Беларусі» ад 17 красавіка 1942 г. [13, с. 151–152], «З інфармацыйнай запіскі рэдакцыі радыёстанцыі “Советская Белоруссия” сакратару ЦК КП(б)Б Т. С. Гарбунову аб зgone мірнага насельніцтва Беларускай ССР на прымусовыя працы ў Нямеччыну і аб злачынствах нямецкіх акупацыйных уладаў у г. Віцебску і Віцебскай вобласці» ад 21 ліпеня 1942 г. [14, с. 168–170], «Распараджэнне фюрара паліцыі бяспекі і СД Остланда аб захопе працаздольнага насельніцтва ў раёнах дзеяння партызан і адпраўцы яго на працы ў Нямеччыну» ад 16 лістапада 1942 г. [15, с. 170–171]. Нагадаем чытачу, што вынікам угону мірнага насельніцтва з тэрыторыі Беларусі ў рэйх стала амаль 400 тысяч беларускіх остарбайтэраў, якія выступаюць у якасці працоўнай сілы на тэрыторыі германскага рэйха.

У ліку дакументаў, прадстаўленых у гэтым тэматычным блоку, аказаліся «Заўвагі і прапановы Міністэрства па справах акупаваных

усходніх абласцей па генеральным плане “Ост” ад 27 красавіка 1942 г. [16, с. 152–153]. У дадзеным дакуменце пастаўлена пытанне аб лёсе беларусаў. Як адзначана ў дакуменце, «згодна з планам, прадугледжваецца высяленне 75 працэнтаў беларускага насельніцтва з займаемай ім тэрыторыі. Значыць, 25 працэнтаў беларусаў, згодна з планам Галоўнага ўпраўлення імперскай бяспекі, падлягае анямечванню <...>». Наступнае пытанне, якое адлюстравана ў дакуменце, гэта пытанне аб месцы для перасялення беларусаў, непрыдатных у расавых адносінах для анямечвання. Згодна з генеральным планам, яны павінны быць пераселены ў Заходнюю Сібір [16, с. 152].

Акрамя гэтага дакумента трэба звярнуць увагу на інфармацыю камісіі ЦК КП(б)Б аб злачынствах, учыненых нямецкімі захопнікамі ў БССР у першы год акупацыі [17, с. 153–168]: над мірным насельніцтвам (с. 153–154), аб масавых расстрэлах і пакараннях мірнага насельніцтва (с. 154–157), здзеках і знявагі жанчын і дзяўчат (с. 157–159), бамбардзіроўках грамадзянскага насельніцтва, жанчын і дзяцей (с. 159), канцэнтрацыйных лагерах і фашысцкіх засценках (с. 160), рабаванні гарадоў і вёсак (с. 161–167).

Амаль два дзясяткі дакументаў, прадстаўленых на старонках зборніка, раскрываюць злачынны характар дзейнасці паліцыі бяспекі і СД Германіі на занятых усходніх абласцях падчас правядзення антыпартызанскіх карных аперацый «Свята ўраджая 1 і 2» (12–26 лютага 1942 г.) (дак. 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103), «Котбус» (18 чэрвеня – 1 ліпеня 1943 г.) (дак. 104, 105, 106, 107, 108), «Герман» (13 ліпеня – 11 жніўня 1943 г.) (дак. 110, 111). Звернем асаблівую ўвагу зацікаўленага чытача на важны факт сучаснай беларускай гістарыяграфіі, якая ў 2018 г. папоўнілася ўнікальным зборнікам дакументаў і матэрыялаў, падрыхтаваных архівістамі Нацыянальнага архіва з мэтай усебаковага аналізу на аснове 395 архіўных дакументаў з Цэнтральнага архіва Міністэрства абароны Расійскай Федэрацыі, Бендэсархіва (Германія), Нацыянальнага архіва ЗША і Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь і фондаў іншых архіваў аб нацысцкай карнай аперацыі пад кодавай назвай «Котбус» на тэрыторыі Барысаўска-Бягомльскай партызанскай зоны ў маі – чэрвені 1943 г. [17а].

Сярод дакументаў, якія раскрываюць новыя аспекты нямецкай палітыкі знішчэння і выпаленай зямлі, кідаюцца ў вочы паведамленні аб правядзенні сакрэтнай «Акцыі 1005» па знішчэнні месцаў масавых пахаванняў і ліквідацыі слядоў злачынстваў на захопленай беларускай тэрыторыі (дак. 113, 114, 115, 116, 118, 119). Рашэнне такой задачы дасягалася шляхам знішчэння масавых пахаванняў забітага нямецкімі акупантамі мірнага насельніцтва і савецкіх ваеннапалонных. Так, «З разведдадзеных штаба ваенна-аператыўнай групы пры Магілёўскім падпольным абкаме КП(б)Б на 10 снежня 1943 г. аб

знішчэнні месцаў масавых пахаванняў забітага нямецкімі акупантамі насельніцтва на тэрыторыі Магілёўскай і Гомельскай абласцей», не раней за 10 снежня 1943 г., выцякае характар дзейнасці гэтай спецыяльнай каманды. Адпаведна з дакументам, за першыя тры дні лістапада 1942 г. было вынята з трох ям 19 000 трупай, якія абліваліся гаручай вадкасцю і спальваліся. Выконвалі гэтыя работы рускія ваеннапалонныя, якіх потым расстрэльвалі і таксама спальвалі [17, с. 202].

Заклучную частку першага раздзела складаюць дакументы аб стварэнні германскім вермахтам у ходзе адступлення з часова захопленай савецкай тэрыторыі канцэнтрацыйнага лагера «Азарычы» (дак. 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128). На аснове скрупулёзнага аналізу названых вышэй дакументаў, а таксама асабістых паказанняў пакінутых у жывых вязняў (дак. 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135), былых вайскоўцаў вермахта (дак. 136, 137, 3 141, 142, 143) чытач можа ўзнавіць агульную карціну трагедыі людзей, якія апынуліся закладнікамі ваенных падраздзяленняў вермахта. Звернемся да матэрыялаў Надзвычайнай дзяржаўнай камісіі СССР аб знішчэнні гітлераўцамі савецкіх людзей шляхам заражэння іх сыпным тыфам. Так, у «Выступе памочніка Галоўнага абвінаваўцы ад СССР Л. М. Смірнова на пасяджэннях Міжнароднага ваеннага трыбунала ў г. Нюрнбергу 14 лютага 1946 г.» [19, с. 259–262] былі агучаны наступныя факты: «19 сакавіка 1944 г. надыходзячыя часткі Чырвонай Арміі ў раёне мястэчка Азарычы Палескай вобласці Беларускай ССР выявілі на прырэдным краі нямецкай абароны тры канцэнтрацыйныя лагеры, у якіх знаходзілася звыш 33 тысяч дзяцей, непрацаздольных жанчын і старых... Лагеры ўяўлялі сабой адкрыты пляц, абнесены калючым дротам. Подступы да іх былі замінараваны. Ніякіх пабудов, нават лёгкага тыпу, на тэрыторыі лагераў не было <...> Сярод вызваленых з гэтых лагераў дзяцей да трынаццацігадовага ўзросту было 15 960 чалавек, непрацаздольных жанчын – 13 072 і старых – 4448...» [19, с. 260].

У другім раздзеле зборніка апублікавана 35 дакументаў аб расследаванні злачынстваў нямецкіх акупантаў, учыненых нацыстамі на акупаванай тэрыторыі БССР. Амаль палова з іх знаёміць чытача з фактамі аб расследаванні злачынстваў у лагеры смерці Трасцянец, самым буйным месцы масавага знішчэння на акупаванай тэрыторыі Беларусі, дзе ў адпаведнасці з адным з дакументаў – «Даведкай начальніка аддзела Беларускай рэспубліканскай камісіі НДК СССР Г. Л. Логінава аб масавым знішчэнні грамадзянскага насельніцтва акупантамі ў Трасцянец» ад 25 жніўня 1944 г.» было знішчана 206 500 чалавек [20, с. 286]. Уважлівы чытач зверне ўвагу на іншы дакумент – «Акт Мінскай абласной камісіі НДК СССР аб злачынствах, учыненых нямецкімі акупантамі ў наваколлях вёскі Малы Трасцянец» ад 25 ліпеня 1944 г. [21, с. 282–285]. У ім гаворыцца, што «камісія, улічваючы паказанні

сведак, колькасць і памеры магіл, колькасць трупай і аб'ём попелу і костак у магілах, лічыць, што, паводле самых мінімальных падлікаў, у раёне лагера Трасцянец фашысцкімі людзедамі знішчана 546 тысяч чалавек, з іх у 34 магілах пахаваны рэшткі (попел і косці) 476 [тысяч] чалавек, у печы спалена 68 тысяч чалавек, у адрыве і на бярвеннях спалены 2000 чалавек» [21, с. 285]. Адзначым, што сярод дакументаў значнае месца займаюць паказанні былых зняволеных лагера Трасцянец (дак. 150, 151, 152, 153, 154, 155), акты жыхароў г. Мінска (дак. 148, 149) і судова-медыцынскай экспертызы (дак. 156, 157, 158, 159), паказанні былых нямецкіх вайскоўцаў (дак. 161, 162, 163, 164). Заўважым, што пры гэтым складальнікі зборніка не даюць сваіх адзнак і не пакідаюць каментарыяў у дачыненні да галоўнага пытання – дакладных колькасных дадзеных аб маштабах масавага знішчэння насельніцтва ў раёне вёскі Трасцянец у гады Вялікай Айчыннай вайны.

Другую палову раздзела складаюць дакументы, якія змяшчаюць «Звесткі Беларускай рэспубліканскай камісіі садзейнічання НДК СССР аб знішчэнні нямецкімі акупантамі мірных грамадзян і ваеннапалонных і ўгоне насельніцтва на прымусовыя работы ў Германію», ад 30 ліпеня 1945 г. [22, с. 300–301], «Даведку Беларускай рэспубліканскай камісіі садзейнічання НДК СССР аб месцах масавага пахавання і спалення нямецкімі акупантамі мірных грамадзян і ваеннапалонных на тэрыторыі Беларускай ССР», не раней за 30 лістапада 1945 г. [23, с. 301–304], «Звесткі СНК БССР аб колькасці насельніцтва, вывезеных нямецкімі акупантамі з рэспублікі на прымусовыя работы ў Германію, якія вярнуліся на радзіму на 30 лістапада 1945 г.», не раней за 30 лістапада 1945 г. [24, с. 305], «Даведку Упаўнаважанага ЧДК СССР у БССР У. Ф. Табелева аб колькасці мірнага насельніцтва, знішчанага нямецкімі акупантамі і сагнанага на прымусовыя працы ў Германію» ад 1 снежня 1945 г. [25, с. 305], «Даведку Упаўнаважанага НДК СССР у БССР У. Ф. Табелева аб злачынствах, учыненых нямецкімі акупантамі ў рэспубліцы», не раней за 21 снежня 1945 г. [26, с. 305–307], «Даведку Беларускай рэспубліканскай камісіі садзейнічання НДК СССР аб колькасці мірнага насельніцтва, знішчанага нямецкімі акупантамі і выгнанага на прымусовыя працы ў Нямеччыну», не раней за 21 снежня 1945 г. [27, с. 307].

У заключэнне звернемся да матэрыялу аднаго з судовых працэсаў над нямецкімі ваеннымі злачынцамі, дзе прыведзены абагульняючыя даныя аб маштабах злачынстваў, учыненых нямецкімі акупантамі ў Беларускай ССР. Так, стэнаграма Мінскага судовага працэсу ад 15 студзеня 1946 г. змяшчае наступнае: «Як устаноўлена Надзвычайнай дзяржаўнай камісіяй па расследаванні злачынстваў, на тэрыторыі Беларускай ССР нямецка-фашысцкія захопнікі вынішчылі звыш 2 200 000 мірных савецкіх грамадзян і ваеннапалонных, выгналі ў нямецкае рабства каля 380 тысяч чалавек, разбурылі

і спалілі – горад Мінск, гарады Гомель, Полацк, Віцебск, Орша, Барысаў, Слуцк і многія іншыя, і 9200 сёл і вёсак; разбурылі і вывезлі ў Германію 10338 прамысловых прадпрыемстваў; разбурылі і разрабавалі 10 000 калгасаў, 92 саўгасы; адабралі і адправілі ў Германію 2 800 000 галоў буйной і 5 700 000 галоў дробнай жывёлы; знішчылі 1136 бальніц, паліклінік, амбулаторый, 1085 тэатраў, клубаў, школ, вышэйшых навучальных устаноў і музеяў» [28, с. 308–325].

Не менш важным для даследчыкаў з’яўляюцца 3 тэматычныя дадаткі: 1) спіс месцаў прымусовага ўтрымання грамадзянскага насельніцтва на акупаванай тэрыторыі Беларусі (с. 407–470); 2) спіс месцаў масавага знішчэння і дэпартацыі яўрэяў на акупаванай тэрыторыі Беларусі (с. 471–535) з указаннем месцаў знішчэння (с. 471–530) і месцаў дэпартацыі (с. 531–535); 3) спіс нямецкіх карных аперацый, праведзеных у Беларусі ў 1941–1944 гг. (с. 536–553). Адзначым, што складальнікі зборніка стварылі спісы на аснове архіўных крыніц.

Такім чынам, крыніцазнаўчы агляд і частковы аналіз дакументаў зборніка пераконваюць у тым, што зараз публікацыя архіўных матэрыялаў з’яўляецца надзвычай важнай для даследчыкаў ваеннай праблематыкі Беларусі, асабліва ва ўмовах узмацнення ўвагі грамадскасці да аб’ектыўнага раскрыцця адной з самых трагічных старонак – фактычных наступстваў генацыду беларускага народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны [29; 30].

ЛИТЕРАТУРА

1. Без срока давности. Беларусь : преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол.: А. К. Демянюк (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Беларусь, 2024. – 607 с.
2. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Витебская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол.: А. К. Демянюк [и др.]. – Минск : НАРБ ; М. : Фонд «Историческая память», 2020. – 932 с.
3. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гомельская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол. : А. К. Демянюк [и др.]. – Минск : НАРБ ; М. : Фонд «Историческая память», 2021. – 576 с.
4. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой

- Отечественной войны. Могилевская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол. : А. К. Демянюк [и др.]. – Минск : НАРБ ; М. : Фонд «Историческая память». 2021. – 520 с.
5. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гродненская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол. : А. К. Демянюк [и др.]. – Минск : НАРБ ; М. : Фонд «Историческая память», 2021. – 268 с.
 6. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Минская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол. : А. К. Демянюк [и др.]. – Минск : НАРБ ; М. : Фонд «Историческая память», 2022. – 784 с.
 7. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Брестская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол.: А. К. Демянюк [и др.]. – Минск : НАРБ ; М. : Фонд «Историческая память», 2022. – 484 с.
 8. Из сводки № 73 о деятельности айнзацкоманд айнзацгруппы В на оккупированной территории Беларуси от 4 сентября 1941 г. // Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы / сост.: В.Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол.: А. К. Демянюк (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Беларусь, 2024. – С. 36–39.
 9. Из информационной записки начальника отделения разведотдела БШПД И. С. Кравченко о создании и деятельности гетто в г. Минске, 27 января 1943 г. // Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы. – С. 58–61.
 10. Циркулярное письмо начальника Главного управления полиции порядка РСХА К. Далюге о депортации евреев из Германии, Австрии и Чехии от 24 октября 1941 г. // Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы. – С. 96.
 11. Донесение начальника отдела IVa Управления полиции безопасности и СД Белоруссии Буркхарда о решении еврейского вопроса, не ранее января 1942 г. // Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы. – С. 132–136.

12. Распоряжение командующего жандармерией Генерального округа «Белоруссия» полковника Дирманна о вербовке рабочей силы от 7 марта 1942 г. // Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы. – С. 142–143.
13. Из сводки № 193 полиции безопасности и СД Германии о принципах вербовки рабочей силы на оккупированной территории Беларуси от 17 апреля 1942 г. // Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы. – С. 151–152.
14. Из информационной записки редакции радиостанции «Советская Белоруссия» секретарю ЦК КП(б)Б Т. С. Горбунову об угоне мирного населения Белорусской ССР на принудительные работы в Германию и о преступлениях немецких оккупационных властей в г. Витебске и Витебской области от 21 июля 1942 г. // Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы. – С. 168–170.
15. Распоряжение фюрера полиции безопасности и СД Остланда о захвате трудоспособного населения в районах действия партизан и отправке его на работы в Германию от 16 ноября 1942 г. // Там же. – С. 142–143.
16. Замечания и предложения Министерства по делам оккупированных восточных областей по генеральному плану «Ост» от 27 апреля 1942 г. // Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы. – С. 152.
17. Из информации комиссии ЦК КП(б)Б о преступлениях, совершенных немецкими оккупантами в БССР от июня 1942 г. // Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы. – С. 153–168.
- 17а. «Коттбус». Нацистская карательная операция в Беларуси, май – июнь 1943 г. : документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол.: А. Н. Артизов [и др.]. – Минск : НАРБ, 2018. – 636 с.
18. Из разведданных штаба военно-оперативной группы при Могилевском подпольном обкоме КП(б)Б на 10 декабря 1943 г. об уничтожении мест массовых захоронений убитого немецкими оккупантами населения на территории Могилевской и Гомельской областей», не ранее 10 декабря 1943 г. // Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы. – С. 202–203.
19. Из выступления помощника Главного обвинителя от СССР Л. Н. Смирнова на заседании Международного военного трибунала в г. Нюрнберге 14 февраля

- 1946 г. // Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы. – С. 259–262.
20. Из справки начальника отдела Белорусской республиканской комиссии ЧГК СССР Г. Л. Логинова о массовом уничтожении гражданского населения оккупантами в Тростенце от 25 августа 1944 г. // Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы. – С. 286.
21. Акт Минской областной комиссии ЧГК СССР о преступлениях, совершенных немецкими оккупантами в окрестностях деревни Малый Тростенец» от 25 июля 1944 г. // Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы. – С. 282–286.
22. «Сведения Белорусской республиканской комиссии содействия ЧГК СССР об уничтожении немецкими оккупантами мирных граждан и военнопленных и угоне населения на принудительные работы в Германию от июля 1945 г. // Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы. – С. 300–301.
23. Справка Белорусской республиканской комиссии содействия ЧГК СССР о местах массового захоронения и сожжения немецкими оккупантами мирных граждан и военнопленных на территории Белорусской ССР, не ранее 30 ноября 1945 г. // Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы. – С. 301–304.
24. Сведения СНК БССР о количестве населения, угнанного немецкими оккупантами на принудительные работы в Германию из областей республики и возвратившихся на родину на 30 ноября 1945 г., не ранее 30 ноября 1945 г. // Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы. – С. 305.
25. Справка Уполномоченного ЧГК СССР в БССР В. Ф. Табелева о количестве мирного населения, уничтоженного немецкими оккупантами и угнанного на принудительные работы в Германию» от 1 декабря 1945 г. // Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы. – С. 305.
26. Из справки Уполномоченного ЧГК СССР в БССР В. Ф. Табелева о преступлениях, совершенных немецкими оккупантами в республике», не ранее 21 декабря 1945 г. // Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы. – С. 305–307.

27. Из справки Белорусского республиканской комиссии содействия ЧГК СССР о количестве мирного населения, уничтоженного немецкими оккупантами и угнанного на принудительные работы в Германию», не ранее 21 декабря 1945 г. // Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы. – С. 307–308.
28. Из стенограммы Минского судебного процесса по делу о злодеяниях, совершенных немецкими оккупантами в Белорусской ССР, 15 января 1946 г. // Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы. – С. 308–325.
29. Геноцид белорусского народа = Genocide of the Belarusian people : информационно-аналитические материалы и документы / Генеральная прокуратура Республики Беларусь ; под общей редакцией А. И. Шведа. – Минск : Беларусь, 2022. – 175 с.
30. Геноцид белорусского народа. Лагеря смерти = Genocide of the Belarusian people: Death camps / Генеральная прокуратура Республики Беларусь ; под общ./ ред/ А. И. Шведа. – Минск : Беларусь, 2022. – 335 с.

Поступила в редакцию 16.05.2025

УДК 008:004 + 930.85

Цымбал Аляксандр Георгіевіч

кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
загадчык кафедры гісторыі і сацыяльных
навук
Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт
г. Мінск, Беларусь

Alexander Tsimbal

PhD in History, Associate Professor,
Head of the Department of History
and Social Sciences
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
e-mail: aleksander.g.t@gmail.com

ТРАНСФАРМАЦЫЯ ГІСТАРЫЧНАЙ ПАМЯЦІ Ў ЛІЧБАВУЮ ЭПОХУ

У артыкуле аналізуецца трансфармацыя гістарычнай памяці ва ўмовах лічбавізацыі. Разглядаюцца тэарэтыка-метадалагічныя падставы даследавання памяці, апісваюцца новыя формы рэпрэзентацыі мінулага (мемы, лічбавыя архівы, візуальныя наратывы), выяўляюцца змены ў структуры суб'ектаў памяці (дзяржава, грамадства, лічбавыя платфармы). Асабліва ўвага нададзена рызыкам фрагментацыі, маніпуляцыі і «лічбавага забыцця», а таксама магчымасцям дэмакратызацыі і пашырэння ўдзелу ў памяці. Зроблена выснова аб неабходнасці фарміравання лічбавай гістарычнай пісьменнасці і адаптацыі навуковых падыходаў да зменлівых умоў.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *гістарычная памяць; лічбавізацыя; медыятызацыя; мемы; лічбавыя архівы; лічбавае забыццё; палітыка памяці; гістарычная палітыка.*

TRANSFORMATION OF HISTORICAL MEMORY IN THE DIGITAL AGE

The article analyzes the transformation of historical memory in the context of digitalization. It explores theoretical and methodological approaches to memory studies and examines new forms of representing the past, such as memes, digital archives, and visual narratives. The paper identifies changes in the structure of memory agents (the state, society, digital platforms) and focuses on the risks of fragmentation, manipulation, and «digital forgetting», alongside the opportunities for democratization and broader participation in memory practices. The study concludes with the need to foster digital historical literacy and to adapt academic tools to evolving technological environments.

К e y w o r d s: *historical memory; digitalization; mediatization; memes; digital archive; digital forgetting; memory politics; visualization of the past.*

Ва ўмовах глабальнай лічбавізацыі, калі большасць насельніцтва Зямлі мае устойлівы доступ да сеткі Інтэрнэт і штодня ўзаемадзеінічае з лічбавымі медыя, гістарычная памяць падвяргаецца значным зменам [1, с. 55]. Гэты працэс ахоплівае не толькі формы захоўвання і распаўсюджвання гістарычных ведаў, але і саму прыроду памяці як сацыякультурнай з'явы. Новыя медыя трансфармуюць каналы і механізмы перадачы інфармацыі пра мінулае, спрыяючы яе даступнасці, інтэрактыўнасці і візуалізацыі. Аднак пара-

лельна з пашырэннем інфармацыйнай прасторы назіраецца фрагментацыя гістарычнага наратыву, сціранне межаў паміж навуковымі ведамі і папулярнай інтэрпрэтацыяй, паміж фактам і выдумкай [2, с. 75].

Актуальнасць тэмы абумоўлена неабходнасцю тэарэтычнага асэнсавання новых формаў функцыянавання гістарычнай памяці ва ўмовах лічбавай эпохі. Лічбавыя тэхналогіі выступаюць як інструменты дэмакратызацыі доступу да мінулага, адначасова становячыся механізмамі яго пераазначэння і маніпуляцыі. Як адзначаюць даследчыкі, лічбавізацыя памяці звязана не толькі з захаваннем і архіваваннем, але і з «медыятызацыяй» мінулага – яго перафарматаваннем у залежнасці ад логікі лічбавых платформаў, алгарытмаў і карыстальніцкай актыўнасці [3, с. 13].

Сучасныя падыходы да вывучэння гістарычнай памяці актыўна развіваюцца ў рамках *memory studies*, у прыватнасці ў даследаваннях, прысвечаных «лічбавому павароту» (*digital turn*) і візуальнай культуры постпамяці. Асабліва ўвага надаецца дэцэнтралізацыі суб'ектаў памяці, фарміраванню лічбавых архіваў, выкарыстанню інтэрактыўных карт, краўдсорсінгавых платформаў, а таксама новым формам візуалізацыі, уключаючы, напрыклад, мемы і відэакантэнт [4, с. 29].

Разам з тым у лічбавым асяроддзі ўзмацняюцца і рызыкі, у ліку якіх распаўсюджванне фэйкаў і гістарычных скажэнняў, страта аўтэнтычных крыніц, эффект «лічбавага забыцця» (*digital forgetting*), пры якім інфармацыя аказваецца недаступнай з-за тэхналагічных змяненняў, спынення падтрымкі платформаў або алгарытмічнай фільтрацыі.

Мэта дадзенага даследавання – выявіць асноўныя тэндэнцыі і механізмы трансфармацыі гістарычнай памяці ў лічбавую эпоху.

Для дасягнення пастаўленай мэты намі сфармуляваны наступныя задачы:

- ♦ прааналізаваць уплыў лічбавізацыі на суб'екты памяці – дзяржаву, грамадства, лічбавыя платформы;
- ♦ апісаць новыя формы рэпрэзентацыі мінулага ў лічбавым асяроддзі: мемы, віртуальныя архівы, інтэрактыўныя карты, сторытэлінг;
- ♦ выявіць рызыкі, якія ўзнікаюць пры лічбавым пасрэдніцтве памяці, уключаючы маніпуляцыі, падмену фактаў і знікненне крыніц.

Такім чынам, даследаванне арыентавана на сістэмны аналіз уплыву лічбавых тэхналогій на гістарычную памяць у яе сацыякультурным і палітычным вымярэнні. Навукова-тэарэтычную аснову гэтага даследавання складаюць ключавыя катэгорыі – гістарычная памяць, палітыка памяці, медыятызацыя памяці і лічбавая эпоха, кожная з якіх мае самастойнае даследчае значэнне.

Паняцце «гістарычная памяць» ахоплівае формы калектыўных успамінаў пра мінулае, якія рэалізуюцца праз інстытуты, культурныя практыкі

і сімвалічныя формы. Згодна з Я. Асманам, памяць можа быць культурнай (структураванай, інстытуцыяналізаванай) і камунікатыўнай (заснаванай на паўсядзённай перадачы) [5]. Сучасныя даследаванні падкрэсліваюць, што гістарычная памяць з'яўляецца не пасіўным адлюстраваннем мінулага, а актыўнай рэканструкцыяй, якая залежыць ад сацыяльнага кантэксту, улады і механізмаў трансляцыі.

Паняцце «палітыка памяці» якое часта выкарыстоўваюць як сінанімічнае гістарычнай палітыцы, мае на ўвазе мэтанакіраванае ўздзеянне на фарміраванне калектыўнага ўяўлення пра мінулае праз афіцыйныя наратывы, помнікі, рытуалы, школьныя праграмы і медыя. У лічбавую эпоху палітыка памяці выходзіць за межы дзяржаўных інстытутаў: лічбавыя платформы становяцца новымі медыятарамі і фільтрамі доступу да мінулага, што патрабуе пераасэнсавання суб'ектнасці ў гістарычным працэсе.

Даследчыкі прапануюць таксама тэрмін «кіберпамяць», якую К. Штоп-Руткоўска вызначае як змест, які прадстаўляе тэму мінулага: падзеі, месцы, прадметы і людзей (як герояў, так і антыгерояў), а таксама спосабы захавання гэтага мінулага ў памяці і спецыфічныя культурныя практыкі, звязаныя з працэсам камунікацыі з дапамогай новых медыя [6, с. 132–133].

Цэнтральным у рамках гэтага даследавання становіцца таксама канцэпт «медыятызацыі памяці», які адлюстроўвае змену фокусу са зместу на форму і каналы перадачы гістарычнага наратыву. Памяць усё часцей успрымаецца праз вобразы, візуальныя наратывы і алгарытмічна адабраныя сюжэты, а не праз навукова правераныя крыніцы [2, с. 75; 4, с. 29]. Гэта звязана з працэсам постпамяці, у якім візуальныя і лічбавыя вобразы замяшчаюць асабісты вопыт або архіўныя сведчанні.

Лічбавая эпоха характарызуецца высокай хуткасцю звароту інфармацыі, мультыплікацыяй крыніц і зрухам у бок карыстальніцкай вытворчасці кантэнту (user-generated content), што прынцыпова змяняе ўмовы фарміравання гістарычнай памяці. Узнікае феномен «лічбавай памяці» – новай формы сацыяльнай памяці, якая існуе ў размеркаваным лічбавым асяроддзі і падкантрольна алгарытмам і логіцы лічбавых платформ [7, с. 16–21].

Лічбавізацыя выступае амбівалентным фактарам у развіцці гістарычнай памяці: з аднаго боку, яна дае беспрэцэдэнтныя магчымасці для дэмакратызацыі доступу да мінулага, з другога – спараджае новыя пагрозы фрагментацыі, маніпуляцыі і страты дакладнасці гістарычных наратываў.

Адным з ключавых рэсурсаў лічбавай эпохі з'яўляецца аблічбоўка архіўных матэрыялаў і стварэнне адкрытых баз даных, што пашырае доступ даследчыкаў і шырокай публікі да гістарычных крыніц. Такія праекты, як Europeana [8], лічбавы архіў «Прожито» [9] або платформы oral history дазваляюць захаваць і трансляваць мікраапаведы, раней маргіналізаваныя ў афіцыйных наратывах. Аналагічна, віртуальныя музеі, лічбавыя выставы

і інтэрактыўныя карты памяці ствараюць новыя формы візуалізацыі мінулага і спрыяюць уцягванню карыстальнікаў у працэсы «перажывання» гісторыі.

Лічбавізацыя трансфармуе саму прыроду суб'екта памяці. Калі раней дамінуючым актэрам памяці выступала дзяржава з яе інструментамі гістарычнай палітыкі, то цяпер памяць фармуецца таксама праз гарызантальныя карыстальніцкія практыкі – публікацыі ў сацыяльных сетках, краўдсорсінг успамінаў, меметызацыю гістарычных падзей [2]. Такія практыкі дэцэнтралізуюць і «дэмакратызуюць» памяць, але адначасова робяць яе больш уразлівай да скажэнняў.

Значны ўплыў на калектыўнае ўспрыманне гісторыі аказвае алгарытмічнае фільтраванне, характэрнае для лічбавых платформаў. Кантэнт, які генеруецца і распаўсюджваецца ў сацыяльных медыя, адбіраецца на аснове пераваг карыстальніка, што фармуе так званыя «фільтрацыйныя бурбалкі» (filter bubbles), у рамках якіх карыстальнікі сутыкаюцца пераважна з тым, што пацвярджае іх погляды на мінулае [10, с. 91–103]. Гэта прыводзіць да палярызацыі інтэрпрэтацый гісторыі, росту недаверу да акадэмічных версій і распаўсюджванню псеўдагістарычных наратываў.

Адным з парадаксальных выклікаў лічбавай эпохі становіцца «лічбавае забыццё» (digital forgetting). Ва ўмовах пастаяннага абнаўлення праграмаў забеспячэння, нестабільнасці анлайн-платформаў і змены фарматаў захоўвання адбываецца страта значных масіваў лічбавых даных, уключаючы асабістыя і грамадскія архівы. Як справядліва адзначае Э. Хоскінс, у лічбавым асяроддзі знікненне можа адбывацца хутчэй, чым у аналагавым, нягледзячы на ўяўную захаванасць [10, с. 91]. У сваім артыкуле «Медыятызацыя памяці» Э. Хоскінс даследуе, як медыя ўплываюць на калектыўную памяць. Ён мяркуе, што распаўсюджванне лічбавага кантэнту змяняе спосабы запамінання гістарычных падзей у грамадстве, што прыводзіць да фрагментарнага разумення мінулага [11].

Разам з тым лічбавая памяць адкрывае новыя магчымасці для інклюзіўнасці і разнастайнасці наратываў. Прадстаўнікі сацыяльных меншасцяў, лакальных супольнасцяў і посткаланіяльных таварыстваў атрымліваюць магчымасць артыкуляваць уласныя версіі мінулага незалежна ад дзяржаўнай або акадэмічнай кананізацыі. Гэта вядзе да пераасэнсавання гістарычных сюжэтаў, пашырэння рамак афіцыйнай гісторыі, але патрабуе крытычнага стаўлення да крыніц і механізмаў рэпрэзентацыі.

Лічбавізацыя памяці – гэта не проста тэхналагічны працэс, а сацыяльная і культурная з'ява, якая радыкальна змяняе спосабы абыходжання з мінулым. Яна стварае ўмовы для дэмакратызацыі гістарычных ведаў, але адначасова ўзмацняе яго ўразлівасць да маніпуляцый, страты і фрагментацыі.

Адэкватнае разуменне гэтых працэсаў патрабуе пастаяннага маніторынгу змяненняў у лічбавым асяроддзі і крытычнай рэфлексіі з боку навуковай супольнасці.

Гістарычная памяць традыцыйна фарміравалася пад уплывам інстытуцыялізаваных актараў – перш за ўсё, дзяржавы, адукацыйных устаноў, навуковых арганізацый і культурных інстытутаў. Аднак ва ўмовах лічбавізацыі змяняецца не толькі форма, але і структура суб'ектаў памяці: з'яўляюцца новыя ўдзельнікі – платформы, алгарытмы, карыстальнікі, лічбавыя супольнасці. Гэта прыводзіць да страты манаполіі дзяржавы на інтэрпрэтацыю мінулага і да канкурэнцыі за сімвалічнае панаванне ў сферы памяці.

На працягу XX ст. дзяржава адыгрывала ключавую ролю ў інстытуцыяналізацыі гістарычнай памяці праз школьныя праграмы, помнікі, афіцыйныя інтэрпрэтацыі і рытуалы. У лічбавую эпоху яна сутыкаецца з выклікам: яе інтэрпрэтацыі мінулага ўсё часцей канкуруюць з альтэрнатыўнымі версіямі, якія фарміруюцца на ўзроўні карыстальніцкіх супольнасцяў.

У адказ дзяржавы пачынаюць прымяняць інструменты лічбавай камунікацыі: ствараюцца афіцыйныя сайты, гісторыка-асветніцкія платформы, мультымедыйныя праекты і прысутнасць у сацсетках, праз якія трансляюцца кананічныя версіі мінулага. Прыкладам служыць актыўны ўдзел дзяржаўных структур у развіцці лічбавых музеяў, віртуальных тураў па мемарыяльных комплексах і YouTube-каналаў, якія асвятляюць гістарычныя падзеі.

Лічбавае асяроддзе спрыяе пашырэнню суб'ектнасці грамадства ў справе фарміравання гістарычнай памяці. Памяць становіцца не толькі аб'ектам інстытуцыянальнага ўздзеяння, але і вынікам актыўнасці карыстальнікаў: публікацыі ў блогах, вядзенне лічбавых архіваў, стварэнне тэматычных паблікаў, рэпосты і мемы фарміруюць новыя каналы трансляцыі гістарычных ведаў.

Індывідуальныя і лакальныя гісторыі, раней выключаныя з гістарычнага наратыву, атрымліваюць магчымасць быць прадстаўленымі і пачутымі. Гэта асабліва актуальна для траўматычных або маргіналізаваных тэм – генацыдаў, дэпартацый, сямейных гісторый [12; 13]. Краўдсорсінгавыя платформы становяцца арэнай для альтэрнатыўнай гістарычнай рэпрэзентацыі і пераацэнкі калектыўнай ідэнтычнасці. Тым не менш гарызантальныя формы памяці таксама ствараюць рызыкі: эмацыйная ўцягнутасць, адсутнасць верыфікацыі, непрафесійны падыход да крыніц могуць спрыяць распаўсюджванню псеўдагістарычных наратываў.

Асобнае месца займае аналіз лічбавых платформаў як новых суб'ектаў (або медыятараў) памяці. Платформы (Google, Facebook, YouTube, TikTok, X і інш.) не з'яўляюцца нейтральнымі каналамі перадачы інфармацыі – яны актыўна ўдзельнічаюць у фарміраванні памяці, кіруючы даступнасцю, бачнасцю і папулярнасцю пэўнага кантэнту.

Алгарытмы сартавання інфармацыі, заснаваныя на ўцягнутасці, клікабельнасці і перавагах карыстальнікаў, ствараюць «віральную» памяць, у якой эмацыйна афарбаваны, сенсацыйны або спрэчны кантэнт атрымлівае прыярытэт над навукова абгрунтаваным. Такім чынам, платформы не проста распаўсюджваюць памяць, але фактычна рэдагуюць яе структуру – як візуальна, так і змястоўна.

Акрамя таго, самі платформы становяцца архівамі: публікацыі, фатаграфіі, відэа і каментары, размешчаныя мільёнамі карыстальнікаў, утвараюць новую форму размеркаванай лічбавай памяці, не кантраляваную ніводным актарам цалкам. Але гэты архіў нестабільны: ва ўмовах змены алгарытмаў, выдаленняў кантэнту і закрыцця сэрвісаў узнікае рызыка страты лічбавай спадчыны – феномен «лічбавага забыцця» [14].

Такім чынам, у лічбавую эпоху адбываецца перафарматаванне суб'ектаў памяці. Дзяржава губляе манаполію, грамадства актывізуецца, а платформы становяцца новымі цэнтрамі ўлады ў сферы гістарычнага наратыву. Гэтыя змены патрабуюць як новых тэарэтычных падыходаў, так і нарматыўных рамак для захавання цэласнасці і дакладнасці калектыўнай памяці.

У лічбавую эпоху трансфармацыя гістарычнай памяці закранае не толькі яе носьбітаў і суб'ектаў, але і формы рэпрэзентацыі мінулага, што істотна ўплывае на характар гістарычнай свядомасці. Рэпрэзентацыя ўсё часцей ажыццяўляецца ў візуальных, фрагментаваных, інтэрактыўных і карыстальніцкіх фарматах, якія канкуруюць з традыцыйнымі наратывамі, заснаванымі на крыніцах і логіцы акадэмічнай аргументацыі.

Адной з найбольш прыкметных тэндэнцый лічбавай эпохі стаў адыход ад тэкстацэнтрчнага ўспрымання да візуальна-аўдыёвізуальнай рэпрэзентацыі мінулага. Карыстальнік часцей сутыкаецца з выявамі, відэаролікамі, інфаграфікай, картамі памяці, чым з лінейным гістарычным тэкстам. Гэтая тэндэнцыя была ахарактарызавана як «візуальны паварот» у гуманітарных навуках [2, с. 75].

Візуальныя вобразы-фатаграфіі, відэафрагменты, рэканструкцыі – аказваюць больш моцнае эмацыйнае ўздзеянне, спрыяючы эмпатыі, але пры гэтым часцяком збядняюць кантэкст і спрыяюць спрашчэнню памяці. Так, выкарыстанне архіўных кадраў у TikTok або Instagram Reels суправаджаецца сучаснай гукавой дарожкай або мемам, што змяняе першапачатковы сэнс і адрывае малюнак ад гістарычнай рэальнасці.

Асабліва ўвага заслугоўвае меметызацыя гістарычных сюжэтаў – працэс ператварэння мінулага ў аб'ект гумарыстычнай або саркастычнай інтэрпрэтацыі з дапамогай інтэрнэт-мемаў. Мемы, якія лаканічныя, візуальныя і лёгка распаўсюджваюцца, становяцца эфектыўнымі сродкамі ўключэння ў памяць, асабліва для моладзевай аўдыторыі.

Аднак меметызацыя вядзе да зніжэння глыбіні гістарычнага аналізу, звязання складаных падзей да камічных клішэ і фарміраванні павярхоўнага ўспрымання гісторыі. Больш за тое, меммы могуць выкарыстоўвацца ў палітычнай барацьбе за інтэрпрэтацыю мінулага – як інструмент іранічнай дыскрэдытацыі або сімвалічнай мабілізацыі [8, с. 25].

З гэтым звязана і гульнявое мадэляванне мінулага: відэагульні, такія як *Assassin's Creed*, *Valiant Hearts* або *Hearts of Iron*, дазваляюць «перажываць» гістарычныя падзеі ў інтэрактыўнай форме. Гэта стварае ўнікальныя ўмовы для персаналізацыі вопыту, але патрабуе крытычнага аналізу, паколькі гульнявыя сцэнары рэдка адпавядаюць гістарычнай дакладнасці.

Лічбавае асяроддзе прадуквае новыя формы наратыву, адрозныя нелінейнасцю, інтэрактыўнасцю і фрагментарнасцю. У адрозненне ад традыцыйнага гістарычнага тэксту, лічбавы наратыв ствараецца і спажываецца не ў паслядоўнай логіцы, а ў выглядзе гіперспасылачнай структуры, дзе карыстальнік сам фармуе маршрут чытання. Гэта змяняе не толькі форму, але і ўспрыманне прычынна-выніковых сувязяў, зніжаючы ўзровень крытычнага аналізу.

Акрамя таго, лічбавыя платформы падпарадкоўваюць гістарычны кантэнт логіцы алгарытмічнай фільтрацыі. Тое, якія падзеі «трапляюць у стужку», вызначаецца не значнасцю, а ступенню ўцягнутасці – лайкамі, рэпостамі, каментарамі. Такая платформацэнтрычнасць прыводзіць да алгарытмічнага рэдакцыі памяці, дзе гістарычная значнасць падмяняецца лічбавай папулярнасцю.

Лічбавая культура нараджае гібрыдныя формы гістарычнага апавядання – дакументальныя падкасты, сторытэлінгавыя праекты, інтэрактыўныя лонгрыды, відэаблогі гісторыкаў і інш. Гэтыя фарматы спалучаюць элементы дакументалістыкі, наратыву, візуалізацыі і карыстальніцкага ўдзелу.

Напрыклад, платформы, накіраваныя «Арзамаса» [15], прадстаўляюць гістарычныя тэмы ў форме медыягісторый з візуалізацыяй, гукам, гіпертэкстам, каментарамі карыстальнікаў. Яны выконваюць важную асветніцкую функцыю, але пры гэтым патрабуюць высокай медыяпісьменнасці ад аўдыторыі.

Лічбавая эпоха трансфармуе рэпрэзентацыю мінулага ў бок фрагментарнасці, візуальнасці, меметызацыі і інтэрактыўнасці. Гэтыя формы дазваляюць далучаць больш шырокія аўдыторыі, але патрабуюць ад даследчыка пастаяннай крытычнай працы з крыніцамі, жанрамі і медыяасяроддзем, каб адрозніваць папулярнае ад дакладнага і навуковага, эмацыйнае ад аргументаванага і верыфікаванага.

Адначасова лічбавая трансфармацыя гістарычнай памяці спалучаецца з цэлым шэрагам супярэчлівых тэндэнцый, якія адначасова адкрываюць новыя магчымасці і спараджаюць істотныя рызыкі. Разуменне гэтых

працэсаў мае вырашальнае значэнне як для гістарычнай навукі, так і для фарміравання ўстойлівай культурнай і грамадзянскай самасвядомасці ў грамадстве.

Адной з галоўных рызык лічбавай эпохі становіцца фрагментацыя гістарычных ведаў. Ва ўмовах гіпертэкстуальнасці і платформавай логікі карыстальнікі часта спажываюць інфармацыю не ў выглядзе цэласных наратываў, а ў выглядзе разрозненых фрагментаў – кліпаў, мемаў, кароткіх відэаролікаў. Гэта вядзе да зніжэння здольнасці да рэканструкцыі прычынна-следчых сувязяў, разумення храналогіі і кантэксту.

Не менш значным выклікам з'яўляецца маніпуляцыя памяццю ў лічбавай прасторы. Лічбавае асяроддзе прадастаўляе зручныя інструменты для стварэння псеўдагістарычных наратываў, у тым ліку ў мэтах прапаганды, дэзінфармацыі або палітычнай мабілізацыі. Выкарыстанне ботаў, фабрыкацыя малюнкаў (deepfakes), масіраваныя кампаніі ў сацсетках фармуюць скажоную версію мінулага, якая распаўсюджваецца хутчэй, чым акадэмічна абгрунтаваныя версіі гісторыі.

Дадатковую пагрозу ўяўляе феномен «лічбавага забыцця» – страта гістарычнай інфармацыі ў выніку тэхналагічных змен, выдалення кантэнту, закрыцця платформаў або змены алгарытмаў. Лічбавае асяроддзе ілюзорна падаецца надзейным архівам, але на справе яно вельмі нестабільнае.

Нягледзячы на рызыкі, лічбавая эпоха дае і ўнікальныя магчымасці для дэмакратызацыі і інклюзіўнасці гістарычнай памяці. Прадстаўнікі лакальных супольнасцяў, сацыяльна выключаных груп, меншасцяў атрымліваюць голас і платформу для выражэння сваёй гістарычнай перспектывы. Гэта спрыяе стварэнню плюралістычнага падыходу да гісторыі і перагляду ранейшых іерархій памяці.

Шырокая даступнасць лічбавых рэсурсаў – архіваў, баз даных, візуальных і інтэрактыўных матэрыялаў – дазваляе далучаць у гістарычную камунікацыю значна больш шырокія аўдыторыі, уключаючы моладзь, школьнікаў, прадстаўнікоў неакадэмічнай супольнасці. Пры належнай медыяпісьменнасці гэта спрыяе росту гістарычнай культуры.

Лічбавая асяроддзе таксама стымулюе інавацыі ў фарматах прадстаўлення гістарычных ведаў. Праекты, якія аб'ядноўваюць сторытэлінг, візуалізацыю, інтэрактыў і элементы гульні, дазваляюць выбудоўваць больш складаныя і персаналізаваныя формы адносін да мінулага. Пры гэтым асаблівае значэнне набывае задача інтэграцыі прафесійных гістарычных ведаў у лічбавыя фарматы – ад відэаблогаў і падкастаў да кросплатформавых адукацыйных праектаў.

Такім чынам, лічбавая эпоха радыкальна змяніла парадыгму функцыянавання гістарычнай памяці. Ва ўмовах глабальнай медыятызацыі, платформавай логікі і фрагментацыі інфармацыі гістарычныя веды губляюць сваю

ранейшую інстытуцыянальную манаполію і ператвараюцца ў дыскусійную, гнуткую і шматгалосую прастору. Лічбавізацыя не толькі пашырыла доступ да крыніц і ўключыла ў памяць раней выключаныя галасы, але і спарадзіла сур'ёзныя выклікі – ад маніпуляцый і скажэнні да знікнення інфармацыі.

Лічбавая трансфармацыя памяці мае сістэмны характар: яна закранае суб'ектаў памяці (дзяржаву, грамадства, платформы), змяняе формы рэпрэзентацыі мінулага (візуальныя, меметычныя, гейміфікаваныя), а таксама нараджае новыя механізмы архівавання, камунікацыі і палітызацыі гістарычных ведаў.

Гістарычнай навуцы неабходна распрацаваць інструменты крытычнага аналізу і адаптацыі да новай медыярэальнасці. Актуальнай задачай становіцца фарміраванне лічбавай гістарычнай пісьменнасці, у якую ўваходзяць не толькі навыкі інтэрпрэтацыі крыніц, але і разуменне алгарытмічных фільтраў, візуальных кодаў і сеткавай логікі. Толькі пры гэтай умове магчыма захаванне ўстойлівай, шматмернай і адказнай культуры гістарычнай памяці ў XXI ст.

ЛІТАРАТУРА

1. *Грибан, И. В.* Историческая память в эпоху цифровизации: новые возможности и проблемы сохранения / И. В. Грибан, О. Н. Грибан // Интерпретационное насилие над исторической памятью и формирование культуры политического мышления: материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 29 октября 2021 г. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – С. 55–60.
2. *Артамонов, Д. Б.* Политика памяти в интернет-мемах: от визуализации истории к фейкам / Д. Б. Артамонов, С. В. Тихонова // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 2. – С. 75–87.
3. *Дадаева, Т. М.* Цифровая историческая память и гражданская идентичность студенческой молодежи в регионе / Т. М. Дадаева, О. А. Богатова // Society and Security Insights. – 2024. – Т. 7, № 1. – С. 13–26.
4. *Петров, Н. В.* Цифровые архивы частной памяти / Н. В. Петров // Шаги/Steps. – 2021. – Т. 7, № 1. – С. 29–56.
5. *Ассман, Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман / Пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
6. *Штон-Рутковска, К.* Киберпамять, или о чем мы не помним в сети. Анализ локальной памяти: Белосток и Люблин // Социологические исследования. – 2015. – № 4. – С. 130–139.
7. *Зубанова, Л. Б.* Цифровая память в пространстве мемориальной культуры: образы прошлого в медиа-технологиях будущего // Челябинский гуманитарий. – 2020. – № 3 (52). – С. 15–22.
8. Discover Europe's digital cultural heritage // Europeana. – 2025. – URL: <https://www.europeana.eu> (дата обращения: 11.05.2025).

9. Центр «Прожито» ЕУСПб создает цифровой архив личных документов из частных собраний. Материалы оцифровываются силами участников-волонтеров, к сообществу которых может присоединиться каждый. // Прожито. – 2025. – URL: <https://prozhito.org/> (дата обращения: 11.05.2025).
10. *Hoskins, A.* Digital network memory / A. Hoskins // A. Erll, A. Rigney (eds.) *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory*. – Berlin: De Gruyter, 2009. – P. 91–106.
11. *Hoskins, A.* The Mediatisation of Memory // *Save As ... Digital Memories* / под ред. J. Garde-Hansen, A. Hoskins, A. Reading. – London: Palgrave Macmillan, 2009. – С. 27–43.
12. Архив свидетелей Минской исторической мастерской // Историческая мастерская. – 2025. – URL: <https://zeitzeugenarchiv.gwminsk.com/> (дата обращения: 11.05.2025).
13. *Horsti, K.* Communicative memory of irregular migration: The re-circulation of news images on YouTube / K. Horsti // *Memory Studies*, 2017. – Vol. 10, № 2. – P. 112–129.
14. *Gustafsson, K.* Chinese collective memory on the Internet: Remembering the Great Famine in online encyclopaedias / K. Gustafsson // *Memory Studies*, 2019. – Vol. 12, № 2. – P. 184–197.
15. Арзамас. – 2025. – URL: <https://arzamas.academy/> (дата обращения: 11.05.2025)

Поступила в редакцию 16.05.2025

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316+141.32+327.3

Баранов Николай Павлович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и социальных наук
Минский государственный лингвистический
университет
г. Минск, Беларусь

Nikolay Baranov

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of History and Social Sciences
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
e-mail: 13nikbar@gmail.com

МИР ВО ВСЕМ МИРЕ – ФАНТОМ ИЛИ ГРЯДУЩЕЕ БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА?

Статья посвящена анализу актуальной социально-философской проблемы утверждения мировым сообществом всеобщего мира как экзистенциальной тенденции и реалии, необходимого фактора дальнейшего цивилизационного процесса человечества.

Основываясь на открытых социальной философией закономерностях развития общественных отношений, осмысливая ключевые противоречия современных международных отношений и международный опыт их разрешения в процессе формирования нового, многополярного мира, автор обосновывает неизбежность продвижения современного мирового сообщества к всеобщему миру и его утверждения во благо будущего человечества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *всеобщий мир; милитаризм; военный конфликт; угроза третьей мировой войны; политический реализм; мирное сосуществование; многополярный мир.*

WORLD PEACE: PHANTOM OR THE COMING FUTURE OF HUMANKIND?

This article analyses the urgent socio-philosophical issue of affirming universal peace as an existential trend and reality for the world community, which is a necessary factor in the ongoing civilisation process of humanity.

Based on the regularities in the development of social relations as discovered by social philosophy, and taking into account the key contradictions in modern international relations and the international experience of resolving them in the process of forming a new multipolar world, the author substantiates the inevitability of the modern world community advancing towards universal peace for the benefit of the future of humanity. The author substantiates the inevitability of the modern world community's progress towards universal peace and its establishment for the benefit of the future of humanity.

Key words: *world peace; militarism; military conflict; threat of world war; political realism; peaceful coexistence; multipolar world.*

Мир

Нет, слово «мир» останется едва ли,
Когда войны не будут люди знать.
Ведь то, что раньше миром называли,
Все станут просто жизнью называть.
И только дети, знатоки былого,
Играющие весело в войну,
Набегавшись, припомнят это слово,
С которым умирали в старину. [1]

Пусть будет мир!

Пусть пулемёты не строчат,
И пушки грозные молчат,
Пусть в небе не клубится дым,
Пусть небо будет голубым,
Пусть бомбовозы по нему
Не прилетают ни к кому,
Не гибнут люди, города...
Мир нужен на земле всегда! [2]

В 2024 году мир науки и все прогрессивное человечество исторически-благодарно отметили 300-летие одного из своих выдающихся мыслителей, немецкого философа Иммануила Канта.

Основным предметом интереса и центральной темой философской мысли этого гения всегда был человек, его восхождение путем познания к мудрости и высоконравственности, определяющими духовную сущность человека, освобождение ее от всех «загрязнивших» ее уникальность наслоений; мораль как категорический императив, нравственный регулятив человеческих взаимоотношений равный общественному закону; а также свобода человека. Высшая цель, главный смысл философских исканий, писал Кант, – помочь человеку занять подобающее место в мире, *научиться тому, каким надо быть, чтобы быть человеком* [3].

В широко известном трактате «К вечному миру» (1795), который явился органичным и закономерным развитием философии великого мыслителя и откликом на разразившуюся в тогдашней Европе Семилетнюю войну (1756–1763) – крупный военный конфликт XVIII века, один из самых масштабных конфликтов Нового времени.¹ Кант обращается к ключевой проблеме жизни человека и человеческого общества – обеспечению мира как объективно необходимого условия их существования и развития; размышляет о сущности войны как продолжении государственной политики и неизбежности радикального изменения таковой народами во имя мира; убедительно обосновывает возможность прекращения народами безумных по своей жестокости и жертвенности военных кровопролитий и установления «вечного мира».

Философскую концепцию достижения «вечного мира» Кант представил в форме вдохновляющего проекта договора о вечном мире между государствами. В ключевых положениях проекта обосновывается закономерность этого неизбежного исторического перехода человечества от «естественного

¹ Семилетняя война шла как в Европе, так и за океаном: в Северной Америке, в странах Карибского бассейна, в Индии, на Филиппинах. В этой межкоалиционной войне приняли участие все европейские великие державы того времени, а также большинство средних и мелких государств Европы и даже некоторые индейские племена. Уинстоном Черчиллем война даже была названа «первой мировой войной».

права» к международному праву, основанному на федерализме свободных государств, гарантирующему искоренение войн из жизни народов и утверждение на века всеобщего мира [4].

Кому предстоит осмысливать и решать эту экзистенциальную проблему? Вообще людям или главам государств, которые, как свидетельствует история и современность, нередко используют вооруженное насилие – этот «факел Герострата» для реализации политики (известное: «пушки – последний довод королей») и иногда не могут пресытиться войной. Или, быть может, исключительно философам, которым, как сладкий сон, снится достижение человечеством вечного мира? Кант оставляет этот вопрос открытым, предлагая и нам, современникам XXI века, продолжить философствование по данной обретающей всевозрастающую актуальность проблеме и принять активное участие в ее ответственном решении.

Мир – самое главное и важное для всех живущих на планете Земля.

Слово *мир* является исторически глубинным в языках и языковых картинах народов мира, выражая при всем своем семантическом разнообразии сопоставимое сущностно единое, главное для человеческого существования¹.

Слово *мир* рисуют, воспевают, за мир молятся, желают родным и близким и всем народам жить под мирным небом, заклиная чтобы не было войны – страшнейшей и тяжелейшей из всех бед, всей душой переживают за страдающих во все еще происходящих войнах и военных конфликтах.

В широком плане тема мира, его защиты является сейчас одной из наиболее актуальных глобальных проблем человечества, потому что в современном мировом сообществе он хрупок как никогда. «Факел Герострата» все еще находится в руках разжигателей войн – политических ястребов США, стран НАТО и других агрессивных альянсов, из-за которых возможно то, что наш мир может в один миг прекратить свое существование.

Как человек, родившийся и выросший в Советском союзе под знаменитыми, самыми гуманистическими лозунгами новейшей эпохи – *нет войне!* и *миру – мир*, – потомок защитников нашего Отечества в героической борьбе с германским фашизмом в годы Великой отечественной войны 1941–1945 годов, кадровый офицер с 33-летним стажем воинской службы по защите мирных условий жизни и созидательного труда многонационального советского народа (в том числе народа Беларуси), участвуя в посвященной 300-летию Иммануила Канта международной научной конференции как философ-педагог по гражданской профессии, не мог не быть глубоко мотивированным на научное исследование инициированной Кантом актуальной проблемы утверждения всеобщего мира во благо грядущего будущего человечества.

¹ Современная лингвистика и лингвокультурология активно исследуют понятие мир как универсальный культурно-цивилизационный концепт человеческих взаимоотношений [5].

Что же означают объединяемые в единое понятия *мир во всем мире* и *всеобщий мир* в сущностном, смысловом отношении?

Как взаимоуточняющие термины *всеобщий мир*, *мир во всём мире* (англ. *world peace*) – это прекращение всех форм боевых действий, отсутствие войн и враждебности среди всего человечества; идея мира без насилия, всемирного духовного братства, идеал свободы, мира и счастья между странами, внутри всех стран, между всеми людьми; идея планетарной дружбы, с помощью которой все государства сотрудничают друг с другом, предотвращая войны и развивая цивилизационный процесс XXI века. Таков конкретизируемый философский смысл этого утверждающегося социально-философского понятия, рожденного новейшей историей человечества [6].

Базовое в рассматриваемой лексеме понятие *мир* в философии и научных отраслях знания широко используется в категориальной и терминологических трактовках.

Мир – это многозначное понятие философского и научного дискурса, которое выражает фундаментальные категории бытия (*Бытие*), существующего и существования (*Существование*), природы, целого, универсума, вселенной, космоса, жизни во всем их многообразии, выступая одной из базисных онтологических интуиций; либо отражающих их гносеологических сущностей – *мир разума, идей, знаний*; либо дифференцированных форм упорядоченных единств – *мир живой природы, жизненный мир человека, мир политики, мир науки, мир кино, античный мир, современный мир* и другие. В этом смысле дефиницию *мир* определяют как особенное всеобщее, взятое в полноте своей эмпирической развертки.

В осмыслении сущности понятия *мир* немаловажно учесть также и такие его историко-философские характеристики: с началом научного изучения вселенского мира в акцентированном Демокритом (ок. 460–370 гг. до н.э.) трактате «Великий Диакосмос» греческим словом *κόσμος* подчеркивается ключевое значение «устроения мира» как «миропорядка». Существующий в современном русском языке омоним и омограф мира как Вселенной (*мир, миропорядок, мироздание*) также означает не просто отсутствие вражды, но и гармоническое устроение сущего. Например, у Платона мир (космос) – это прекрасный и одушевленный «порядок», созданный демиургом из «беспорядка» (Тимей. 30 a-b) [7].

Такой мировой порядок предстоит устраивать и современному мировому сообществу в формировании будущего человечества без войн и насилия, преодолевая многообразные противоречия на пути к всеобщему и вечному, по Канту, миру.

На решение этой задачи, достижение нового современного состояния мира, и направлен воплощаемый прогрессивными силами человечества в жизнь проект формирования многополярного мира. Философия и полити-

ка многополярного мира, представляющая собой альтернативу устаревшим моделям международных отношений, открывает народам новые возможности для глобального сотрудничества и развития, направленные на исключение войн из жизни человечества и обеспечение устойчивого мирного созидательного будущего для всех народов планеты.

Все сущее и каждое понятие о нем имеет свою историю.

Как сакральная мечта человечества, представление о всеобщем мире и братстве людей первоначально осмысливалось, утверждалось и передавалось от праотцов к потомкам в религиозных учениях народов: христианских, мусульманских, иудаизма, буддизма и других.

Например, в известном сочинении христианского философа и богослова Аврелия Августина (354–430) «О граде Божьем» представлена уникальная концепция философии истории. Августин описывает историю человечества как сосуществование двух сфер – Града Божьего и Града Земного. Люди, входящие в Град Божий, живут по установленным Богом законам, а обитатели Града Земного – по законам, установленным возгордившимися людьми, отдалившимися от Бога. Всеобщая история человечества трактуется как восхождение к Граду Божьему, создаваемому праведными верующими под руководством Бога.

Как мыслится установление мира на земле с библейской точки зрения?

В библейских учениях проповедуется, что, будучи Царём Божьего Царства, Бог, «прекращая брани до края земли» (Псалтирь 45:10) [8], исполнит свое обещание установить «мир на земле среди людей, к которым он благосклонен!» (Псалом 46:9; Луки 2:14) [9]. «Раз и навсегда установит на всей земле настоящий мир» (Псалом 37:11; Луки 1:32, 33) [10]. «Поможет тем, кто живёт во тьме и в вечном страхе перед смертью, и укажет путь к вечному миру» (От Луки 1:79) [11].

Ключевые идеи решения этой проблемы таковы.

Царство Бога будет править над всей землей с небес (Даниил 7:14). Как мировое правительство, оно уничтожит национализм – причину многих конфликтов. Людям, намеренным и дальше воевать, не будет позволено жить под правлением Царства, поскольку «всякого, любящего насилие, ненавидит... душа [Бога]» (Псалом 11:5; Притчи 2:22). Бог учит своих подданных тому, как жить в мире. Результатом такого обучения будет то, что «они перекуют свои мечи на лемеха и копья на садовые ножи, народ не поднимет меча на народ, и не будут больше учиться воевать» (Исаия 2:3, 4) [12].

В века духовного господства религия благословляла мир как величайшее творение и божественное устройство вселенского мира Всевышним, дарованное людям, рабам Божьим, для земной и вечной жизни, а также благословляла движение к миру, его защиту от всевозможных дьявольских посягательств на уничтожение жизни людей мором, болезнями и войнами.

Именно религиозные учения обобщили первичный жизненный исторический опыт человечества в мудрость людей о ценности мира как условия своего существования, о ценности единства и сотрудничества в обеспечении их поступательного развития. Обретая сакральность, эти понятия закономерно становились нравственной основой мировоззрения и культуры народов, закрепляясь в каждодневных приветствиях (*мир вам, мир вашему дому*); в поучениях о важнейших жизненных ценностях (*мир – всего дороже, мир и любовь – всему голова, навалимся всем миром, миром и горы сдвинем*), а также в особых национальных понятиях, каким, к примеру, в христианском православном мире является понятие *соборность*¹; в священных традициях – в конце всех пяти ежедневных молитв мусульманин обращается попеременно к двум сторонам света с пожеланиями мира.

Согласно исследованию историка Константина Душенко, лексема *миру мир* впервые упоминается в оде Гавриила Романовича Державина «Лебедь» (1795) в строках «И проповедуя мир миру...», а в апреле 1814 года в виде лозунга размещается на эмблематическом изображении в Москве по случаю взятия Парижа. В православном богослужении в «Великой ектении» есть прошение «О мире всего мира...». Призывом «Мир миру!» Илья Эренбург закончил своё выступление на Всемирном конгрессе сторонников мира в Париже 23 апреля 1949 года. Под этим же лозунгом шел сбор подписей под Стокгольмским воззванием в 1950 году. С мая 1951 года лозунг утвердился в советской печати в форме «Миру – мир!» [15].

Камнем преткновения на пути человечества к всеобщему миру являются войны, во всей очевидности данной печальной истины, подтверждаемой из века в век историческими и современными фактами многих малых и больших войн. Войны исторически сопровождают противоречиво сложную, особенно в межэтнических отношениях, жизнь народов, формируя известное ложное (с точки зрения современной науки) социал-дарвинистское представление о их природной естественности или врожденной органичной присущности человеческому бытию², то есть их вечности и неустрашимости из жизни человечества. Могучие царства покоряли слабейших соседей и старались

¹ *Соборность* — понятие в русской религиозной философии, означающее свободное духовное единение людей как в церковной жизни, так и в мирской общности, общение в братстве и любви. Термин не имеет аналогов в других языках. Понятие было введено русским философом Алексеем Хомяковым и развито славянофилами, а затем и русскими религиозными философами [13]. В философии классических евразийцев понятие *соборность* занимает одно из ключевых мест, выступая в качестве основополагающего объединяющего принципа [14].

Хочется верить, что в продвижении мирового сообщества к всеобщему миру все народы станут соборными.

² Агрессивность и проявление людьми насилия социал-дарвинизм органично связывал с нередким противоборством древних за пищу, территорию и иные ресурсы для обеспечения проживания, полагая их врожденными, первичными в жизнедеятельности людей, социально трансформирующимися затем в войны.

приспособить их владения под свои нужды. Это считалось естественным правом силы, законным для всех сильных мира сего, гегемонов правящих миром¹. Каждая эпоха имела свои войны.

Соответственно, развязывание войн осуществлялось открыто. В Новое время основным средством развязывания войны стала политика, обретающая в новейшее время все более изощренный характер. Войну не начинают неожиданно.

По известному классическому определению К. Клаузевица (1780–1831), изложенному в многотомном трактате «О войне», «Война есть не что иное, как продолжение государственной политики² другими средствами» [16]. «Вне политики война невозможна. Всегда в человеческом обществе войны вызывались политическими мотивами». Война в человеческом обществе – война целых народов и притом народов цивилизованных – всегда вытекает из политического состояния и вызывается лишь политическими мотивами» [17, с. 7]. «Война не возникает внезапно, война <...> есть конфликт крупных интересов, который разрешается кровопролитием; лишь в последнем ее отличие от других конфликтов» [Там же].

Клаузевиц характеризует войну как «проявление насилия, применению которого не может быть пределов» [Там же, с. 6] до достижения ее участниками намеченных целей кровавого противоборства. Достижение мира на условиях победителя Клаузевиц считает самой главной целью ведения войны.

Войны, таким образом, не могут быть непрерывными и вечными, они не могут быть также постоянным спутником человечества, истребляющим его творческие созидательные силы.

XX век стал самым воинственным в истории человечества по масштабам и жестокости войн, числу жертв и разрушений. Возросла многоликость войны, продемонстрировав человечеству облик двух мировых кровопролитий, холодной войны, локальных войн, гибридной, терроризма и прокси-войн. Почти век человечество живет под домокловым мечем ракетно-ядерной войны. Важно заметить также, что на современном этапе война стала выходить из-под контроля государств.

В XXI веке судьбы отдельных народов и всего человечества зависят от того, сможет ли оно обуздать войну, а значит, обуздать само себя. Причем человечество – не абстракция, а сообщество, в котором в XXI веке свыше

¹ Как философская концепция «Сила есть право» (Рагнар Редбёрд, 1896), обосновывающая, что только сила является основанием всякого права, идеологически утверждается в Новое время в межгосударственных отношениях народов и проявляет себя в войнах этой эпохи (наполеоновской, колониальных и гражданских).

² «Война есть орудие политики; она неизбежно должна носить характер последней; ее следует мерить политической мерой. Поэтому ведение войны в своих главных очертаниях есть сама политика, сменившая перо на меч, но от этого не переставшая мыслить по своим собственным законам» [17, С. 7].

200 государств и более 3000 народов. И даже если половина мирового сообщества попытается отказаться от войны, а вторая – нет, это не избавит планету от войн, наоборот, может подтолкнуть сильных на применение военных методов против слабых.

Объективный диалектический взгляд на историю войн раскрыл глубинную сущность войны как социального явления, обосновал закономерную тенденцию, реальную возможность и неизбежность устранения ее из жизни человечества на современном этапе цивилизационного развития. Осознавая катастрофичность войн и насилия для своего последующего развития, современное цивилизованное человечество объявило противоборство войне как социально-политическому явлению и начало радикальный разворот к утверждению на земле всеобщего мира.

В современной философии феномен войны – основное препятствие на пути человечества к миру – рассматривается как сложное, многогранное и многофакторное социальное явление.

Приведем конкретизирующие данный феномен современные дефиниции: война – социально-политическое противоборство государств (коалиций государств), народов, социальных, национальных либо религиозных групп, основное содержание которого составляет широкое применение вооруженных сил (формирований), представляет собой один из основных типов военных конфликтов, социально-политических явлений с применением вооруженного насилия. Для достижения поставленных на войне политических целей применяют также экономические, дипломатические, информационно-психологические и другие формы борьбы. Война отличается своими масштабами и последствиями от других конфликтов (вооруженного конфликта, акции, инцидента, провокации и др.). Война ведет к качественному изменению состояния всех сфер общественной жизни (политической, экономической, социальной, духовной), кардинальным образом адаптируемых к условиям войны [18]. Адекватное определение дано и в Новой философской энциклопедии: «Война – организованная вооруженная борьба между государствами, нациями, социальными группами, осуществляемая специальным социальным институтом (армией) с привлечением экономических, политических, идеологических, дипломатических средств» [19].

Важная проблема, которая разрабатывается в философии, – смысл и историческая роль войны. По этому вопросу на протяжении всей истории сталкиваются и борются три подхода.

Сторонники милитаризма рассматривают войну как неизбежную и необходимую форму бытия человечества, отводят войнам прогрессивную роль в истории общества. Они полагают, что война сыграла исключительно благоприятную роль в становлении человеческой культуры, способствовала прогрессу, воспитывала сильные жизнеспособные поколения. Стоящие на

этой позиции государства считают вооруженное насилие допустимой, а то и предпочтительной формой реализации своих национальных интересов. Так, Соединенные Штаты, внешняя политика которых строится с позиции силы, прибегают к вооруженному насилию по собственному произволу в обход и в нарушение международного права.

Однако современная политическая философия Запада (О. Шпенглер, А. Тойнби, С. Хантингтон, Ф. Фукуяма, П. Бьюкенен) выражает однозначную точку зрения, что милитаризм и путь войны, угрожающий столкновением цивилизаций, – недопустимый путь к катастрофическому будущему и Запада и всего человечества.

Другой подход свойственен пацифизму¹. Его последователи осуждают и отвергают любую войну как аморальное явление, обосновывают необходимость и возможность воспрепятствования милитаризму и вооруженным конфликтам, возможность исключения войн из жизни современного человечества, утверждения всеобщего и вечного мира. Они предлагают разные пути достижения этой цели: утверждение республиканского устройства каждого государства и федерализма свободных государств; рост могущества миролюбивых сил и антивоенная позиция государств; развитие международного права и превращение его в универсальный доминантный регулятор общественной жизни.

Еще одна позиция – политический реализм. Сторонники этой точки зрения рассматривают войну, потенциальную угрозу ее возникновения, как все еще не искорененную реальность в политических отношениях государств современного мирового сообщества и признают ее в некоторых случаях не исключаемой в разрешении межгосударственных противоречий. На ней строится современное международное право, которое признает законными войны государства, осуществляющего право на индивидуальную или коллективную самооборону в случае вооруженной агрессии.

В практическом преломлении из этой позиции следует понимание того, что никто в современном мире пока не застрахован от угрозы войны.

Всеобщий мир – не фантом и не грандиозная амбиция. Мир во всем мире – объективно исторически, закономерно вызревшая, экзистенциальная потребность всего человечества, осознающего возможность его практического достижения на современном этапе цивилизационного развития.

¹ Пацифизм (от лат. *pacificus* – миротворческий, от *рах* – мир и *facio* – делаю) – идеология сопротивления насилию ради его исчезновения.

К организованному пацифизму относят идеологические проекты, движения и деятельность по формированию ненасильственного мира, неприсоединению к военным блокам, антимилитаризму и демилитаризации, контролю над вооружениями и разоружению, антивоенное и антиядерное движение, ставшие закономерным явлением современного мирового развития, активной политической силой современности, важным фактором борьбы человечества за утверждение мира во всем мире.

Пацифизм человечества обрел действенные организованные формы: Всемирный совет мира, Совет безопасности Организации Объединенных наций, Комиссии ООН по контролю за вооружением и разоружению, Международные договоры об ограничении или уничтожении вооружений, поэтапной ликвидации оружия массового поражения, Интернационал противников войны, международные антивоенные организации и антивоенные комитеты стран, антивоенные движения, Федерация за всеобщий мир, Университет мира и мирное просвещение, Международный день мира, Нобелевская премия мира и другие.

За десятилетия после второй мировой войны человечество активно и плодотворно осваивало принцип мирного сосуществования – принцип взаимоотношений между странами и народами мирового сообщества, исключающий использование военного насилия. Мирное сосуществование предполагает: отказ от войны как средства решения спорных вопросов, разрешение их путем переговоров; равноправие, взаимопонимание и доверие между государствами, учет интересов друг друга; невмешательство во внутренние дела, признание за каждым народом права самостоятельного решения всех вопросов своего социально-экономического и политического развития; строгое соблюдение суверенитета и территориальной целостности всех стран; добросовестное выполнение государствами международных обязательств.

Продолжая осмысление колоссальных по масштабу жертвенности последствий второй мировой войны, все еще ощутимо их непреходящее катастрофическое влияние на цивилизационный процесс современности, осмысливая нарастающую угрозу третьей мировой войны и ее возможных недопустимых последствий для будущего, мировое сообщество как единство всех людей доброй воли всемерно усиливает деятельность по надежной защите существующего мира на нашей земле и утверждению всеобщего мира.

Дальнейший конструктивный путь к достижению его человечеством уже определен – формирование нового, многополярного мира, как мира баланса сил, способного на нынешнем, переходном историческом этапе противостоять завершающему свое историческое развитие миру гегемонизма.

Об этом убедительно свидетельствует состоявшийся 11 октября 2024 года в столице Туркмении Международный актуальный форум «Взаимосвязь времен и цивилизаций – основа мира и развития», приуроченный к 300-летию со дня рождения выдающегося туркменского мыслителя и философа, поэта и общественного деятеля XVIII века Махтумкули Фраги.

Своим творчеством Махтумкули неизменно взывал к чистоте, справедливости и равенству не только в отношениях между людьми, но и между целыми государствами, между нациями. Выступал за утверждение высоких

идеалов дружбы и добрососедства и прозорливо старался донести эти свои мысли до последующих поколений, призывая к согласию и ответственности, толерантности и пониманию, уважению и солидарности.

В докладе Главы Российской Федерации В. В. Путина на форуме отмечалось. «Всё это и сегодня близко и понятно здравомыслящим людям. И особенно актуально и востребовано в нынешней непростой обстановке, когда мир сталкивается с беспрецедентными угрозами, порождаемыми цивилизационными разломами, <...> когда международные отношения вступили в эпоху глобальных коренных изменений, когда формируется новый миропорядок, отражающий многообразие всей планеты, и этот естественный процесс носит необратимый характер».

Далее следовало следующее заявление: «Появляются новые мощные центры экономического роста, финансового и политического влияния, прежде всего на Глобальном Востоке, на Глобальном Юге в целом. Эти новые центры стремятся сохранить и укрепить суверенитет и социокультурную идентичность, ищут пути гармоничного развития в соответствии со своими традициями и с опорой на национальные интересы. Государства мирового большинства, частью которого является и Россия, и все представленные на форуме страны, выступают в духе философских подходов Махтумкули за более справедливое распределение благ, за последовательную демократизацию международной жизни. Убеждены, что всеобщий мир и всеобъемлющее развитие могут быть обеспечены только на основе учёта мнения каждого народа, при уважении права каждого государства на свой суверенный курс, на своё мировоззрение, на свои традиции и религиозные представления».

Путин подчеркнул, что Россия выступает за максимально широкую международную дискуссию о параметрах взаимодействия в формирующемся многополярном мире, открыта для обсуждения вопросов выстраивания нового миропорядка со всеми нашими друзьями, партнёрами и единомышленниками, в том числе в рамках СНГ, ЕврАзЭС, Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС [20].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Берестов, В.* Мир / В. Берестов. – URL: <https://rustih.ru/valentin-berestov-mir/> (дата обращения: 3.10.2024).
2. *Туров, В.* Пусть будет мир / В. Туров. – URL: <https://forum.d-seminar.ru/threads/stixi-o-mire-bez-voyny-dlja-detej/> (дата обращения: 3.10.2024).
3. *Кант, И.* Соч.: в 6 т. / И. Кант. – М., 1964. – Т. 2. – С. 206.
4. *Кант, И.* К вечному миру. Соч.: в 6 т. / И. Кант. – М., 1966. – Т. 6. – С. 257–309.
5. *Ефимец, М. А.* Мир как универсальный культурно-цивилизационный концепт / М. А. Ефимец // Вестн. МГУКИ. – 2020. – №2 (94). – С. 64–73.

6. Мир во всём мире – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 13.10.2024).
7. Платон Тимей. – URL: <http://www.odinblago.ru/platon> (30 а -b) (дата обращения: 13.10.2024).
8. Библия онлайн. Псалтирь 45:10. – URL: <https://bible.by/verse/19/45/10/> (дата обращения: 13.10.2024).
9. Евангелие от Луки. – URL: <https://bible.by/verse/42/2/14> (дата обращения: 13.10.2024).
10. Объяснение библейских стихов Луки 2:14. «На земле мир людям, к которым он [Бог] благосклонен». – URL: <https://www.jw.org/ru> 2-14/ (дата обращения: 13.10.2024).
11. Библия. От Луки 1 (Синодальн.) – URL: <https://allbible.info/bible/sinodal/79> (дата обращения: 13.10.2024).
12. Как будет установлен мир на земле. Библейский ответ. – URL: <https://www.jw.org/ru/> (дата обращения: 13.10.2024).
13. Карта слов и выражений русского языка. Соборность. – URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 14.10.2024).
14. *Исаева, О. С.* Идея соборности в философии классического евразийства / *О. С. Исаева.* – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-sobornosti-v-filosofii-klassicheskogo-evraziystva> (дата обращения: 14.10.2024).
15. Миру – мир. Происхождение лозунга. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 15.10.2024).
16. Карл фон Клаузевиц. О войне. – Изд -во: Эксмо, Мидгард, 2007. – С. 7.
17. *Клаузевиц, К.* О войне. Избранное / *К. Клаузевиц.* – М. : АСТ, 2018. – С. 298, 306.
18. Война. Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/voina-911cd6> (дата обращения: 15.10.2024).
19. Новая философская энциклопедия. В 4 т. М. : Мысль. Т. 1. – 2010. – С. 425.
20. Международный форум «Взаимосвязь времён и цивилизаций – основа мира и развития». – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75303> (дата обращения: 11 окт 2024).

Поступила в редакцию 30.01.2025

УДК 37,035.6

Бобрович Вячеслав Иванович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и социальных наук
Минский государственный лингвистический
университет
г. Минск, Беларусь

Vyacheslav Bobrovich

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of History and Social Sciences
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
e-mail: vbobrovichmglu1960@gmail.com

СПОСОБНОСТЬ К ДИАЛОГУ И ВЗАИМОПОНИМАНИЮ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ

В статье анализируется проблема формирования одного из качеств суверенного гражданина, играющее существенную роль в процессе гражданского образования. Установка на диалог выступает предпосылкой формирования гражданских компетенций, которые необходимы человеку для поддержания конструктивных взаимоотношений с окружающими, цивилизованного выражения своих личных и общественных интересов, предотвращения общественных и индивидуальных конфликтов. Исследуется значение общественного диалога на разных этапах всемирной и отечественной истории, соотношение с советским прошлым, отмечается значимость его правильного понимания в современном белорусском обществе. Рассматриваются условия, способствующие и препятствующие налаживанию эффективного диалога, а также способы и методы обучения диалогу в рамках образовательного процесса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: диалог; полилог; дискуссия; дебаты; толерантность; права человека; «Другой»; конфликт; консенсус; сотрудничество; гражданское образование.

THE ABILITY TO DIALOGUE AND MUTUAL UNDERSTANDING IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF CIVIL COMPETENCIES

The article analyzes the problem of forming one of the qualities of a sovereign citizen, which plays a significant role in the process of civic education. The focus on dialogue is a prerequisite for the formation of civic competencies that a person needs to maintain constructive relationships with others, civilized expression of their personal and public interests, and the prevention of public and individual conflicts. The significance of public dialogue at different stages of world and national history, its correlation with the Soviet past, and the importance of its correct understanding in modern Belarusian society are studied. The conditions that facilitate and hinder the establishment of effective dialogue, as well as methods of teaching dialogue within the educational process are considered.

Key words: dialogue; polylogue; discussion; debates; tolerance; human rights; "Other"; conflict; consensus; cooperation; civic education.

Слово *диалог* появляется в эпоху античности, где с его помощью обозначали «разговор между двумя лицами». Греческий философ Платон, на-

пример, излагал свои идеи в литературной форме «диалога», т. е. беседы нескольких собеседников, обсуждавших различные проблемы морального, политического и иного характера. Позже понятие *диалог* стало трактоваться более широко, что было связано с теми функциональными значениями, которые оно приобретало по мере его дальнейшего использования.

Греческий философ Сократ часто использовал форму устного диалога для того, чтобы выяснить истину. Ее поиски путем обсуждения конкурирующих точек зрения станут отправной точкой в возникновении и развитии всей последующей западноевропейской философии. Начиная с античности эта форма «активно использовались для обучения диалектике, которая вплоть до XIX века понималась как искусство рассуждать в диалоге с различными оппонентами. Софисты сводили диалектику к эристике – искусству побеждать в споре (в том числе используя изощренные уловки). Философы, напротив, критиковали риторическую составляющую диалектики, призывая при обсуждении какого-то вопроса концентрироваться на нем самом (на достижении наилучшего решения относительно его), а не на намерении победить собеседника в споре» [1, с. 249].

Повышенное внимание к диалогу было связано и с развитием демократических форм политической жизни в Древней Греции. Гражданское участие в жизнедеятельности античного полиса предполагало умение свободно обсуждать общественные проблемы и находить приемлемые для всех граждан решения. Диалог Сократа «апеллирует к свободному гражданину, *aner politicos*, действующему на благо своего государства» [2, с. 16]. Любой свободный гражданин «должен был получить риторическую подготовку знания и речи, в своей жизни и деятельности руководствовался той моделью красноречия, которую он предпочел, выбирая себе учителей» [Там же]. Тем самым, уже в эпоху античности, понятие *диалог* не сводилось к обозначению особого литературного жанра «беседы», но рассматривалось значительно шире, как способ жизнедеятельности всего общественного организма, каковым в то время являлся полис.

В современной литературе понятие *диалог* рассматривается как в коммуникативном, так и в философско-антропологическом смысле. С философской точки зрения диалог является ситуацией, при которой происходит контакт между «Я» и «Другим», встреча носителей разного опыта, главной целью которой является взаимопонимание. Человеческое бытие есть всегда «бытие с другими». На этот счет даже существует понятие *диалогичности*, которое обозначает фундаментальное свойство человека организовывать свою внутреннюю и внешнюю жизнь, вступая в «диалог» с природой, социальным окружением и с самим собой.

Авторы современных концепций диалога обращаются к таким его свойствам, как склонность субъекта к постановке вопросов и ожиданию ответов,

способность противоречить другому, возражать, доказывать и опровергать высказывания; аргументировать и отстаивать собственное мнение; сомневаться в нем и во мнении другого; стремиться к согласию и пониманию.

Понятие *диалога* используется тогда, когда говорят об отношениях между отдельными сообществами, группами людей, народами и государствами, между разными культурами и историческими эпохами. Диалог в этих концепциях противопоставляется конфликту, в котором действительность структурируется по принципу оппозиции «свое – чужое», в то время как в «диалоге» есть только различие «свое – иное».

Одна из возможных проблем любого диалога – отсутствие взаимопонимания между его участниками, что обычно связано с различным жизненным опытом, отличающимися ценностными установками, наличием стереотипов и предубеждений. В одном из советских фильмов герой обронил сакраментальную фразу: «счастье – это когда тебя понимают». Перефразируя ее, можно сказать, что несчастье – это когда тебя не понимают. Отсутствие взаимопонимания порождает общественные и личные конфликты, которых можно избежать, приобретая соответствующие коммуникативные компетенции, в частности, способность к конструктивному диалогу.

В советском обществе диалог являлся частью общественных и повседневных практик людей, однако существовала и своя специфика, связанная с господствующей на тот момент государственной идеологией. Она в решающей степени влияла на организацию диалога между индивидами, социальными группами, властью. Советское общество было во многом основано на вертикальных, а не на горизонтальных связях между людьми, что являлось препятствием для выработки культуры демократического диалога. По этой причине диалог общества и власти часто приобретал своеобразные формы. Советская власть опасалась позволять гражданам бесконтрольно выражать на людях свое мнение по вопросам государственной важности. В то же время ей необходимо было знать, что думает народ. Именно поэтому в советском обществе существовали два основных способа налаживания процесса коммуникации и диалога: донесения спецслужб, а также письма и жалобы граждан в вышестоящие инстанции.

Публичная сфера, в которой как раз и становится возможным возникновение культуры демократического диалога, в советском обществе тщательно контролировалась, однако при этом происходила имитация ее наличия. Известна, например, советская практика организации «всенародного обсуждения» важных вопросов общественной жизни, часто сводившаяся к публикации писем поддержки партийно-государственных решений в центральной и местной печати. Именно таким образом обсуждались Сталинская конститу-

ция СССР в 1936 году и Конституция СССР в 1977. Гражданская активность в советском обществе не включала в себя элементы культуры демократического диалога, что оказывало влияние и на практики повседневного общения. В период распада СССР организация диалога в обществе стала одной из самых острых общественно-политических проблем, которая до сих пор окончательно не решена.

Современное белорусское общество унаследовало многие стереотипы и практики советского общества, в том числе и проблемы с низкой культурой демократического диалога. В конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века, одновременно с процессом развития публичной сферы, начала поэтапно формироваться культура политического диалога. Если в период начала перестройки и распада СССР это был диалог между правящей коммунистической партией и остальными гражданами, то в дальнейшем возникает диалог уже между различными политическими силами и властью.

На сегодняшний день в белорусском обществе существуют группы с разными ценностными ориентациями, есть несколько религиозных конфессий, используется несколько языков, что, безусловно, является важной причиной для постоянного ведения общественного диалога и достижения взаимопонимания. С момента обретения независимости в Беларуси сформировался новый тип идентичности граждан, уже не являющихся составной частью «советского народа». Это требует согласия не только по актуальным вопросам современности, но и по проблемам исторического развития белорусского общества, по вопросам исторической памяти и истории государственности. Формирование навыков культуры диалога является не только предпосылкой стабильного внутреннего развития общества, но и необходимым условием для укрепления нормальных, добрососедских отношений с другими странами.

Диалог является первичной формой налаживания социальной коммуникации. В жизни любого человека практически каждый день возникает потребность в обмене мнениями и информацией с другим человеком по поводу самых разных вопросов. Но есть и другой уровень диалога – полилог, когда множество различных групп граждан, составляющих плюралистическое демократическое общество, пытаются договориться между собой, свободно вступая в открытый общественный и политический диалог, и от его результатов напрямую зависят уровень консолидации общества, благополучие граждан, стабильность существующего порядка. В тоталитарных государствах такого рода диалог был невозможен в принципе, поскольку они не признают свободы групп интересов и плюрализма мнений.

В условиях современной демократии понятие диалога приобретает особое значение, т. к. она основывается на признании ценности разнообразия

человеческого опыта, свободы высказываний и открытом обсуждении проблем общественной жизни. Демократическая форма общественной жизни диалогична по своей сути. Она не предполагает единственно верных решений и не знает непогрешимых авторитетов.

Демократия только тогда может эффективно функционировать, когда граждане обладают культурой диалога, умением согласовывать свои позиции, обмениваясь друг с другом своим видением ситуации, проектами конструктивного решения общих проблем, культурными ценностями. В публичной сфере через диалог выявляются, выражаются и согласовываются интересы различных групп, индивидов, происходит самоопределение и самоидентификация участников диалога. Еще одна из важнейших функций публичного диалога в демократическом обществе – открытое декларирование политических позиций. Таким образом, наличие у граждан установки на диалог становится важным показателем способности общества к устойчивому развитию.

Демократия предполагает различные формы организации общественно-политического диалога: предвыборные дебаты политических деятелей, парламентские слушания по различным общественным проблемам, столкновение различных точек зрения в средствах массовой информации, общественные дебаты, организуемые неправительственными организациями и др. Люди должны получить навыки гражданского участия. Принимая участие в жизни местных сообществ, они должны научиться формулировать свою позицию по различным аспектам общественной жизни. В демократических странах, например, большую популярность приобрели различные формы дебатов, в ходе которых участники пытаются обсуждать общественные проблемы, обучаясь культуре диалога, поиску лучших методов отстаивания своей позиции.

Подобная организация общественно-политической жизни нуждается в постоянной поддержке на уровне повседневности. На уровне повседневной жизни демократия, прежде всего, проявляется в разговоре (диалоге) равноправных и уважающих друг друга партнеров, стремящихся прийти к взаимному пониманию и согласию, она основывается на том, что люди встречаются и говорят, достигая в разговоре лучшего понимания проблемы и, возможно, ее решения.

Всегда существует вероятность того, что диалог может не состояться, особенно с теми, кто отказывается от него. Однако открытые общества тем и отличаются от закрытых, что они постоянно предлагают возможность такого диалога. Демократический способ жизни основан на взаимном доверии, стремлении понять интересы другого человека, желании и умении людей согласовывать свои интересы и договариваться.

Важнейшим условием в утверждении гуманного и справедливого типа взаимоотношений являются признание и уважение в человеке «инаковости». Демократия пытается решить одну из главных проблем человеческого общежития – примирить свободу одного человека со свободой других. Воспитание свободолюбивого и в то же время ответственного гражданина предполагает приобретение компетенций, позволяющих организовать свое общение с окружающими на основе добрососедства и взаимопонимания. Именно поэтому в обучении демократии особое внимание уделяется воспитанию культуры мира и толерантности, один из навыков которой заключается в способности позволить другому человеку быть иным, т. е. иметь свою точку зрения, исповедовать ту или иную религию, вести свой, в чем-то нестандартный, образ жизни [3, с. 57].

Обучение навыкам диалога предполагает новый подход к учебному процессу и системе образования в целом. Оно понимается как «преодоление дисбаланса и монологичности взаимодействия, обретение культуры и искусства диалога, и идеалом его выступает превращение ученика в учителя. Абсолютное доминирование учителя над учеником идея, чуждая образованию столь же, как и представление, что во взаимодействии изменяется только ученик, но не учитель» [4, с. 100].

Приобретение навыков демократического диалога начинается с усвоения определенных правил и условий, при соблюдении которых диалог становится не только возможным, но и продуктивным. Необходимо понимать, что для этого, как минимум, необходим общий предмет для обсуждения, а также желание всех сторон вступать в диалог и критически относиться к мнениям других участников диалога. Важно, чтобы значения и смыслы, используемые участниками диалога, были общими для всех участников. Диалог должен проходить свободно, не должно ограничиваться число участников диалога и количество сформулированных ими точек зрения. Участники диалога, приступая к нему, должны обладать некоторыми необходимыми характеристиками, в числе которых можно назвать когнитивные комплексы (информация, знания о чем-либо); оценочные способности (мнения, суждения); прагматические соображения (способы действия, методы и ресурсы решения общей проблемы); прогностические предположения. Для успешного ведения диалога необходимо выяснить содержание всех этих составляющих, попытаться найти нечто общее, приемлемое для всех.

Стоит обратить внимание на те исходные моменты, которые могут оказать влияние на исход диалога. В этом смысле большое значение приобретают стереотипы и предрассудки, часто предопределяющие социальное поведение людей. К своего рода «врагам диалога» можно отнести мифы, стремление к упрощенным объяснительным схемам; наличие готовых объ-

яснений на все случаи жизни; незнание или нежелание применять общие правила диалога (в том числе правила логики и коммуникации); эффект «ленивого сознания» (в теории коммуникации так называют стремление к экономии интеллектуальных усилий, со стороны говорящего – мол, и так все ясно – и со стороны слушателя); нежелание или неспособность говорить на языке, понятном и близком оппоненту.

Можно выделить три типа взаимодействия участников диалога:

- ♦ обмен информацией (участники диалога обмениваются информацией, не навязывая друг другу свою точку зрения);
- ♦ соперничество (каждый из участников диалога стремится оказать решающее влияние на результаты обсуждения);
- ♦ сотрудничество (участники диалога стремятся найти решение проблемы совместными усилиями).

Если участники диалога хотят достигнуть компромисса и согласия, то они должны «начинать диалог с того, что объединяет их позиции. Слова, могущие обидеть собеседника, следует смягчить на полтона. Например, вместо того чтобы заявить «это – глупость», лучше сказать «это – неточное высказывание». Нужно избегать неоправданных преувеличений, иронии, сарказма. Желательно не затрагивать того, что дорого оппоненту (идеалы, ценности, гордость, личные склонности и т. д.). Важно не прибегать к менторскому тону, который ставит собеседника в неравную позицию. Следует как можно чаще использовать такие лексические конструкции, которые оставляют возможность продолжения дискуссии («Да но...», «Да, вы правы, но давайте посмотрим на этот вопрос с другой стороны» и т. п.) [5, с. 406–407].

Участие в диалоге позволяет видеть ту роль, которую играет мнение отдельного человека и других людей при выстраивании индивидуальных и общих стратегий поведения. При помощи диалога разрешаются конфликты, ликвидируются ложные стереотипы и достигается согласие между людьми, обладающими различным опытом. Согласно известному «принципу сочувствия», в случае иного видения мира надо мысленно встать на место оппонента и изнутри, с его помощью, как бы построить здание, которое он построил, т. е. воспроизвести весь ход аргументации. Для этого необходимо попытаться проникнуться мыслями и чувствами оппонента, хотя это не означает, что надо полностью отождествиться с ним.

Демократия – это не что иное, как способ мирного сосуществования свободных и в то же время равных индивидов. Демократический образ жизни утверждает равноправные отношения, позволяющие наладить конструктивный диалог и добиться взаимопонимания. Обретение знаний и навыков правильного диалога осуществляется в рамках гражданского образования и воспитания, нацеленного на получение целого комплекса гражданских ком-

петенций. Они дают возможность успешно адаптироваться в условиях сложной политической системы, корректно выражать и отстаивать свои личные и общественные интересы, своевременно предотвращать и разрешать общественные и межличностные конфликты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Майборода, Д. В.* Возникновение философии из духа диалогичности / Д. В. Майборода // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, 16–18 апреля 2024 г. : в 5 ч. / Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2024. – Ч. 5. – с. 247–250.
2. *Михальская, А. К.* Русский Сократ: лекция по сравнительно-исторической риторике : учеб. пособие для студентов гуманитарных факультетов / А. К. Михальская. – М. : Издат. дом «Academia», 1996. – 192 с.
3. Гражданское образование: зарубежный опыт, проблемы развития / отв. ред. А. А. Михайлов, В. А. Дунаев. – Минск : ПроPILEI, 1999. – 96 с.
4. *Майборода, Д. В.* Summa dialogica: парадигмальные характеристики диалогизма в современной философии / Д. В. Майборода. – Минск : МГЛУ, 2018. – 116 с.
5. Школа гражданского образования: сборник лекций и методических материалов / под ред. В. Ровдо и В. Чернова. – Минск, 2002. – С. 406–407.

Поступила в редакцию 16.05.2025

УДК 1-37.01(004.8)

Доброродний Данила Григорьевич

кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой общеобразовательных
дисциплин

Международный институт управления
и предпринимательства
г. Минск, Беларусь

Danila Dabrarodni

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Head of the Department
of General Education Disciplines
International Institute of Management
and Business
Minsk, Belarus
e-mail: dabrarodni@imb.by

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В статье анализируется современный этап цифровизации образования, связанный с распространением технологий искусственного интеллекта (ИИ). Автор обозначает перспективы использования ИИ в образовании, способствующие повышению доступности и индивидуализации образования, автоматизации процессов и оптимизации труда педагога. Также автор выделяет риски, связанные с использованием технологий ИИ: снижение качества образования из-за технологической зависимости, подлога и мошенничества. Отдельное внимание уделяется проблеме регулирования использования ИИ в образовании.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *цифровизация образования; искусственный интеллект в образовании; перспективы и риски; проблема регулирования ИИ.*

DIGITALIZATION OF EDUCATION AND THE PROBLEM OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

The article presents the analysis of the current stage of digitalization of education associated with the spread of artificial intelligence (AI) technologies. The author identifies the prospects for using AI in education, contributing to increased accessibility and individualization of education, automation of processes and optimization of teacher's work. The author also highlights the risks associated with the use of AI technologies: a decrease in the quality of education due to technological dependence, forgery and fraud. Particular attention is paid to the problem of regulating the use of AI in education.

K e y w o r d s: *digitalization of education; artificial intelligence in education; prospects and risks; problem of AI regulation.*

Цифровизация, или цифровая трансформация, проявляется в различных сферах образования и охватывает автоматизацию в системе управления, механизмы сбора и обработки информации, развитие дистанционного обучения, цифровой образовательной среды, внедрение блокчейн, облачных технологий и дополненной реальности [1]. В 2018 году на открытии I Меж-

дународной научно-практической конференции «Цифровая трансформация образования», организованной Министерством образования Республики Беларусь, министр образования Республики Беларусь И. В. Карпенко отмечал: «Цифровая трансформация – это важный комплексный процесс преобразований всех сфер общественной жизни под влиянием передовых технологий. Несмотря на трудности социальной адаптации, которыми сопровождаются любые масштабные изменения, нам необходимо учиться работать с такими явлениями, как искусственный интеллект, облачные технологии, большие данные, и извлекать из этого максимум пользы. Система образования стоит в основе всех инноваций, поэтому от эффективности процессов цифровизации в секторе образования напрямую зависит прогрессивное развитие современной экономики Беларуси» [2].

Министерством образования принята Концепция цифровой трансформации процессов в системе образования до 2025 года, а Концепция развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года включает раздел «Цифровизация процессов в системе образования». Выступая на круглом столе «Развитие интеллектуального потенциала цифровой трансформации Республики Беларусь» 7 апреля 2023 г. министр образования А. И. Иванец отметил, что «сегодня вопросы цифровизации – неотъемлемая часть будущего не только в системе образования, но и в целом в переформатировании всей экономической сферы» [3].

Процесс цифровой трансформации образования был значительно интенсифицирован обстоятельствами пандемии COVID-19, когда большинство учреждений образования по всему миру из-за карантинных ограничений было вынуждено использовать цифровые технологии для реализации образовательных программ в дистанционном формате. При этом дистанционные формы обучения вызывали немало недовольства среди педагогов и обучающихся, а в самом процессе цифровой трансформации было множество сложностей как объективного материально-технического характера, так и субъективного, обусловленного недостатком знаний и навыков, личными страхами и предубеждениями.

На современном этапе обозначился новый виток технологического прогресса – бурное развитие генеративных моделей искусственного интеллекта (ИИ), которые стали активно использоваться в образовательном процессе. Широкую огласку получили случай со студентом РГГУ, который написал дипломную работу при помощи ChatGPT, и история об использовании ИИ преподавателем университета Кордовы для подготовки научных публикаций.

Проблема использования ИИ в образовании обрела вполне конкретные очертания. В 2019 г. по итогам международной конференции «Искусствен-

ный интеллект и образование», проводимой под эгидой ЮНЕСКО в итоговом отчете было сформулированы «международные основы внедрения ИИ в образование по направлениям:

- а) планирование ИИ в образовательной политике;
- б) использование ИИ в процессе преподавания, в интересах расширения прав и возможностей учителей;
- в) использование ИИ в процессе обучения и для оценки успеваемости;
- г) развитие ценностей и навыков, необходимых для жизни и работы в эпоху искусственного интеллекта;
- д) использование искусственного интеллекта для предоставления возможностей обучения на протяжении всей жизни для всех и другие» [5, с. 191].

Этот документ можно считать консенсусом мирового сообщества по поводу значимости и полезности технологий ИИ, возможности с его помощью повысить качество и доступность образования.

По данным ЮНЕСКО «в странах с высоким уровнем дохода более 2/3 учащихся средних школ уже используют генеративные инструменты ИИ для подготовки школьных работ. Учителя все чаще задействуют искусственный интеллект для подготовки уроков и оценки работ учащихся. Вопросы профориентации и приема в школу, которые традиционно регулировались учителями и экспертами, также все чаще рассматриваются с помощью ИИ» [6]. При этом согласно проведенному в 2023 г. опросу среди 450 учебных заведений только 10 % школ и университетов придерживаются официальных регламентов по использованию ИИ.

Данные опросов свидетельствуют, что уже сейчас большинство обучающихся школ и университетов используют различные технологии ИИ для решения образовательных задач:

- ♦ написания эссе, рефератов, докладов, курсовых и дипломов на заданную тему;
- ♦ создания рисунков, схем, изображений и презентаций;
- ♦ формулировки ответов на вопросы по любым учебным дисциплинам;
- ♦ перевода фраз и целых текстов на разные языки;
- ♦ анализа текстов, выделения главных идей произведений, формулировки аннотаций, классификаций.

Прогресс в сфере технологий ИИ настолько стремительный, что это не могло не вызвать определенные опасения. Основной вопрос заключается в том, как регулировать использование ИИ, чтобы оно шло на пользу: «Генеративный ИИ может стать огромной возможностью для развития человечества, но он также может нанести вред и вызвать предубеждения. Он не может быть интегрирован в образование без участия общественности, а также без необходимых гарантий и регулирования со стороны правительств» [7].

Неконтролируемое и неуправляемое использование генеративных моделей ИИ со стороны обучающихся может привести к таким негативным последствиям, как:

- ♦ недостаточное понимание учебного материала при использовании сгенерированных ответов без осознания их смыслового содержания;
- ♦ нарушение этических норм, связанное с попытками выдать результат работы ИИ за собственный;
- ♦ зависимость от технологии, которая не позволяет обучающимся развивать свое логическое и критическое мышление, языковые навыки;
- ♦ нарушение конфиденциальности и безопасности обучающихся при введении в системы ИИ персональных данных.

Однако эти риски не должны провоцировать прямой запрет на использование технологий ИИ в образовании. Страх перед новыми технологиями является разновидностью типичного для человека страха перед новым и неизвестным, хотя именно инновационные технологии обеспечили прогресс современной цивилизации, в том числе прогресс в сфере науки и образования. Некоторые эксперты считают, что ИИ «обладает потенциалом для ускорения процесса достижения глобальных целей в области образования посредством снижения барьеров для доступа к обучению, автоматизации процессов управления и оптимизации методов для улучшения результатов обучения» [8]. Основатель компании Microsoft, которая является одним из флагманов разработки технологий ИИ, Билл Гейтс считает создание систем ИИ столь же значимым событием, как создание микропроцессора, персонального компьютера, Интернета и мобильного телефона [9]. Он считает, что ИИ поможет решить застарелые проблемы человечества, связанные с глобальным неравенством, экологическим кризисом, доступом к здравоохранению и многие другие. В сфере образования, по мнению Б. Гейтса, ИИ должен произвести эффект больший, чем персональные компьютеры, поскольку сможет адаптировать учебный процесс под каждого ученика, его уровень знаний и способностей, интересы и индивидуальный график учебного процесса. Индивидуальный подход и мгновенная обратная связь – это то, чего так не хватает ученику из-за перегруженности учителя. Б. Гейтс верит, что ИИ никогда не заменит учителя, но сможет помочь преодолеть неравенство в доступе к качественному образованию.

Взаимодействие обучающегося с ИИ следует рассматривать с точки зрения формирования актуального навыка по использованию в профессиональной деятельности самых передовых информационных технологий, что может быть высоко оценено потенциальными работодателями. Педагогическому сообществу нашей страны и обществу в целом необходимо как можно скорее выработать принципы регулирования по отношению к использо-

ванию технологий ИИ в образовании, применяя передовой международный опыт. В 2021 г. ЮНЕСКО были опубликованы рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта [10]. В основу рекомендаций были заложены 4 основные ценности, которые определяют приоритеты в использовании систем ИИ на благо человечества в целом, отдельных лиц и окружающей среды:

- 1) уважение, защита и поощрение прав человека, основных свобод и человеческого достоинства;
- 2) жизнь в мирных, справедливых, взаимосвязанных обществах;
- 3) обеспечение разнообразия и инклюзивности;
- 4) процветание окружающей среды и экосистемы.

Помимо базовых ценностей документ содержит следующие принципы: «не навреди», безопасность и защита, справедливость и недискриминация, устойчивость, конфиденциальность, человеческий надзор, прозрачность и объяснимость, ответственность и подотчетность, осведомленность и грамотность, многостороннее и адаптивное управление и сотрудничество [Там же, р. 17–23].

В 2023 г. было опубликовано «Руководство по использованию генеративного искусственного интеллекта в образовании и научных исследованиях» [11], которое ориентировалось непосредственно на решение проблем в сфере образования. В руководстве дается определение генеративного ИИ как «технологии, которая автоматически создает контент в ответ на запросы, формулируемые в диалоговых интерфейсах на естественном языке» [Там же, с. 9], описывается, как работают различные модели ИИ, как эффективно ими пользоваться. Интересной является инициатива по разработке EdGPT (от англ. *education* – образование), т. е. модели ИИ, созданной на основе базовой модели, но прошедшей обучение на конкретных данных для образовательных целей.

Далее в руководстве рассматриваются проблемы и риски, связанные с использованием ИИ в образовании: углубление цифрового разрыва, отставание национальных средств регулирования, использование контента без согласия владельцев данных, необъяснимость и непредсказуемость результатов работы ИИ, «загрязнение» контента сети, недостаточное понимание ИИ реального мира и галлюцинации, ограничение разнообразия мнений и дальнейшая маргинализация голосов, создание более реалистичных дипфейков.

Главный посыл документа такой: чтобы разрешить противоречия вокруг генеративного ИИ и использовать потенциальные преимущества генеративного ИИ в образовании, его необходимо регулировать. Регулирование использования ИИ в образовании требует ряда шагов, основанных на «человеко-ориентированном» подходе. Первый шаг связан с утверждением на-

циональных норм защиты данных (Закон Республики Беларусь «О защите персональных данных» принят в 2021 г.). Второй шаг направлен на пересмотр финансирования государственных программ в области ИИ и принятие национальной стратегии в области ИИ. Это позволит систематизировать разработки в данной области и усилить контроль. Третий шаг предполагает утверждение и внедрение этики ИИ. Шаги 4 и 5 ориентированы на изменение законодательства об авторском праве, чтобы регулировать контент, созданный искусственным интеллектом, а также принятие специальных законов о генеративном ИИ. Например, в июле 2023 г. в Китае были приняты конкретные предписания относительно использования генеративного ИИ. Шаг 6 предполагает наращивание потенциала для правильного использования генеративного ИИ в образовании и исследованиях. Необходимо обучать не только школьников и студентов, но и учителей, преподавателей и исследователей, правильно использовать потенциал ИИ, чтобы максимально реализовать собственный потенциал и избежать негативных последствий. Шаг 7 связан с необходимостью анализа долгосрочных перспектив использования ИИ. Необходимы общественные обсуждения, экспертный анализ, политические дискуссии о возможных последствиях применения ИИ.

Безусловно, процесс регулирования использования ИИ должен носить системный и институциональный характер. Это предполагает создание межведомственных комиссий, государственных регуляторов и контролирующих органов, системы мониторинга и многое другое. Необходимо развивать навыки по использованию ИИ у обучающихся и преподавателей, сформулировать методические рекомендации по использованию ИИ, обеспечить защиту труда преподавателей и систему мотивации для студентов, поощряющую самостоятельное и творческое обучение.

В качестве примера комплексного характера проблем в области регулирования использования ИИ можно привести одну из самых острых проблем в образовании на данный момент – новую форму плагиата, когда школьники или студенты выдают результат работы ИИ за собственный. Любые технические способы решения этой проблемы имеют временный и малоэффективный характер. Универсальной стратегией является поддержка академической честности и усиление ответственности путем более тщательного контроля, что требует комплексной работы на всех уровнях системы образования, начиная со школы. Долгосрочной стратегией является пересмотр структуры заданий в направлении исключения тех видов, которые могут быть выполнены генеративным ИИ, изменение подходов к обучению в направлении увеличения доли непосредственного взаимодействия преподавателя и студента.

Таким образом, у применения технологий ИИ в образовательном процессе широкие перспективы, способствующие повышению доступности и

индивидуализации образования, автоматизации процессов и оптимизации труда педагога. Навыки работы с ИИ являются важными компетенциями будущих специалистов с точки зрения работодателей. Студенты и преподаватели уже пользуются возможностями ИИ, но эта сфера практически никак не регулируется на данный момент. В связи с этим существуют высокие риски, связанные с использованием технологий ИИ, существует опасность снижения качества образования из-за технологической зависимости, подлога, мошенничества и других негативных последствий неконтролируемого и неуправляемого использования технологий ИИ. В связи с этим существует необходимость разработки национальной стратегии в отношении ИИ, в том числе регламентирующей использование ИИ в сфере образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Добродородний, Д. Г.* Использование технологий искусственного интеллекта как новый этап цифровизации образования: перспективы и риски / Д. Г. Добродородний // Выш. шк. – 2024. – № 2 (160). – С. 18–22.
2. *Карпенко, И. В.* Приветственное слово // Цифровая трансформация образования: II Международная научно-практическая конференция. – URL: <http://dtconf.unibel.by> (дата обращения: 17.01.2024).
3. *Иванец*: цифровизация – неотъемлемая часть экономики и системы образования // Белта. – URL: <https://www.belta.by/society/view/ivanets-tsifrovizatsija-neotjemlemaja-chast-ekonomiki-i-sistemy-obrazovaniya-490817-2022/> (дата обращения: 17.01.2024).
4. One of the world's most cited scientists, Rafael Luque, suspended without pay for 13 years // EL PAÍS. – URL: <https://english.elpais.com/science-tech/2023-04-02/one-of-the-worlds-most-cited-scientists-rafael-luque-suspended-without-pay-for-13-years.html> (дата обращения: 17.01.2024).
5. *Щукина, Т. В.* Цифровая среда обучения и искусственный интеллект в системе высшего образования в условиях экспорта образования // Материалы XIII междунар. науч.-практ. конф. «Наука. Информатизация. Технологии. Образование» / Рос. гос. профессионально-педагог. ун-т. – Екатеринбург, 2020. – с. 186–197.
6. UNESCO survey: Less than 10% of schools and universities have formal guidance on AI / Сайт UNESCO. – URL: <https://www.unesco.org/en/articles/unesco-survey-less-10-schools-and-universities-have-formal-guidance-ai> (дата обращения: 14.03.2025).
7. Правительства должны незамедлительно регламентировать использование генеративного ИИ в школах / Сайт UNESCO. – URL: <https://www.unesco.org/ru/articles/yunesko-pravitelstva-dolzny-nezamedlitelno-reglamentirovat-ispolzovanie-generativnogo-ii-v-shkolakh> (дата обращения: 14.03.2025).
8. Как искусственный интеллект может улучшить образование? // Сайт ЮНЕСКО. – URL: <https://www.unesco.org/ru/articles/kak-iskusstvennyy-intellekt-mozhet-uluchshit-obrazovanie> (дата обращения: 17.01.2024).

9. Bill Gates. The Age of AI has begun. Artificial intelligence is as revolutionary as mobile phones and the Internet // The Gates Notes LLC. – URL: https://www.gatesnotes.com/The-Age-of-AI-Has-Begun?WT.mc_id=20230321100000_Artificial-Intelligence_BG-TW_&WT.tsrc=BGTW (дата обращения: 10.04.2023).
10. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (дата обращения: 14.03.2025).
11. Руководство по использованию генеративного искусственного интеллекта в образовании и научных исследованиях. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000389639> (дата обращения: 14.03.2025).

Поступила в редакцию 19.05.2025

УДК 323.17, 341.218

Ковалёва Ирина Валерьевна

кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры истории и социальных наук
Минский государственный лингвистический
университет
г. Минск, Беларусь

Iryna Kavaliova

PhD in Political Science, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of History and Social Sciences
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
e-mail: iryna.kavaliova21@gmail.com

ПРАВО НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье рассмотрена эволюция понимания в политической науке понятия *право на самоопределение*. В течение долгого периода времени данное право закреплялось за народом, не имеющим собственной государственности, и на его основании происходило образование независимых государств после Первой и Второй мировых войн, в период распада колониальной системы и роспуска федераций эпохи социализма (СССР, СФРЮ, ЧССР). В отношении иных субъектов применялось право меньшинств на культурную, языковую, религиозную и иную самоидентификацию, и система международного права совершенствовалась именно в направлении обеспечения прав меньшинств при сохранении территориальной целостности государств. В последние десятилетия изменение ситуации в мировом политическом пространстве требует дополнительного научного осмысления понятия *право на самоопределение*.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *право на самоопределение; народ; меньшинства; национальные меньшинства; коренные народы; сепарация; идентичность.*

THE RIGHT TO SELF-DETERMINATION: THE CONTEMPORARY STATE OF THE PROBLEM

The article examines the evolution of understanding of the concept of “the right to self-determination” in political science. For a long period of time, this right was assigned to people who did not have their own statehood, and on its basis, independent states were formed after the First and Second World Wars, during the collapse of the colonial system and the dissolution of the federations of the socialist era (USSR, Yugoslavia, Czechoslovakia). In relation to other subjects, the right of minorities to cultural, linguistic, religious and other self-identification was applied - and the system of international law was improved precisely in the direction of ensuring the rights of minorities while maintaining the territorial integrity of states. In recent decades, the changing situation in the global political space requires additional scientific understanding of the concept of “the right to self-determination”.

Key words: *right to self-determination; people; minorities; national minorities; indigenous peoples; secession; identity.*

Политическое развитие XXI столетия не устранило одно из сложнейших противоречий века предыдущего – между тенденцией к общемировой

интеграции и тенденцией к национальному обособлению. Формами проявления данного противоречия стали этнонациональные конфликты как межгосударственные, так и внутри отдельных государств; политическими последствиями – войны и пересмотры государственных границ, а социальными – гражданские конфликты и потоки беженцев.

Мир и международная безопасность оказались в зависимости от решения этнических проблем, потому от международных организаций, заинтересованных сторон и государств-мировых лидеров, а также ученых требуется выработка подходов в целях уравнивания интересов всех сторон этнических конфликтов на основе прозрачного понимания принципов самоопределения и построения соответствующей архитектуры безопасности, отвечающей принципам международного права.

Исторически именно ведущие государства и международные организации способствовали урегулированию подобных конфликтов: так, в результате согласованной политики коалиции великих держав была создана возможность самоопределения народов Центральной, Восточной и Южной Европы в период распада империй после первой мировой войны; на основе уставных документов, резолюций и деклараций ООН происходили демонтаж колониальной системы и обретение независимости многими странами Африки и Азии; международные договоренности способствовали пониманию, закреплению в четкие формы и реализации политики автономии национальных меньшинств в относительно недавний период; на основе Заключительного Акта Соперования по безопасности и сотрудничеству в Европе в основном произошло становление постсоциалистических государств после роспуска федераций – СССР, ЧССР и СФРЮ.

Для эффективной реализации права на самоопределение в сегодняшних условиях необходимо четкое понимание двух вопросов: во-первых, кто имеет право на самоопределение, во-вторых, что следует понимать под самоопределением – автономию в различных формах, создание независимого государства или право смены государственной юрисдикции? Именно отсутствие нормативно определенных критериев надлежащего субъекта права на самоопределение и является основной политико-правовой проблемой, сохраняющей неопределенность в анализируемом вопросе.

Целью статьи является анализ краткой истории и современного состояния дискуссий по вопросу о праве на самоопределение.

На раннем этапе развития политической науки право на самоопределение народа трактовалось не как этнический, а как политический феномен в рамках концепции политического либерализма, берущей истоки у Дж. Локка, считавшего, что сложившаяся политическая система представляет собой результат добровольного делегирования гражданами определенных прав го-

сударству в обмен на предоставление гарантий свободы, неприкосновенности личности и собственности. В случае, когда «тот, кто обладает верховной исполнительной властью, пренебрегает своими обязанностями», происходит распад системы правления, народ «волен сам позаботиться о себе», поскольку общество не может утратить «природное и первоначальное право на самосохранение» [1, с. 440–441]. Именно эта политическая философия стала основой как буржуазных революций в самой Англии и Франции, так и создания США как отдельного государства.

В Центральной, Восточной и Южной Европе на политический процесс накладывало отпечаток существование этнических меньшинств в четырех империях. Понимание нации в этом регионе получило больше этнический, чем гражданский оттенок как по причине формирования национальных идентичностей, так и по причине целенаправленного принижения значимости политических и гражданских свобод граждан монархическими режимами. Концепция самоопределения в этих условиях поначалу трактовалась как право членов нации на культурно-языковое обособление, а позже и как право на единство наций, что особенно было актуально для этносов, разделенных государственными границами (поляков, украинцев, др.). После первой мировой войны концепция права наций на самоопределение реализовалась в форме создания в Европе целого ряда национальных государств, и одной из базовых идей подобного развития событий была установка «великих держав» на предотвращение будущих конфликтов на континенте. Процесс реализации права наций на самоопределение осуществлялся именно на основе воли «великих держав» и не был определен какими-либо нормами международного права. Лишь Устав Лиги наций включил в себя пункт 22 о возможном создании национальных государств в колониях и на территориях, вышедших из-под суверенитета государств, ранее ими управлявших, на момент создания Лиги считалось, что большинство неевропейских народов не способны к самостоятельному управлению, и эта функция была возложена на «передовые нации» через предоставление мандата на управление.

Закрепление права на самоопределение произошло в Уставе ООН: первая статья провозглашает принцип равноправия и самоопределения народов. И хотя две державы-победительницы – Великобритания и Франция – настаивали на своем праве определять форму и сроки реализации указанного права для своих колоний, да и США скорректировали свое понимание самоопределения, именно на этот принцип опирался весь процесс деколонизации 1950–1970-х годов.

Вместе с тем, закрепив право на самоопределение, ООН четко не определила субъекты самоопределения и условия реализации данного права. Кроме того, принцип самоопределения вступает в противоречие с другим

принципом ООН – уважения суверенитета государств, их территориальной целостности. Поэтому дальнейшее развитие системы международных политико-правовых взаимоотношений требовало конкретизации понятий.

Относительно соотношения конкурирующих принципов возможны три подхода [2]. Принятие в качестве приоритетного принципа территориальной целостности ведет к тому, что право на самоопределение какой-то части государственного образования без согласия всего народа (населения) страны отвергается. Принятие в качестве приоритетного права наций на самоопределение неизбежно ведет к признанию и права на отделение. Наконец, признание равенства данных принципов влечет за собой необходимость поиска формы реализации права на самоопределение внутри государственного формирования (т. е. экономическое, социальное, культурное самоопределение) в сочетании с безусловным обязательством государственной власти содействовать данному праву [3]. Декларация о принципах международного права, принятая резолюцией ООН № 2625 от 24.10.1970 г. [4], конституирует недопустимость «нарушения территориальной целостности суверенных и независимых государств, имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания весь народ (в английском варианте *whole people* – И. К.), проживающий на данной территории».

Значительным этапом развития системы стало принятие в 1966 году Международного Пакта о гражданских и политических правах, первая статья которого декларирует: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие». Однако и в этом документе не содержится никаких объяснений, что же понимается под термином *народ*, и ключевой проблемой политической науки применительно к праву на самоопределение становится идентификация понятия *народ* [5]. Например, Индия, ратифицируя Пакт, сделала оговорку о том, что слова «право на самоопределение <...> касаются только народов, находящихся под иностранным господством, эти слова не относятся к суверенным независимым государствам или к той части народа или нации, которая составляет суть национальной целостности...» [6].

Общепризнанные критерии понятия *народ* не выработаны до сих пор, поэтому вопрос о том, является ли народом то или иное образование в смысле принципа на самоопределение, предлагается решать в каждом конкретном случае. Нам представляется, что приемлемые критерии были сформулированы в итоговом докладе международной встречи экспертов ЮНЕСКО 27-30.11.1989 г. [7; 8]. Во-первых, народ должен обладать объективными чертами, обуславливающими идентичность: общие исторические традиции, этническая идентичность, языковое единство, культурная гомогенность, религиозная и идеологическая близость, единство территории и общее хо-

заявленное пространство. Во-вторых, стремление быть идентифицированными как народ должно проявляться через социальные институты. Наконец, дополнительным критерием выделяют наличие достаточной численности народа, которая дает возможность политической самоорганизации.

На основании описанных критериев вполне могут быть идентифицированы народы, однако следует ли из этого, что каждый из народов имеет право на политическое самоопределение? В политической науке до недавнего времени существовало устоявшееся конвенциональное мнение, что проживающая на территории другого государства часть народа, уже реализовавшего право на самоопределение, т. е. имеющего собственную государственность, не может претендовать на создание второго национального государства или отделение в целях присоединения к государству-прародине, а должна получать статус национального меньшинства со всеми следующими из этого политико-правового статуса правами. Юридическая практика также придерживалась аналогичной позиции: так, Арбитражная комиссия мирной конференции по Югославии отказала сербскому населению Хорватии и Боснии и Герцеговины в праве на самоопределение. В докладе ООН по проблеме мнение формулировалось следующим образом: «Какие бы испытания ни выпадали на долю меньшинств, они должны попытаться найти справедливость в границах существующих государств и примириться с ними. Поскольку самоопределение в смысле независимости не является правом меньшинств, они должны обращаться <...> к индивидуальным правам человека» [9, с. 188].

В соответствии с Декларацией ООН «О правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам» 2002 года индивидуальные права человека должны сочетаться с коллективными правами меньшинств. Данные группы прав различны по своей природе: индивидуальные представляют собой естественные права, которыми обладают в равной степени все граждане и нарушение которых деформирует развитие общества; коллективные формируются по мере становления общности, не могут быть представлены как сумма индивидуальных прав и нацелены на недопущение дискриминации, на сохранение этнических, языковых, культурных, религиозных особенностей [10]. И хотя в Докладе Совету по правам человека в 2024 году специальный докладчик по вопросам меньшинств Н. Левра констатировал признание со стороны ООН невыполнения намеченных Декларацией 1992 года [11] целей, во многих европейских странах было достигнуто удачное сочетание соблюдения индивидуальных прав человека и интересов национальных меньшинств (в формулировке докладчика – «права на самоопределение») [12]. Практически в каждой стране государство финансирует культурные мероприятия меньшинств. Примерами удачной языковой политики для организации образования меньшинств являются Испания (баски и каталонцы), Италия (немцы в Южном Тиро-

ле), Австрия (венгры, хорваты, словенцы), Финляндия (шведы и саамы). В последнем случае на шведском языке организованы и университетские программы высшего образования. В Южном Тироле на двух языках организовано государственное управление, в Финляндии существуют выборные Шведская народная ассамблея и Саамский парламент, которые вправе инициировать все вопросы, касающиеся прав меньшинств, на общегосударственном уровне [10].

Безусловное право на самоопределение закреплялось ООН за не имеющими собственной государственности коренными народами после принятия в 2007 году Декларации о правах коренных народов [13]. Критерий отнесения народа к коренному заложен Конвенцией ООН 1989 года: так, описываются потомки народов, заселявших территорию в период ее колонизации или завоевания, при условии сохранения культурных традиций или даже политических институтов. В этом смысле народы, не проживающие на исконной территории расселения предков, должны быть отнесены к национальным меньшинствам. Важно, что Декларация 2007 года в качестве основной формы самоопределения предусматривает внутреннюю автономию в пределах существующих государственных границ, хотя и декларирует право народа устанавливать свой политический статус. Наибольший практический и научный интерес в вопросе самоопределения коренных народов представляет развитие событий в регионах Датского королевства – Гренландии и Фарерских островах, где не только обеспечена культурно-образовательная автономия (в обоих административных единицах функционируют университеты на местных языках), но и автономия политическая с представительскими и исполнительными органами власти, обеспечивающими весь спектр развития регионов, оставляя за центральной властью лишь конституционные вопросы, национальную оборону, иностранные дела и монетарное регулирование.

В соответствии с процессом совершенствования защиты прав меньшинств и коренных народов происходило осмысление *права на самоопределение* в политической науке: сокращался круг обладателей «субъектности» права на самоопределение. Отечественная наука продолжает оставаться в рамках мировых тенденций данного направления [3; 8], в то время как в российской науке наблюдаются изменения, объяснить которые едва ли можно чем-то, кроме как изменением политической конъюнктуры и необходимостью оправдания конкретных политических действий. В 1990-х – начале 2000-х годов при развитии центробежных тенденций представители научного сообщества всячески обосновывали необходимость сохранения традиции СССР – обеспечения самоопределения посредством создания национальных политических автономий для крупных этносов

без права сецессии: «вряд ли целесообразно и оправданно ставить вопрос так, что национальные меньшинства государств-членов СНГ имеют право на отделение в соответствии с правом самоопределения» [14]; «отход Рамочной конвенции [15] от принципа приоритета личностного права в пользу права не устанавливаемого в принципе субъекта является ошибочным, и это положение должно быть исправлено» [16]. Однако после решения внутренних проблем риторика изменилась: в вопросе критериев определения народа этнический подход сменился на общенародонаселенческий, в качестве одного из основополагающих признаков легитимности сецессии признается нравственная категория «справедливости» [7]; понятие *самоопределение народа* призывается заменить «территориальным», «культурно-территориальным», предоставляя право самоопределения вплоть до сецессии группе людей на основании «...осознания ими своих потребностей и интересов, а также этнической, культурной, расовой, языковой и религиозной особенности...» [17, с. 27]. При доведении подобного подхода до логического завершения можно ожидать требования создания отдельного государства религиозной сектой, компактно поселившейся в определенной местности для получения большинства при проведении референдума о независимости и сецессии.

Еще одним направлением обоснования права на отделение стала ремедиальная (правозащитная) сецессия. По устоявшемуся в политической науке взгляду правом на нее обладают народы и меньшинства, в отношении которых должным образом не осуществляется защита их прав. Однако изначально основанием правозащитной сецессии считалось осуществление геноцида или «серьёзная несправедливость», влекущая за собой угрозу выживания, тогда право на отделение выступает «средством последней инстанции» для данной группы [18]. Замена фактического геноцида несоблюдением прав, которое потенциально может привести к потере группой собственной уникальности, позволила расширить применение обоснования ремедиальной сецессии на случаи, которые под него явно не подпадают.

Как бы то ни было, ни один международный институт не принял до настоящего времени ни одного документа, который предоставлял бы тому или иному субъекту безоговорочное право на самоопределение в форме сецессии, а потому в целях обеспечения международной безопасности и стабильности целесообразно вернуться в парадигму поиска обеспечения прав меньшинств и поддерживать право на отделение в случае согласия на это государства, в рамках которого существует данное меньшинство, как это происходит с Шотландией в составе Соединённого королевства.

Принцип права народов на самоопределение является одним из наиболее сложных концептов как в политической науке, так и в системе международного права по двум основным причинам: во-первых, оно вступает

в противоречие с другим основополагающим принципом – суверенитета и территориальной целостности государств; во-вторых, из-за сложности формулировки критериев субъекта права на самоопределение. На основании проведенного анализа мы полагаем, что народ как социальная общность должен обладать объективно специфическими характеристиками и высказывать стремление к самоидентификации. При этом мы отвергаем расширительную трактовку субъекта права и считаем, что право на самоопределение в политической форме, включая право на сецессию, может иметь только народ, до сих пор не реализовавший подобного права. В остальных случаях речь идет о части народа, проживающего за рамками собственного государственно-территориального образования; этнической общности, не достигшей стадии самоидентификации; народе, не высказывающем желания выделяться в качестве отдельного политического образования; любой иной группе (языковой, религиозной), которые получают статус национального / религиозного / языкового меньшинства в стране проживания, и власти должны обеспечивать все соответствующие права меньшинств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк. – Москва ; Челябинск : Социум, 2014. – 494 с.
2. Тодуа, Я. А. Концептуальные подходы к пониманию права наций на самоопределение / Я. А. Тодуа // Юридический вестник РГЭУ. – 2023. – № 4. – С. 44–48.
3. Ковалёва, И. В. Национальные меньшинства и право на самоопределение / И. В. Ковалёва // Право и демократия : сб. науч. тр. – Минск ; БГУ, 2002. – Вып. 12. – С. 8–16.
4. Декларация о принципах международного права, принятая резолюцией ООН № 2625 от 24.10.1970 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 15.04.2025).
5. Ачкасов, В. А. Реализация права на национальное самоопределение: кто решает? / В. А. Ачкасов // Власть и элиты. – 2023. – Т. 10. – № 2. – С. 5–23.
6. Журек, О. Н. Самоопределение народов в международном праве / О. Н. Журек // Советское государство и право. – 1990. – № 10. – С. 98–107.
7. Каграманов, А. К. К проекту Декларации о праве народов на самоопределение и формах его реализации / А. К. Каграманов // Моск. журнал международного права. – 2002. – № 2. – С. 101–114.
8. Чернышова, В. М. К вопросу о квалификации меньшинств как народа применительно к праву на самоопределение / В. М. Чернышова // Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений : сб. науч. ст. / Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь в Центре правовых исследований. – 2022. – Вып. 4. – С. 442–453.

9. Этничность и власть в полиэтничных государствах: материалы междунар. конф., Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая ; под. ред. В. А. Тишкова. – М. : Наука, 1994. – 313 с.
10. Ковалёва, И. В. Коллективные права национальных меньшинств / И. В. Ковалёва // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3. Гісторыя, Філасофія, Псіхалогія, Паліталогія, Сацыялогія, Эканоміка, Права. – 2002. – № 2. – С. 67–72.
11. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам : принята резолюцией 47/135 Генер. Ассамблеи от 18 дек. 1992 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml (дата обращения: 15.04.2025).
12. Левра, Н. Поощрение разнообразия в вопросах меньшинств: для укрепления универсального характера прав человека: Доклад Специального докладчика по вопросам меньшинств Генер. Ассамблее ООН, 6 февр. 2024 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4038666?ln=ru&v=pdf> (дата обращения: 15.04.2025).
13. Декларация о правах коренных народов : принята резолюцией 61/295 Генер. Ассамблеи от 13 сент. 2007 г. // Организация Объединенных Наций – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 15.04.2025).
14. Блищенко, И. П. Права национальных меньшинств в свете мирового опыта / И. П. Блищенко, А. Х. Абашидзе // Общественные науки и современность. – 1992. – № 4. – С. 125–126.
15. Рамочная конвенция о защите прав национальных меньшинств : принята Советом Европы 1 февр. 1995 г. // Совет Европы. – URL: <http://conventions.coe.int/treaty/rus/treaties/html/157.htm> (дата обращения: 15.04.2025).
16. Тишков, В. А. Что есть «национальные меньшинства»? (Меняющийся мир и меняющиеся рамки конвенции) / В. А. Тишков // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 2002. – № 46. – URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/chto_est_n.html (дата обращения: 15.04.2025).
17. Чешко, С. В. О ревизии права на самоопределение / С. В. Чешко // Вестник антропологии. – 2018. – № 3 (43). – С. 24–30.
18. Buchanan, A. Theories of Secession / A. Buchanan // Philosophy and Public Affairs. – 1997. – Vol. 26. – No. 1. – P. 31–61.

Поступила в редакцию 12.05.2025

УДК 101.1

Майборода Дмитрий Владимирович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и социальных
наук
Минский государственный лингвистический
университет
г. Минск, Беларусь

Dmitrij Maiboroda

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of History and Social sciences
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
e-mail: mmddvv_1@mail.ru

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЕМИНАРА ПО ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ФИЛОСОФИЯ» В УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ БЕЛАРУСИ

Организация преподавания философии должна ориентироваться прежде всего на философскую задачу рационализации и информации в интересах человечества. Это требует использования методик, акцентирующих диалогический и исследовательский аспект образования. Наиболее адекватная методика – майевтика, она требует предварительного освоения автомайевтики, выработки простых и ясных инструкций, по возможности использования самоорганизации. Также важны выбор исходного тезиса, вида майевтики (учитывая, что исследовательская более соответствует цели философии) и стратегия построения цепочки вопросов. Отдельное внимание нужно уделять формированию навыков анализа майевтики, например, по схеме «ясность – критичность – открытие – вопросительность».

К л ю ч е в ы е с л о в а: философия; преподавание философии; майевтика.

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE DIALOGICAL ORGANIZATION OF THE SEMINAR ON PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY IN THE STRUCTURE OF MODERN TEACHING OF THE DISCIPLINE “PHILOSOPHY” IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF BELARUS

The organization of teaching philosophy should be oriented first of all towards the philosophical task of rationalizing interests and information in the interests of humanity. This requires the use of methods that emphasize the dialogic and research aspect of education. The most adequate method is maieutics, it requires preliminary mastering of automaieutics, development of simple and clear instructions, and, if possible, the use of self-organization, including in the choice of the initial thesis, the type of maieutics (considering that the research one is more consistent with the goal of philosophy) and a strategy for constructing a chain of questions. Special attention should be paid to the formation of skills for analyzing maieutics, for example, according to the scheme “clarity – criticality – discovery – questioning”.

Key words: philosophy; teaching philosophy; maieutics.

Педагогика философии не должна игнорировать философский аспект как базовый, поскольку это провоцирует возможность придания статуса основы каким-то иным аспектам этой организации, которые могут подменить философию тем или иным ее «двойником». Нередко такой «двойник» – это система взглядов, отражающих интересы ортодоксии, в том числе система канцеляритов, – выхолощенных стереотипов, отражающих специфику бюрократического мировоззрения. Опасность этой подмены, конечно, не означает, что нужно исключить все другие аспекты организации преподавания философии, кроме собственно философского, но что этим другим аспектам следует придать адекватный статус.

Задача избежать этой подмены особенно сложна благодаря неопределенности и многовариантности самой философии, – в условиях ограниченности ресурсов управляющие институты системы образования неминуемо предпочитают этому конкретные и определенные своды информации, эффективность передачи которых легче отслеживать более простыми методами. Вместе с тем неопределенность философии не стоит переоценивать, поскольку, например, она не означает приемлемости каких угодно интересов как ценностей или любой информации как знания (следует отметить, что такая неопределенность в большей степени свойственна как раз «бюрократическому разуму»). Философия по большей мере определена и последовательна в следовании идее, что лишь рационализация интересов и информации в интересах человечества формирует из них действительные ценности и знания (разумеется, эта идея плохо соотносится с ложными образами философии, порожденными в том числе нечеткостью естественного языка, в котором «философией» может называться и мировоззрение, и идеология, и просто размышления). Существенно разнятся способы самой этой рационализации, что также не является случайным, – философия осмысливает основы мировоззрения самого сложного и тем самого адаптивного живого существа в мире.

Этот взгляд находит прямое отражение в программировании преподавания философии в учреждениях высшего образования в Беларуси сегодня. В частности, типовая учебная программа по философии (которая с 2022 года является канонем для программ конкретных университетов) декларирует, что важнейшая цель преподавания философии – «формирование у обучающегося современного мировоззрения и интегрального видения мира, базирующегося на гуманистических идеях и принципах деятельности» [1, с. 3]. В учебном пособии «Философия» под редакцией А. С. Лаптенка, бывшем в 2023 – начале 2024 гг. основным ориентиром для содержательного преподавания философии в университетах Беларуси, утверждалось, что «фило-

софское знание стимулирует активность самого человека в овладении совокупным духовным опытом человечества, связанным с гуманистическим вектором его развития» [2, с. 6]. Заступившее на его место учебное пособие «Философия» под редакцией О. А. Романова также следует этой линии: «Цель философии – формирование теоретически обогащённых умов, способных к критическому творческому прочтению окружающей действительности, постановке и анализу сложных вопросов, поиску самостоятельного ответа на важнейшие проблемы человеческого бытия» [3, с. 5]. В более общем смысле эта тенденция выражается в том, что основным вопросом философии академические интеллектуалы начинают определять не проблему первичности материального или идеального и не задачу выявления наиболее общих законов всех видов бытия (что было свойственно периоду доминирования в образовании марксистской диалектики), а вопрос смысла жизни.

Это, безусловно, не новация, а продолжение традиции. И традиции не только неклассической и постнеклассической философии, маркируемых как антропологический поворот. Идея, что суть философии – в постижении человеком самого себя и своего назначения отчетливо проявлялась и ранее. Известно рассуждение Канта: «Сферу философии в этом всемирно-гражданском значении можно подвести под следующие вопросы: “Что я могу знать?”, “Что я должен делать?”, “На что я могу надеяться?”, “Что такое человек?”. На первый вопрос отвечает метафизика, на второй – мораль, на третий – религия и на четвертый – антропология. Но, в сущности, все это можно было бы свести к антропологии, ибо три первых вопроса относятся к последнему» [4, с. 5]. Но более корректно главный вопрос философии в кантовском смысле лучше было бы сформулировать так: «Каким нужно быть, чтобы быть Человеком?». «Человек с большой буквы» – не просто «один из людей». Философская антропология, которая выступает сутью философии, совсем не то же самое, что биологическая и даже культурная или социальная антропология, которые интенсивно развивались в период после Канта. Вопрос «Кто такой Человек?» – поиск тех возможностей, которые преодолевают безмыслие, безнравственность и безнадежность, свойственную обыденному человеческому бытию. То есть это – путь открытия подлинных знания, морали и гармонии мира или, как это называлось в платонизме, Истины, Добра и Красоты.

В принципе то же самое выражалось в античной апофегме «Познай себя!», которую Сократ сделал девизом своей философии. Ее следовало бы читать как «Стань Собой!», поскольку речь в ней идет не о принятии индивидуальной данности, а о совершенствовании в заданности (осуществлении наилучшего варианта своего развития). В частности, перед человеком стоит

задача стремиться к мудрости, а не ограничиваться расхожими мнениями, также человек должен учить себя поступать правильно, а не так, как просто принято или хочется поступать. Такая мудрая жизнь не только счастлива сама по себе, но позволяет надеяться на благую посмертную судьбу (по известной сократовской дилемме не следует бояться смерти, потому что либо она подобна глубокому сну, и тогда она – не зло, либо она – переход в другой мир, где хороший человек в отличие от дурного получает достойное место, что тоже благо). Это вполне излечивает человека от отчаяния, овладевающего иными людьми при осознании своей конечности.

Эту же гуманистическую тенденцию можно обнаружить и в восточной мысли, хоть и в особом виде. Когда Конфуций и даршаны индуизма и буддизма призывают быть благородными людьми в отличие от низких людей, то они также ориентируют на совершенствование в области знания, поведения и объединения этих аспектов жизни человека. Другое дело, что образы этого совершенствования и тем более рецепция этих образов благородства в повседневной культуре индуистских и буддийских обществ далеко не всегда адекватна (идея совершенствования подменялась идеей совершенства, которое приобретается по рождению или по воспитанию, поскольку в восточных культурах не было идеи, совершенно аналогичной идее философии, т. е. осознания необходимости ниспровержения ложных образов мудрости и поиска истинных). Следует также вспомнить, что Конфуций вообще напрямую говорил, что суть его философии – человеколюбие, воплощаемое принципом «не делай другим того, чего не хочешь, чтобы делали тебе».

Итак, если именно стремление стать Человеком рассматривать как основную цель философии и более конкретно изучения философской антропологии, то преподавание не должно ориентироваться на простое зазубривание различных взглядов. Это не значит, что следует избегать информации о разнообразии концепций, но следует особым образом выстроить систему переработки этой информации обучающимися. Среди всех методик организации при этом выигрывают те, в которых особо заострены диалогическая и исследовательская составляющие, поскольку они позволяют более глубоко освоить философскую рефлексию, а не только необходимое содержание. Со времен Сократа наиболее адекватной для этой цели выступала майевтика, – метод требовательный, фактически это – особое искусство рассуждения (во времена античной классики и вплоть до Гегеля адекватным названием этого искусства было имя «диалектика», но даже после Гегеля распространена идея, что диалектика – не учение о взаимосвязанном развитии всего, а еще и искусство постижения этого посредством диалогически организованных рассуждений). Ориентация именно на тот метод поиска истины, который

считается сущностно связанным с самим возникновением философии (в той мере, в какой и сам Сократ считается основателем философии, – концепция не бесспорная, но безусловно доминирующая в современном интеллектуальном и академическом пространстве) и содержит в себе связь с культурой классической Греции, конечно, важная составляющая идентификации всякого учреждения высшего образования, которое претендует на статус «классический университет». А для академического пространства Беларуси это существенно еще и потому, что отражает важнейшую особенность доминирующей белорусской философской школы (школы методологии науки) – диалогическую направленность. Диалогическая философия в этом смысле может предоставлять значимую основу философского осмысления методик преподавания философии сегодня.

Опыт организации майевтических диалогов в преподавании философии студентам лингвистических и педагогических специальностей позволяет предложить несколько важных методических рекомендаций.

Прежде всего продуктивное использование майевтики на семинарском занятии по философской антропологии подразумевает предварительное практическое освоение ряда особенностей этого метода в автомайевтике, которой следует отвести одно из занятий. Автомайевтику разумно практиковать в письменной форме как диалоги студентов с самими собой, в которых они меняют позиции вопрошающего (майевта) и отвечающего. Нужно также обязательно проанализировать результаты на соответствие базовым критериям продуктивности майевтики (они, как минимум, включают в себя то, насколько майевт обеспечил ясность формулировок и прояснил ключевые понятия, в какой мере он был критичен в отношении отвечающего, сколь сильно вопрошающий способствовал открытию новой информации или знаний и не отступал ли ведущий от того, чтобы задавать вопросы, избегая утверждений). Эти критерии позволяют понять условия, при которых майевтика вырождается в какую-то иную форму общения.

Чтобы обучающимся было легче понять это, следует предложить им ясную и простую инструкцию с примерами, например, такими (это – часть использованной мной инструкции к автомайевтике для студентов к семинару по философской онтологии, который обычно по типовым планам с конца XX века предшествует изучению философской антропологии):

«Если майевт перестает только задавать вопросы, но начнет говорить утверждениями, то получится спор или обмен мнениями. Вот пример спора:

Спрашивающий (С): Что ты думаешь о мире?

Отвечающий (О): Его создал Бог.

- С: Нет, мир возник сам по себе!
А вот пример обмена мнениями:
С: Что ты думаешь о мире?
О: Его создал Бог.
С: Согласен. Я думаю даже, что Бог творит мир каждое мгновение.
Сравните с примером майевтики:
С: Что ты думаешь о мире?
О: Его создал Бог.
С: Откуда ты это знаешь?
О: Так говорят.
С: Но разве не говорят также много глупостей и лжи?
О: Да, говорят.
С: И тогда, чтобы понять, что истина, а что ложь, нужно это проверить?
О: Точно.
С: А как можно проверить высказывание “Бог сотворил мир”?
О: Я думаю, что никак.
С: Стоит ли тогда говорить о мире то, что мы не можем проверить?»

В случае, если есть дополнительные ресурсы (в частности, время и возможности индивидуальной работы с некоторыми студентами в рамках студенческих научных объединений), можно не сразу показывать эти образцы, а вначале сформулировать в общей форме задание, а потом при анализе написанного показывать продуктивность более корректных диалогов в отличие от менее корректных. Такой подход в большей мере задействует креативность студентов, которые фактически сами будут изобретать продуктивные формы майевтики, а не просто предлагать индивидуальные вариации тех форм, которые представлены в образцах. Однако с учетом особенностей планирования содержания и аудиторного объема часов на учебную дисциплину «Философия» использование этой методики работы без предварительных образцов представляется вряд ли оправданным.

Важно обратить внимание на то, что вопросы должны складываться в последовательность, а не быть фрагментированными. Это можно делать в руководстве, например, таким образом (из упомянутой выше инструкции):

«Следует также пытаться выстраивать вопросы в цепочку, в противном случае диалог превратится в интервью. Интервью – простое выпрашивание мнения собеседника по разным вопросам. Например:

- С: Что ты думаешь о мире?
О: Его создал Бог.
С: А что ты думаешь о человеке?

О: Человек – совершенное творение.

С: А каково твое мнение о предопределенности?

О: Я считаю, что все в мире предопределено, но чудеса возможны.»

При этом хорошо создавать условия, чтобы студенты сами конструировали цепочку вопросов исходя из выбора одной из стратегий организации этой последовательности. «Последовательность диалога определяется видом майевтики. Есть три основных ее вида – дидактическая (образовательная, воспитательная), полемическая (эристическая) и исследовательская. В дидактической цель – посредством вопросов привести отвечающего к какому-то высказыванию, которое признаваемому, или обучить выстраивать последовательность рассуждений. Майевт обучает собеседника, ведя его к какой-то мысли. Чаще всего майевт ведет отвечающего к признанию какого-то утверждения, которое сам майевт считает истинным. При этом майевт часто задает закрытые вопросы (рассчитанные на «да» или «нет»):

С: Стремятся ли люди к богатству ради него самого или ради того, чтобы иметь возможность купить себе то, что необходимо или приятно?

О: Конечно, чтобы покупать нужное и приносящее удовольствия.

С: Значит, богатство – не счастье, а только средство для него?

О: Да, точно.

С: А к счастью люди стремятся ради него самого или ради чего-то еще? И что это могло бы быть?

О: Ради того, чтобы не тревожиться...

С: А разве отсутствие тревоги не есть одно из свойств счастья?

О: Думаю, что да.

С: Получается, что пока мы не можем придумать ничего, для чего было бы нужно счастье, нам следует признать, что счастье – самоцель для человека?

О: Да, наверное.

С: А если оно самоцель – то оно и есть то, что люди называют смыслом жизни или величайшим благом? Или есть какое-то более великое благо для человека?

О: Нет, не думаю. Наверное, счастье – действительно смысл жизни и величайшее благо для человека.»

В полемической майевтике цель – переспорить собеседника, доказать, что исходное положение («тезис») неверно. При этом майевт фактически пытается привести собеседника к признанию антитезиса за счет выявления противоречия в его точке зрения или несоответствия этой позиции здравому смыслу и научным взглядам. Сократ называл это «иронией» (но, конечно,

Сократ проявлял иронию и другими способами, в частности, шутливо восхваляя слишком самоуверенных собеседников). Вот пример полемической майевтики:

Спрашивающий (С): Что Ты думаешь об истине?

(О) Отвечающий: Она у каждого своя.

С: И то, что Ты сказал, истинно только для Тебя?

О: Нет, это истинно для всех!

С: Значит, есть истина, которая не только для одного, но и для всех?».

Исследовательская майевтика направлена на собственно открытие нового.

Для автомайевтики более адекватна именно постановка исследовательской цели, поскольку задачи привести себя к признанию некоторого заранее известного высказывания как знания (автодидактика) и тем более переспорить себя (автополемика) представляются достаточно сложными на этом этапе обучения. Кажется, что тогда майевтику по теме «Философская антропология» стоит сделать дидактической или полемической, чтобы обучающиеся освоили разные виды майевтики. Однако поскольку дидактическая и полемическая виды майевтики менее адекватны собственно философским задачам, чем исследовательский вид, в целях философского обучения стоит предлагать последнюю как приоритетную. Хотя для повышения креативности в ходе конструирования диалога возможно предоставить выбор вида майевтики самим обучаемым, особенно тем, кто выбран на роль майевтов.

Также следует предложить тем студентам, которым задан статус отвечающих, сформулировать самим исходный тезис из предложенных к освоению на семинарском занятии материалов по философской антропологии (важно рекомендовать им предпочитать более необычные высказывания, поскольку простые констатации фактов легко отстаивать и сложно подвергать критике, а именно критическое мышление в ходе практики майевтики и отрабатывается). По крайней мере, можно попросить отвечающих взять один из следующих тезисов: «человек – это просто особое животное» (натурализм); «смысл жизни человека – наслаждение» (гедонизм), «все люди делятся на рабов и господ, и у них разные смыслы жизни» (ницшеанство), «смысла жизни вовсе нет» (нигилизм), «счастье человека – в естественной жизни, как у собаки» (киники), «человек выше ангелов» (религиозно-философские концепции), «все люди – это один человек, Адам» (религиозный универсализм)», «труд сделал из обезьяны человека» (марксизм). В этом подходе, правда, существенная трудность для последующего анализа результатов, – гораздо проще оценивать их в случае, когда все студенты в парах обсуждают один и тот же тезис.

Для майевтики преподаватель делит студентов на пары, определяя кто будет майевтом, а кто – отвечающим в первом туре, во втором студенты меняются ролями. Если кто-то останется без пары, то он либо работает с преподавателем, либо преподаватель назначает его наблюдателем за какой-то парой (если есть достаточно времени для проведения трех туров, то продуктивно изначально разделять студентов на «тройки», давая им роли вопрошающего, отвечающего и аналитика). Первый тур можно проводить в электронной переписке (легче всего использовать электронные социальные сети, привычные для студентов, – помимо экономии усилий на освоение данного медиа это позволит преподавателю лучше понять особенности привычных коммуникаций для современных поколений студентов, поскольку отчет за этот тур легче всего делать скриншотами переписки). Использование этой особой письменной формы позволит студентам лучше отслеживать «ходы» диалога и изменения трактовок изначального тезиса. Это также облегчает современному поколению студентов использование для подготовки своих «ходов» ресурсов Интернета, включая генеративный искусственный интеллект (в случае возможности использовать предварительную подготовку студентов к занятиям можно попросить их сопоставить различные трактовки тезисов разными ИИ и авторами онлайн-энциклопедий).

Второй тур продуктивно провести устно, поскольку именно устная форма майевтики фактически является целевой и наиболее близкой тому, как майевтику понимал сам Сократ. Это также важно потому, что в реальной жизни майевтика или ее элементы используется чаще всего именно в этом виде. Следует учитывать, что устную майевтику сложно документировать и анализировать, особенно если не назначать специальную роль аналитика, который будет наблюдать за диалогом. Фактически успех разбора устной майевтики зависит более всего от освоения студентами алгоритма анализа на материале работы с автомайевтикой и электронной перепиской.

Таким образом, организация преподавания философии должна быть направлена в первую очередь на основное назначение философии – учить рационализации интересов и информации в интересах всего человечества. Это требует использования методик, акцентирующих диалогический и исследовательский аспект образования, и среди этих методик наиболее адекватная – майевтика. Однако она – требовательная методика, подразумевающая предварительное освоение автомайевтики (что разумно делать в ходе предстоящих семинарских занятий и заседаний студенческих научных объединений), выработку простых и ясных инструкций, по возможности использование самоорганизации в том числе в выборе исходного тезиса, стратегию связи вопросов в последовательность она также предполагает подбор и вида

майевтики, наделяя при этом приоритетом исследовательскую майевтику, поскольку она более соответствует цели философии. Отдельное внимание нужно уделять формированию навыков анализа майевтики, таких как оценка критериев ясности, критичности, эвристичности и соблюдения формы вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философия: типовая учебная программа по учебной дисциплине для учреждений высшего образования / сост.: А. И. Зеленков и др. – Минск, 2022. – 34 с.
2. Философия : учеб. пособие / А. И. Зеленков и др. ; под ред. А. С. Лаптёнка. – Минск, 2022. – 298 с.
3. Философия : учеб. пособие / И. В. Бусько и др. ; под ред. О. А. Романова. – Минск : РИВШ, 2024. – 644 с.
4. *Кант И.* Логика / И. Кант // Трактаты и письма. – М. : Наука, 1980. – С. 319–444.

Поступила в редакцию 13.05.2025

УДК 101(091)(47)(476):101(4-15)

Севостьянова Надежда Григорьевна

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и социальных наук
Минский государственный лингвистический
университет
Минск, Беларусь

Nadezhda Sevostyanova

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of History and Social Sciences
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
e-mail: n-sevastianova@mail.ru

«МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ» И «МЕСТОРАЗВИТИЕ» ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ КАК ПРИНЦИП ПРИЗНАНИЯ ЕЕ УНИКАЛЬНОСТИ

В статье рассмотрены географические, исторические и культурные детерминанты отечественной философии, определившие ее восточно-западную, восточнославянскую и евразийскую уникальность, традиционные духовно-нравственные ценности. Раскрыт принцип признания уникальности отечественной философии, который содержится в «Основах идеологии белорусского государства».

К л ю ч е в ы е с л о в а: *принцип признания уникальности; отечественная философия; белорусское; русское; российское; методологии исследований; цивилизационно-локальный подход; Восток-Запад; славянофильство; евразийство.*

“LOCATION” AND “LOCATION DEVELOPMENT” OF DOMESTIC PHILOSOPHY AS A PRINCIPLE OF RECOGNITION OF ITS UNIQUENESS

The article examines the geographical, historical and cultural determinants of domestic philosophy, which determined its East-West, East Slavic and Eurasian uniqueness, traditional spiritual and moral values. The principle of recognizing the uniqueness of domestic philosophy, which is contained in the “Fundamentals of the Ideology of the Belarusian State”, is revealed.

Key words: *principle of recognizing uniqueness; domestic philosophy; Belarusian; Russian; Russian; research methodologies; civilizational-local approach; East-West; Slavophilism; Eurasianism.*

География, история и культура, «местоположение» и «месторазвитие» (Н. Я. Данилевский) страны и народа глубинно определяют национальное самосознание и уникальность отечественной философии, раскрывают ее интеллектуальный капитал и потенциал. Именно *принцип признания уникальности* «белорусского народа как уникальной исторической общности», «осознающей свою принадлежность к восточнославянской цивилизации»

и «цивилизационное родство с русским и украинским народами», «признание уникальности белорусской модели общественного развития» [1, с. 2] положены сегодня в основу организации идеологической работы согласно «Основам идеологии белорусского государства», изложенным в Директиве Президента Республики Беларусь от 09.04.2025 № 12.

Принцип признания уникальности отечественной философии и его содержательное наполнение в ходе преподавания социально-гуманитарных дисциплин выступают актуальными задачами современного образовательного процесса. *Отечественная философия* рассматривается здесь как восточнославянская, по преимуществу русскоязычная, и включает в себя белорусскую, самобытную русскую и российскую философию. В базовом учебном пособии по учебной дисциплине «Философия», которое содержит новый опыт прочтения собственной философской мысли в условиях Союзного государства Беларуси и России, отмечено: «Под русской философией в широком смысле понимается вся совокупность философских идей, образов, концепций отечественной культуры» [2, с. 130].

Изучение многомерной, уникальной отечественной философии предполагает знание исторических форм белорусской и русской государственности, их воплощений в интеллектуальной культуре; осмысление этноконфессионального многообразия и традиционных духовно-нравственных ценностей. В то же время угроза их деформации, необходимость «защиты личности, общества и государства от деструктивной идейной и ценностной экспансии» [1, с. 2] актуализируют изучение отечественной философии.

Цель данной работы – рассмотреть уникальность отечественной философии в контексте ее «местоположения» и «месторазвития». *Задачи* – раскрыть восточно-западные, восточнославянские и евразийские детерминанты отечественной философии, ее традиционные духовно-нравственные ценности. *Объект* исследования – отечественная философия; *предмет* – уникальность отечественной философии.

При написании статьи использованы труды отечественных и зарубежных философов истории: Н. Я. Данилевского, Л. Н. Гумилева, Н. А. Бердяева, А. С. Панарина, А. Дж. Тойнби и др., а также философское эссе И. Абдираловича. Методология исследования содержит критический и сравнительный анализ учений о сути восточнославянского умозрения.

География: восточно-западная уникальность отечественной философии

«Расположение на стыке двух цивилизаций – между Востоком и Западом» [1, с. 3], Европой и Азией, в центре Европы, в Евразии определило промежуточный статус славянства, его пограничную, переходную культу-

ру. «Славянство оказалось неразрывно связанным с цивилизационными полюсами мира, отсюда все изгибы и зигзаги его истории, особый драматизм его судьбы» [2, с. 449]. Несмотря на то, что «славянство есть термин одного порядка с эллинизмом, латинством, европеизмом» (Н. Я. Данилевский). Несмотря на всемирную известность философского творчества А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Ф. Скорины и многих других отечественных мыслителей. Несмотря на то, что уникальная отечественная философия несет в себе идеалы соборности и традиционные духовно-нравственные ценности, преимущественные перед либерально-глобалистскими «новыми нормальностями».

Отечественная философия рассматривается исследователями в методологии Восток–Запад как философия «пограничья», а «местоположение» восточных славян – как «мост», «буфер», «коридор», «внешний периметр безопасности западной Европы», «восточный вал», разделяющий Союзное государство Беларуси и России и Европейский союз. Из этого следуют различные версии о характере белорусской, самобытной (христианской) русской, российской философии. Во-первых, она рассматривается как результат «столкновения», конфликта, «поле битвы» восточных и западных мировоззренческих систем. Во-вторых, предполагается их возможный «синтез» или «симбиоз». В-третьих, отмечается рецептивный характер отечественной философии без признаков ее оригинальности.

Получила известность и так называемая «диффузная модель» развития философии в Беларуси, которая сообщает о распространении идей Запада от центра к периферии, о белорусском западничестве как более глубоком по сравнению с российским по причине непосредственного пограничья страны с западными цивилизациями. В русской философии также принято называть белорусскую философию, в особенности «золотого века» ее развития, «западнорусской духовностью».

В целом восточно-западная, восточнославянская и евразийская природы отечественной философии хорошо изучены в ее рефлексивной и зарубежной историографии. Следует отметить, что и в аутентичных исследованиях русская философия называется любомудрием, то есть философией, так и не достигшей профессионального статуса из-за отсутствия в ней систем, подобных учениям И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля. Отмечается, что российская философия, в советское время называемая марксистско-ленинской философией, тоже имеет западную природу. Критическая масса рецепций в отечественной философии, наличие в ней учений белорусских и русских западников – представителей всех направлений западноевропейской философии – наводит на мысль о ее подражательстве, несамостоятельности вопреки признанию уникальности.

Методология исследований Восток–Запад раскрывает причины истонной русофобии и вечной цели Запада на разделение, раздробление Беларуси и великой России. «Русская цивилизация обречена на столкновение с Западом, так как ее культурные коды слишком отличаются от европейских», – утверждал А. Дж. Тойнби («Цивилизация перед судом истории»). «Европа заканчивается там, где заканчивается западное христианство и начинаются ислам и православие», – отмечал С. С. Хантингтон («Столкновение цивилизаций»).

Исторические и конфессиональные причины русофобии известны. «Русь возникла на Востоке Европы как европейская страна, но вхождение в мировую историю произошло в разгар противостояния католической западной и православной восточной церквей, что сразу же обусловило отличие русского мира от европейского» [2, с. 148]. В дальнейшем конфессиональная специфика усиливалась, и возникла «Православная цивилизация в глобальном мире». Этот труд А. С. Панарина раскрывает западное неприятие духовного абсолютизма и ортодоксии русских, их христианской философии и традиционных духовно-нравственных ценностей, отрицающих метафизическое зло. Более того: «Особенность российской судьбы и ее перспективы связаны с возможностью удержать вместе и аккумулировать потенциал всех трех континентальных идей: восточной, южной и индоевропейской». Важны культурно-материковое единство и срединная евразийская интеллектуальная культура. Русская православная цивилизация – не «пограничная зона», а центр собственной евразийской цивилизации. В «Основах идеологии белорусского государства» отмечено, что белорусы признают свою принадлежность к уникальной поликонфессиональной восточнославянской цивилизации [1, с. 2].

Культурное развитие России шло в сторону Востока и достигло уровня развития самостоятельной Евразийской державы, православной цивилизации, государства-континента. Восточнославянское общество формировалось под непосредственным воздействием западной и восточной цивилизаций и в условиях постоянной экспансии первой. Но русские вели успешные войны, что со временем вызвало «мечь» Запада за историческое прошлое, в котором, к примеру, Польша проиграла средневековое противостояние и конфликты Смутного времени.

При этом географически отдаленный Восток никогда не видел в Западе цивилизационной альтернативы и создал собственную уникальную философию и восточный традиционалистский тип мышления. Но близость Запада с его эталонами интеллектуальной культуры всегда порождала в восточнославянском сообществе стремление подражать вплоть до идолопоклонства. Все попытки восточных славян «догнать» Запад оставляли впечатление несовер-

шенства, пока в полной мере не созрела собственная критика западных идей прогресса мировой истории, воплощенных, в частности, в идеологии и философии марксизма, теории построения коммунизма.

Возвышение Запада и его эталоны интеллектуальной культуры имеют свои причины. «Благодаря географии, истории, античному наследию западноевропейцы обретают стремление к всевластию над природой, социальной средой, веру в возможность господства над миром» [2, с. 467]. Благоприятный природно-климатический регион с благополучной демографией, западная Европа осуществляла колониальную экспансию, имея «грабительский генетический код» [2, с. 468]. Почти все социальные эксперименты, ориентированные на утверждение западноевропейских ценностей в отечественной культуре, имели трагические последствия. Это «западничество поляков в лице Лжедмитрия (Смутное время), Петровская реформа, Февральская буржуазная революция, направленная на утверждение либерально-западных ценностей, жестокая гражданская война, унесшая около 15 млн жизней, новая волна западничества в 90-е гг. XX в.» [2, с. 452].

Сегодня европоцентризм и прогрессизм вызывают критику, «идолопоклонство» перед Западом преодолевается, и доказано, что цивилизованность неправомерно отождествлять с одним лишь Западом. Понадобилось сто лет, чтобы данные установки стали текстом учебного пособия по философии, развитием принципа признания уникальности философии отечественной.

Век тому назад в историософии Н. А. Бердяева, изложенной им в трудах «Судьба России», «Смысл истории», «Русская идея», «Философия неравенства», переведенных на основные европейские языки, было отмечено: «Россия есть великий и цельный Востоко-Запад по замыслу Божьему».

Век тому назад, в 1921 г. в г. Вильно было опубликовано под псевдонимом І. Абдзіраловіч философское эссе Игната Владимировича Кончевского (1896–1923) «Извечным путем : Очерки белорусского мировоззрения». Эта небольшая по объему и литературно-художественная по стилю письма работа получила широкую известность. Но, читая текст, следует учитывать принадлежность автора вильнюсской школе истории, политической партии эсеров и защитникам украинского национального движения.

В своей работе И. Абдиралович раскрыл драматизм исторической судьбы белорусов, их стремление сохранить независимость своего духа. Философское эссе состоит из четырех частей, каждая из которых предваряется аннотацией. Часть первая – Беларусь между Западом и Востоком – посвящена теме размытой белорусской идентичности в данной системе координат. Рассматриваются четкие характеристики названных регионов и история колебаний национального самосознания белорусов, живущих на границе между Западом и Востоком.

Часть вторая – Форма как механизм подчинения – содержит авторские рассуждения о «текущей форме» как механизме подчинения белорусской культуры состоянию бытия. Часть третья – Творчество – несет в себе анализ современных автору политических движений. Часть четвертая является обобщением, в котором выводы о необходимости поиска непринудительных форм жизни ради осуществления идеала социального творчества рассматриваются как решение проблемы белорусской идентичности. Рекомендован выбор «третьего, крестьянско-ремесленного пути свободных братств и коопераций между диким капитализмом и тираническим социализмом». Главной целью народа считается государственная независимость, а одним из главных препятствий – бюрократическая система государства.

И. Абдиралович отмечает, что «в истории белорусов была большая трагедия народного духа, которую выпало пережить только двум-трем европейским народам, Беларусь с X в. и до сих пор фактически является полем борьбы двух направлений европейской, вернее арийской, культуры – восточного и западного» [3]. «Колебания между Западом и Востоком и искреннее неприятие того и другого – главная черта истории белорусского народа. Пример Скорины, о котором до сих пор неизвестно, кем он был, католиком или православным, а наверняка и тем и другим, отражает этот феномен белорусского духа в индивидуальности, в душе нашего первого интеллигента... Над нами довлеет мрачное предостережение Скорины: “Ищите на востоке и на западе!”» [3]. К слову, в учебном пособии по философии сказано, что «Ф. Скорина гармонично соединял две ветви культуры – восточную, византийскую, и западную, латинскую, с духовными ориентациями родной для него культуры» [2, с. 185].

Развиваясь «адвечным шляхам» (И. Абдиралович), «мы ждали нашего спасения от Запада. Правда, самым близким нам Западом были славяне, поляки, и западные влияния принимали специфически славянские выражения. Запад принес нам лучшие идеи: гуманистические, либеральные, демократические, но наряду с красивыми словами всегда присутствовали духовное и экономическое насилие, эксплуатация, угнетение, унижение. Хорошие слова и плохие поступки использовались в западной жизни странным и непонятным для нас образом» [3].

Тем не менее социокультурная идентичность отечественной философии пронизана *восточно-западными архетипами*, которые развиваются в сложном опосредовании религиозной и светской духовности, рецептивного и автохтонного начал традиции. *Этническая идентичность* проявляется как евразийская, в которой отмечена интерференция восточнославянского и русского народов с их последующим национально-культурным самоопределением. *Ментальная идентичность* формируется в границах средневеково-

го хронотопа и оязыченного христианства. *Конфессиональная православная идентичность* отечественной культуры и философии дана как восточно-западная. Точнее, восточно-западный византизм (с учетом болгаро-византийского перевода Библии и афоно-византийского исихазма) геополитически и мировоззренчески совпал с восточно-западной культурой славян. В этой синкретичности духовно-религиозных традиций восточные славяне обрели своеобразный менталитет на усвоение различных культурных влияний, а философские рецепции стали «новомыслием» [4, с. 30].

Таким образом, географическое «местоположение» (Н. Я. Данилевский) восточных славян между Востоком и Западом детерминировало уникальность отечественной философии в плане ее этнических, ментальных и конфессиональных архетипов.

История: восточнославянская и евразийская уникальность отечественной философии

«Ядром формирования белорусской государственности стали Полоцкое и Туровское княжества. Также историческими формами белорусской государственности, которые принадлежат и всем иным сопричастным народам, являлись Древнерусское государство, Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское, Речь Посполитая, Российская империя. Начало становлению национальной белорусской государственности дала Октябрьская революция. Ее результат – провозглашение 1 января 1919 г. ССРБ (впоследствии – БССР), которая в качестве равноправного субъекта выступила одной из учредительниц СССР. Республика Беларусь с 1991 г. является правопреемницей БССР. Реальный суверенитет и независимость белорусского государства были достигнуты в период после установления президентской формы правления» [1, с. 3]. Единые со времен Древнерусского государства до начала XVIII в. петровской европеизации, символически единые после присоединения к России Украины в 1654 г., Беларуси в 1795 г. и вплоть до сепарации Украины в 2014 г. восточные славяне образуют сегодня Союзное государство Беларуси и России.

В связи с этим уникальная философия Беларуси не просто сочетает разные влияния, а трансформирует их, создавая новую смысловую реальность и национальную идентичность. Это не механическая смесь западных и восточных идей, а уникальная интеллектуальная традиция, представляющая собой динамическую систему взаимодействия цивилизаций. В самобытной русской философии, православной, а значит и моральной, *идеология славянофильства* развивалась как «русское воззрение», «самобытничество», «православно-русское», «славяно-христианское», определялась идеей несхожести России и Запада.

Славянофил И. В. Киреевский (1806–1856) в сочинениях «О характере просвещения Европы и его отношения к просвещению России», «Девятнадцатый век», «О необходимости и возможности новых начал для философии» разрабатывал тему противостояния России и Запада. Первая сохранила свою самобытность и «твердость духа», не в пример уклону католического Запада в секулярную культуру. Но «путь истины», забота о сохранении православия, целостного сознания верующего разума должны сочетаться с научной, светской образованностью.

Славянофил и христианский мыслитель А. С. Хомяков (1804–1860), автор «Сочинений богословских», историософских работ «О старом и новом», «Семирамида»: исследование истины исторических идей» рассуждал о «живом знании», которое связано с верой и любовью, соборностью русского духа. Утверждал, что Россия и Европа представляют собой разные цивилизационные системы. Славянофил К. С. Аксаков (1817–1860) отдавал предпочтение изучению русской истории. В его сочинениях «О русском воззрении», «Еще раз о русском воззрении», «Записка о внутреннем состоянии России» подчеркивалось, что русский народ «государствовать не хочет», а любит жизнь «мирную духа». Гражданский строй России имеет два православных начала, – это нравственная свобода мысли и слова, а также абсолютная монархия.

Идеолог панславизма Н. Я. Данилевский (1822–1885), автор известного труда «Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» разработал теорию культурно-исторических типов, имеющих существенными параметрами экономику, политику, культуру, религию. Обосновал культурно-историческое единство славянских народов. Считал, что славянский тип ярче всего выражен в русском народе. Выделил десять самобытных цивилизаций. Полагал, что Запад уже пережил апогей своего цивилизационного величия и настало время славянской цивилизации. «Славянство есть термин одного порядка с эллинизмом, латинством, европеизмом. Его “четырёх-основность” очевидна». Борьба с Западом – единственная спасительная задача русской политики», – утверждал философ. Пусть Европа враждует сама с собою, нам же необходимо отделиться от мысли о солидарности с европейскими интересами.

Сегодня приобретает особую актуальность цивилизационно-локальный подход и концепция культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, в которой восточнославянское предполагает ведущую роль самобытного славяно-русского культурно-исторического типа, который вобрал в себя христианское миропонимание, в том числе русское православное мировоззрение с идеями соборности и народного самосознания.

Русофил и теоретик русского национализма К. Н. Леонтьев (1831–1891) в труде «Византизм и славянство» назвал свое учение «русским византизмом». Учил, что Россия не должна подчиниться Европе и может устоять в своей отдельности. Предрекал высокую миссию России – создание русско-азиатской цивилизации. Полагал, что Россия с ее принципами «византизма» (самодержавие, православие и нравственный идеал разочарования во всем земном) наследовала погибающую европейскую культуру. Но далее византизм воспитал русский царизм, дал силы перенести татарский погром, выстоять в борьбе с врагами. Философ «перенес» славянофильскую оппозицию России и Запада в русло евразийства как взаимодействия России и Востока.

Но в моральной философии Беларуси происходил не только конфликт, а симбиоз с западной светской и религиозной культурой. В контексте *методологии евразийства* и пассионарности Л. Н. Гумилева («От Руси к России») возможно утверждение, что философия Беларуси не утратила своего пассионарного заряда, а адаптировалась к меняющимся условиям, превращаясь в интеллектуальный мост между Россией и Европой.

В XXI в. *идеи евразийства* переживают новую волну исследовательского интереса. Геополитическое евразийство как российский аргумент в пользу многополярного мира рассматривается в концепции «русского мира». Философское евразийство содержит попытки осмыслить русскую мысль в диалоге с западными и восточными философскими традициями. Евразийская подоснова отечественной философии является не просто геополитическим или геокультурным феноменом, а глубокой философской традицией, которая осмысливает альтернативные модели цивилизационного развития.

Евразийство отразило напряженный поиск русскими мыслителями моделей возможного, лучшего будущего, продемонстрировало переосмысление всей русской истории и философии. Идеологию евразийства выразили отец и сын С. Н. Трубецкой и Н. С. Трубецкой, Г. В. Флоровский, П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Л. П. Карсавин, Л. Н. Гумилев и многие другие философы. В историографии евразийства выделяют две линии: сторонники первой обосновывают идею создания единого общевразийского государства; адепты второй изучают русскую историю как процесс постепенного освоения культурных ценностей Евразии.

Один из основоположников евразийства Н. С. Трубецкой (1890–1938) исследовал европеизацию любого не романо-германского народа как безусловное зло. Результатом такого влияния становятся исчерпание своих национальных сил, исчезновение чувства патриотизма, самораспад как субъекта истории. Критиковал европоцентризм и рассуждал о всемирно-историческом призвании России в связи с «закатом Европы» после Первой мировой войны; о рождении русской культуры именно из «русской стихии».

Отрицательно оценивая петровскую европеизацию России, евразийцы, в отличие от славянофилов, акцентировали не восточный, а «туранский» элемент русской культуры, положительную роль монголо-татарского ига в сохранении православия. В этом контексте революция 1917 г. рассматривалась ими как вступление на путь самобытного исторического развития. Особую роль в отечественной истории евразийцы отдели православию, поскольку именно оно в силу «языческой толерантности» интегрирует и ассимилирует существующие на территории Евразии вероисповедания.

Самобытная философия русской истории «последнего евразийца» Л. Н. Гумилева (1912–1992), соединившая историко-географические, этнопсихологические и духовно-культурные подходы к исследованию восточнославянского общества, сама по себе стала открытием в обществоведении, хоть поначалу и не принятым официально. Концепция содержит хронологию истории восточных славян, транскрипции идей «восточнославянскости», «русскости» и «российскости» в плане этноминации. Ученый делает вывод о том, что «при большом разнообразии географических условий для народов Евразии объединение всегда оказывалось гораздо выгоднее разъединения. Евразийские народы строили общую государственность, исходя из принципа первичности прав каждого народа на определенный образ жизни. На Руси этот принцип воплотился в концепции соборности и соблюдался совершенно неукоснительно» [5, с. 298]. Л. Н. Гумилевым отмечено, что в течение 1500 лет, за исключением тех случаев, когда агрессия иноплеменников нарушает нормальный ход этногенеза, развитие этноса переживает начальную фазу толчка этногенеза; и далее фазы подъема, акматическую, надлома, инерционную; наконец, фазу обскурации, в которой процессы распада становятся необратимыми, и мемориальную фазу, при которой этнос окончательно утрачивает способность к творчеству.

Решающими для судеб восточного славянства и отечественной философии стали XIII, XIV и XV вв. Но выбор Петра I, подготовленный предшествующим социокультурным развитием православной империи, XVIII в., стал завершающим столетием акматической фазы российского этногенеза и началом фазы надлома, длящейся до настоящего времени, близкой к финалу и переходу в инерционную фазу – 300 лет золотой осени, эпохи собирания плодов, когда этнос создает великую культуру и духовно-нравственные ценности. Восточнославянская философия сформировалась на пересечении православно-византийского, западноевропейского и степного тюрко-монгольского миров. Именно этот синтез обусловил уникальность отечественного культурно-исторического пространства.

Таким образом, восточнославянское и евразийское «месторазвитие» (Н. Я. Данилевский) уникальной отечественной философии выражается во взаимодействии целей и ценностей интеллектуальных культур русского, белорусского, украинского народов.

Культура: уникальность традиционных духовно-нравственных ценностей отечественной философии

Отечественная философия представляет собой уникальный феномен, сформировавшийся на пересечении западноевропейской и восточной интеллектуальных традиций. Многомерную совокупность идей и концепций, сложившихся в восточнославянской культуре на протяжении тысячелетней истории ее развития. Уникальная отечественная философия развивалась как *самобытная русская философия* (православно-христианская, моральная), *российская философия* (светская, научная), *белорусская философия*, переплетенная с ними. Российская философия возникла в XVIII веке европейского Просвещения, в XIX в. наследовала марксизм, в советский период истории развивалась как марксистско-ленинская философия.

«Русская самобытная философия представляет собой борьбу между западноевропейским абстрактным *ratio* и восточно-христианским, конкретным, богочеловеческим Логосом и является постижением иррациональных и тайных глубин космоса конкретным и живым разумом» [6, с. 73], – утверждал А. Ф. Лосев. По сути своей моральная, смысложизненная, экофильная, самобытная русская философия отличается православным мировоззрением и соборностью, историософией и мессианством. Содержит идеалы патриотизма и справедливости, ценности этизма и эстетизма. Ей свойственны литературоцентризм, академическая форма самовыражения, эпистолярная и трактатная традиции, творческий характер заимствований идей западных мыслителей и оригинальность.

Русская философия означает *соборную мысль*, в которой истина рождается в диалоге и историческом развитии. Не строится на рационально-индивидуалистических принципах Просвещения, но и не является мистической иерархией Востока. Это идея коллективного единства, основанного не на рациональном договоре, а на духовном согласии. Соборность напрямую связана с православной традицией, но отражает также влияние степных азиатских моделей общественного устройства. Ф. М. Достоевский и В. С. Соловьев видели в соборности путь к духовному спасению России. Л. Н. Гумилев рассматривал соборность как отражение пассионарности русского этноса – стремления народа к историческому прорыву. Сегодня в специальных исследованиях нередко утверждается, что

восточнославянская соборность – не архаичное явление, а альтернативная форма социального устройства, способная конкурировать с западным либерализмом.

В русскоязычной культуре византийская традиция играет фундаментальную роль, но духовная культура Беларуси отмечена поликонфессиональностью, различными версиями антитринитаризма и свободомыслия по причине ее пограничного центрально-европейского характера. На белорусских землях исторически сложилось этноконфессиональное многообразие. Веротерпимость, двуязычие, мирное сосуществование представителей всех конфессий и этнических групп стали важнейшими условиями единства и согласия в современном белорусском обществе.

Философия Беларуси зародилась в культуре Древнерусского государства (Е. Полоцкая, К. Смолятич, К. Туровский). Далее развивалась в условиях Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского (Ф. Скорина, Н. Гусовский, С. Будный), Речи Посполитой (П. Скарга, С. Полоцкий, К. Нарбут, Б. Добшевич, К. Лыщинский), Российской империи (М. Коялович, Ф. Богушевич, М. Богданович, Я. Купала, Я. Колас, И. Абдиралович), суверенной Республики Беларусь.

В отличие от России, которая осмысливала себя в рамках отдельной цивилизационной миссии, и Польши, которая ориентировалась на латинскую традицию, белорусская философская мысль вынуждена была балансировать между разными цивилизационными моделями. Философия Беларуси своеобразно трансформировала инокультурные заимствования в соответствии со своими архетипами. Впитала не только православные, но и западноевропейские интеллектуальные традиции, включая идеи Реформации и Просвещения.

Методологическая особенность философии Беларуси выражается в ее прагматическом синтезе, реалистичности и практичности в отличие от диалектической традиции России и аналитической традиции Запада. Допускается множественность интерпретаций истины в отличие от русской духовной абсолютности. Философия Беларуси уникальным образом сочетает диалектику, соборность и критический рационализм.

Таким образом, географическое «местоположение» восточных славян между Востоком и Западом детерминировало уникальность отечественной философии в плане ее этнических, ментальных и конфессиональных архетипов. Восточнославянское и евразийское «месторазвитие» уникальной отечественной философии обусловило взаимодействие целей и ценностей интеллектуальных культур русского, белорусского, украинского народов. «Только на фундаменте своей истории географии и культуры можно сохранить себя и найти свое место в современной геоструктуре мира» [2, с. 473].

ЛИТЕРАТУРА

1. Директива Президента Республики Беларусь 09.04.2025, № 12 «Основы идеологии белорусского государства». – 5 с.
2. Философия : учебное пособие / под ред. О. А. Романова, Ч. С. Кирвеля. – Минск : РИВШ, 2024. – 644 с.
3. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам: Дасьледзіны беларускага сьветагляду / Прадмова.
4. С. Дубаўца / І. Абдзіраловіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 44 с.
5. Севостьянова, Н. Г. Русская философия : основные вехи развития / Н. Г. Севостьянова. – Минск : МГЛУ, 2019. – 308 с.
6. Гумилев, Л. Н. От Руси к России : очерки этнической истории / Л. Н. Гумилев. – М. : Экопрос, 1992. – 336 с.
7. Введенский, А. И. Очерки истории русской философии / А. И. Введенский, А. Ф. Лосев, Э. Л. Радлов, Г. Г. Шпет; вступ. ст. Б. В. Емельянова, К. Н. Любутина. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 592 с.

Поступила в редакцию 03.06.2025

ЭКОНОМИКА

УДК 338.2

Благуш Ирина Сергеевна

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры истории и социальных наук
Минский государственный лингвистический
университет
г. Минск, Беларусь

Irene Blagouch

PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of History and Social Sciences
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
e-mail: iblagush@yandex.ru

**НАПРАВЛЕНИЯ АДАПТАЦИИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СУБЪЕКТОВ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
К УСЛОВИЯМ ГЛОБАЛЬНОЙ ГИПЕРКОНКУРЕНЦИИ**

На основе анализа тенденций и факторов развития мирового рынка технологий автор выявляет направления адаптации инновационной деятельности субъектов экономики Республики Беларусь к условиям ограничения конкуренции и зарождения нового цикла длинноволновой активности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: инновационная активность; национальная стратегия научно-технологического развития; технологический суверенитет; передовые технологии; мировой рынок передовых технологий; техно-технологический уклад; цикл Кондратьева; глобальная гиперконкуренция.

**DIRECTIONS OF ADAPTATION OF INNOVATIVE ACTIVITY
OF SUBJECTS OF ECONOMY OF THE REPUBLIC
OF BELARUS TO CONDITIONS OF GLOBAL HYPERCOMPETITION**

Based on the analysis of trends and factors in the development of the global technology market, the author identifies areas of adaptation of innovation activities of the subjects of the economy of the Republic of Belarus to the conditions of limited competition and the emergence of a new cycle of long-wave activity.

Key words: innovative activity; national strategy of scientific and technological development; technological sovereignty; advanced technologies; global market of advanced technologies; techno-technological structure; Kondratiev cycle; global hypercompetition.

Долгосрочные стратегии развития Беларуси ставят целью формирование экономики, основанной на интеллекте, обосновывая возможность «войти в число мировых лидеров по перспективным направлениям научно-технологического развития, включая интеллектуальные технологии, умные

материалы, машины и их системы, в том числе для модернизации отраслей реального сектора на основе концепции индустрии 4.0, а также разработки, основанные на комплексном применении нано-, био-, космических и IT-технологий» [1]. Национальная стратегия развития «Наука и технологии – 2040» к 2030 году предполагает модернизацию традиционных отраслей и формирование точек роста наукоемкой экономики на основе собственных научно-технических заделов, к 2040 г. – наращивание компетенций в целевых сегментах интеллектуальной экономики с выходом на лидирующие мировые позиции. Для достижения поставленных целей необходимы качественные изменения в функционировании национальной инновационной системы, позволяющие перейти к расширенному воспроизводству первичных и вторичных технологических и нетехнологических нововведений как ключевого фактора устойчивого развития в условиях глобальной неопределенности и качественных изменений в глобальной конкурентной среде.

Инновационная деятельность субъектов национальной экономики осуществляется в условиях деглобализации, разрыва глобальных научно-технических и инновационных сетей, фрагментации и регионализации мирового производства. Существенно изменяются характеристики конкурентной среды международного бизнеса. На мировом рынке в течение последних десятилетий формировался и на ключевых сегментах рынка доминирует качественно новый вид конкуренции – так называемая «глобальная инновационная гиперконкуренция», в основе которой – ускоренное приобретение новых знаний, многоуровневость и многоаспектность инновационной деятельности, ее динамизм, адаптивность, мобильность, управляемость и эффективность [2]. Конкурентная среда характеризуется постоянно нарастающим и ускоряющимся соперничеством в области товарных и технологических нововведений, сокращением времени на стадию НИОКР, агрессивной конкуренцией цен и компетентностей и экспериментированием с новыми подходами к обслуживанию потребителей.

Глобальная инновационная гиперконкуренция предполагает управляемое развитие глобальных рынков и стремление доминирующих игроков к формированию структур, способных обеспечить разработку и предложение опережающих инновационных высококонкурентных товаров, услуг и сервисов. При этом усиливается стремление к подавлению претендентов на лидерство, чтобы не допустить изменения в соотношении сил. Наблюдается растущая агрессивность традиционно доминирующих участников рынка научно-исследовательских разработок и технологий, высокотехнологичных товаров и услуг с возможностью использования экономических (введение запретительных таможенных пошлин, потолка цен) и неэкономических инструментов (рестрикции, запреты на продажу лицензий, ограничение доступа к участию в международных исследовательских проектах, разрушение

коммуникаций с целью захвата рынка более успешного конкурента и т. п.), направленных на ослабление или замедление развития инновационно-активных конкурентов, в том числе – с нарушением норм международного и локального права.

Обострение глобальной конкуренции в первую очередь затрагивает ресурсы, отрасли и производства, способные обеспечить опережающее создание кластера базисных инноваций, формирующих технологическую основу для новой длинной волны Кондратьева и стратегического технологического лидерства в долгосрочном периоде. Так называемые фронтальные (передовые, прорывные, базисные) технологии позволяют реализовать принципиально новые, существенно более эффективные подходы к решению производственных, экономических и социальных проблем на основе первичного внедрения результатов фундаментальных и прикладных научных исследований.

На этапе исчерпания возможностей пятого техно-технологического уклада (прогнозируется к 2030–2040-м гг.) и перехода к шестому к ключевым технологическим решениям относят целый кластер взаимосвязанных технологий – искусственного интеллекта (AI), Интернета вещей (IoT), больших данных, блокчейна, 5G, 3D-печати, робототехники, беспилотных транспортных средств и летательных аппаратов, редактирования генов, нанотехнологии и солнечную энергетику (Solar PV) и других. Перспективный рынок из признанных ключевыми 17 технологических решений к 2030 эксперты оценивают в 9,5 трлн. долл. [3]. Согласно выводам разработчиков Стратегии национальной безопасности США, страны, стремящейся к глобальному доминированию, именно «технологии занимают центральное место в сегодняшней геополитической конкуренции и будут прямо влиять на будущее национальной безопасности» [4].

Период внедрения и диффузии передовых технологий, формирующих основу для перехода к новому техно-технологическому укладу, занимает несколько десятилетий, обеспечивая странам-лидерам ускорение экономического роста и возможность извлечения монопольной технологической ренты. Основными их поставщиками на мировой рынок в настоящее время являются США, где сконцентрированы основные платформы облачных вычислений, и Китай, который является крупным производителем 5G, беспилотных летательных аппаратов и солнечных фотоэлектрических систем. На эти две страны приходится от 30 до 70 % патентов и публикаций в области прорывных технологий [5].

При этом Китай, пользуясь преимуществами государственного стратегического программирования, значительного государственного финансирования фундаментальных научных исследований, мощной производственной

инфраструктуры, превосходства в численности трудовых ресурсов и промышленных ноу-хау, вышел на первое место в мире по количеству научных разработок во многих ключевых технологических сферах, лидируя в 37 из 44 исследовательских областей, включая создание наноматериалов, робототехники, развитие передовых квантовых, цифровых, энергетических, оборонных и космических технологий. По оценкам аналитиков Фонда информационных технологий и инноваций (*The Information Technology and Innovation Foundation*), Китай превзошел США по общему объему инноваций, хотя в большинстве своем это имитирующие, а не передовые нововведения [6].

На стадии перехода к новому техно-технологическому укладу США, претендуя на сохранение глобального технологического доминирования и осознавая критическое сокращение технологического отставания КНР, инициировали процесс разрыва двусторонних связей и перешли к использованию активных неопротекционистских мер. Это привело не только к сокращению взаимных объемов инвестирования в высокотехнологичные отрасли промышленного производства, но и сворачиванию совместной научно-исследовательской деятельности. Эксперты говорят об экономическом и политическом разъединении (*decoupling*) США и Китая, подчеркивая, что именно этот процесс может стать главным фактором разрыва глобальных научно-исследовательских, технологических и производственных сетей, выстраивавшихся в течение десятилетий (так называемый «технологический декаплинг» – разъединение мирового производства на две обособленные технологические экосистемы) [7, с. 109]. Наблюдается переход от открытости к технонационализму и созданию региональных и трансрегиональных техноэкономических блоков.

В ряде исследований представлена следующая точка зрения; на основе выраженных тенденций к локализации и импортозамещению в сферах, критичных для системной цифровой трансформации национальных хозяйственных систем, возможны фрагментация западной и восточной технологических экосистем, обострение конкуренции между ними, в первую очередь – в сфере передовых технологий, определяющих переход к новому техно-технологическому укладу. Усиливающиеся технологические рестрикции со стороны развитых стран, ставших инструментом технологического сдерживания конкурентов, создают риски формирования устойчивых страновых и региональных диспропорций (технологического разрыва) с долгосрочными последствиями.

Тем не менее высказываются аргументы в пользу более сложной, чем биполярная модель, картины мирового технологического развития, обусловленной к стремлению к технологическому суверенитету и локализации разработок. По мнению российских исследователей Н. В. Смородинской и Д. Д. Катуква, возможно разделение мировой экономики на три сегмен-

та: союзников США (условный Запад), союзников Китая (условный Восток) и группу неприсоединившихся государств, маневрирующих между первыми и вторыми [7, с. 109].

Достижение цифрового суверенитета и стратегической автономии фигурирует среди целей Европейского союза; в 2020 году о намерении установить цифровой суверенитет объявило правительство Германии. ЕС не только претендует на сохранение возможности самостоятельных действий в технологической сфере, но и стремится к контролю над глобальными процессами, продвигая европейскую модель цифровой трансформации как конкурентоспособную альтернативу научно-технологическим системам США и Китая. В группе стран БРИКС в качестве претендента на мировое технологическое лидерство в рамках очередного цикла техно-технологического развития рассматривается Россия; к преодолению цифровой колонизации и минимизации внешней зависимости в сфере технологий стремится Индия.

Факторами технологического суверенитета и глобального технологического лидерства являются развитые компетенции в сфере фундаментальных, прикладных и поисковых научных-исследований, значительный ресурсный, производственный потенциал и емкий внутренний рынок, конкурентоспособная национальная инновационная система.

Республика Беларусь, являясь малой открытой экономикой, до проявления санкционных шоков участвовала как в некоммерческом, так и коммерческом международном технологическом обмене, осуществляя экспорт и импорт технологий в овеществленной (высокотехнологические товары) и не овеществленной форме (продажа патентов и лицензий). На рынке объектов интеллектуальной собственности страна выступала в качестве нетто-импортера: импорт объектов интеллектуальной собственности в страну устойчиво превышал экспорт, сформировав в 2021 году отрицательное для Беларуси сальдо торговли в размере 114,6 млн. долл. при существенном – в 1,9 раза – разрыве в стоимости приобретаемых и реализуемых на внешних рынках объектов интеллектуальной собственности (таблица).

Экспорт и импорт объектов интеллектуальной собственности (ОИС)
Республики Беларусь в 2017–2021 гг.

Индикатор	2017	2018	2019	2020	2021
Экспорт объектов интеллектуальной собственности, млн. долл.	35,1	66,1	101,1	125,3	134,7
Импорт объектов интеллектуальной собственности, млн. долл.	157,1	178,7	187,2	203,2	249,3
Баланс платежей за объекты интеллектуальной собственности, млн. долл.	-122	-112,6	-86,1	-77,9	-114,6

Источник: разработано автором на основе данных [8].

Показатель наукоемкости ВВП остается на уровне, который существенно ниже критического ориентира для данного показателя в мировой статистике (не менее 1 %): в 2023 г. его значение составляло всего 0,58 %, что существенно ниже чем в 2008-м (0,97 %) и кризисном для мировой экономики 2009 году (0,68 %) [9]. Наиболее значимые позиции в экспорте Беларуси занимают среднетехнологичные товары высокого уровня (27,3 %) и низкотехнологичные товары. Удельный вес экспорта высокотехнологичных товаров в общем объеме товарных и сервисных поставок на внешние рынки в 2023 году составил 3,8 %, наукоемких высокотехнологических услуг – 4,6 % [Там же]. В общем объеме инновационной продукции промышленности преобладают локальные нововведения (55,8 %); удельный вес товаров, новых для мирового рынка, составляет 0,8 %, демонстрируя отрицательную среднесрочную динамику: за 2018–2023 гг. индикатор снизился в два раза [Там же].

На фоне усиления санкционного давления на национальную экономику, сокращения притока инвестиций, связанных с НИОКР, оттока капитала и квалифицированных кадров на этапе зарождения новой волны долгосрочного цикла, когда глобальная конкуренция концентрируется в сфере создания базисных технологических инноваций, возникают существенные риски долгосрочных технологических разрывов, препятствующих полноценному участию Беларуси в формировании кластера технологий VI уклада и переходу к отраслевому ядру интеллектуальной экономики.

Санкционные шоки 2014–2024 годов, являясь инструментом глобальной гиперконкуренции, стали существенным фактором технологического развития. Зарубежный опыт адаптации к усиливающемуся рестриктивному давлению в сфере технологического развития включает такие меры, как разработка национального антисанкционного законодательства и стратегических программ, направленных на достижение технологической самостоятельности, в том числе предоставление наиболее успешным исследователям и производителям упрощенного доступа к субсидиям, в финансовом секторе – ускорение процессов диверсификации и дедолларизации активов и внешнеторговых операций.

Республике Беларусь на основе системного прогноза развития кластера фронтальных технологий и комплексного анализа существующих в стране научных заделов и компетенций целесообразно разработать комплексную стратегическую программу, направленную на обеспечение возможностей точечной интеграции в региональные научно-исследовательские и технологические цепи на основе собственных фундаментальных и прикладных научных исследований и опытно-конструкторских разработок. В условиях малой открытой экономики перспективной представляется точечная специализация в сегменте фронтальных НИОКР и развитие значимых для подго-

товки стадии массового внедрения экспериментальных производственных площадок. Целесообразны меры, направленные на стимулирование разработок технологий, создание инновационных товаров и услуг, соответствующих VI техно-технологическому укладу, приоритетное финансирование этого направления; формирование рынка научно-технической и инновационной продукции и создание необходимой для его функционирования инфраструктуры, развитие и стимулирование инновационного предпринимательства; формирование нового технологического базиса для традиционных секторов национальной экономики; цифровую трансформацию; развитие и информационно-аналитическое обеспечение системы технологического прогнозирования, создание системы комплексной поддержки коммерциализации отечественных разработок; развитие высокотехнологичных производств во всех регионах.

Для формирования научного задела в условиях ограниченности ресурсов, научных школ мирового уровня, сокращающейся численности исследователей Беларуси целесообразно использовать механизмы полноценной научно-технической и инновационной интеграции в евразийском регионе, в первую очередь – в рамках интеграционного проекта Союзного государства России и Беларуси. Российская инновационная система в большей степени ориентирована на полный инновационный цикл – от зарождения идеи до выпуска нового товара и его продвижения на рынке.

Возможность полноценной интеграции России и Беларуси в научно-технической и инновационной сфере определяется такими факторами, как единство целеполагания и наличие общей стратегии научно-технической и инновационной интеграции; создание локальных, национальных и союзного рынков продуктовых и технологических инноваций; масштабирование лучших управленческих практик в инновационной сфере, в том числе наращивание компетенций в части развития нормативно-правовой базы инновационной деятельности; межрегиональный информационный обмен и создание единой системы информационно-аналитического обеспечения инновационной деятельности; активизация механизмов академической миграции, создание новых научных школ; формирование многоуровневой и адаптивной инновационной инфраструктуры; развитие организационных, экономических и правовых механизмов поддержки инновационного предпринимательства; интеграция и суверенизация систем образования и подготовки кадров инноваций, ориентированные на опережающее формирование и наращивание компетенций, необходимых для создания и функционирования интеллектуальной экономики.

Целесообразна разработка и реализация единой стратегии инновационного развития Союзного государства, содержащая как пакет стратегически ориентированных решений, так и оперативный антикризисный блок мер,

нацеленный на минимизацию эффектов нарастающего санкционного давления со стороны геополитических конкурентов. Значимыми для создания единого научно-технического и инновационного пространства являются такие направления, как формирование полноценного рынка научно-технической и инновационной продукции, совершенствование институциональной среды инновационной деятельности, развитие и стимулирование инновационного предпринимательства; создание и стимулирование развития опытно-внедренческих структур; стимулирование участия молодежи в научно-технической и инновационной деятельности, формирование и развитие новых бизнес-моделей в инновационной сфере, поддержка и масштабирование стартапов.

В условиях санкционных ограничений возможность привлечения прямых иностранных инвестиций из развитых стран, связанных с передовыми НИОКР, для Беларуси, формировавшей существенную долю импорта объектов интеллектуальной собственности из стран вне ЕАЭС, ограничена. Наиболее перспективной представляется программа, сочетающая трансфер новых зарубежных технологий из стран БРИКС+, в первую очередь – КНР и России, и точечное развитие собственных фундаментальных и прикладных научных исследований и опытно-конструкторских разработок на основе потенциала и механизмов евразийской интеграции, затем – их внедрение в экспериментальное и серийное производство на территории страны и Союзного государства России и Беларуси с целью создания инновационных продуктов с высокой добавленной стоимостью и перспективных инновационных технологий с последующей коммерциализацией не только на внутреннем, но и внешних рынках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040». – URL: https://nasb.gov.by/congress2/strategy_2018-2040.pdf (дата обращения: 16.05.2025).
2. *D'Aveni, R. Hypercompetition: Managing the Dynamics of Strategic Maneuvering* / R. D'Aveni. – New York, The Free Press, 1994. – 448 p.
3. World Economic and Social Survey: Frontier technologies for sustainable development/ UN Department of Economic and Social Affairs, 2018. – URL: https://www.un.org/development/desa/dpad/wpcontent/uploads/sites/45/WESS2018_ch1_en.pdf (date of access: 12.05.2025).
4. National Security Strategy / The White House, 2022. – URL: <https://nps.edu/documents/115559645/121916825/2022+Dist+A+National+Security+Strategy.pdf> (date of access: 27.04.2025).
5. Technology and Innovation Report 2023 / UN Conference on Trade and Development, 2023. – URL: <https://unctad.org/publication/technology-and-innovation-report-2023> (date of access: 14.05.2025).

6. Making Difference : Innovation Foundation Annual Report 2022 / InnovationFoundation.net, 2023. – URL: <https://englishbulletin.adapt.it/wp-content/uploads/2023/06/Innovation-Foundation-Annual-Report-2022.pdf> (date of access: 27.04.2025).
7. Смородинская, Н. В., Катуков, Д. Д. Курс на технологический суверенитет: новый глобальный тренд и российская специфика / Н. В. Смородинская, Д. Д. Катуков // Балтийский регион. – 2024. – Т. 16, № 3. – С. 108–135.
8. Внешняя торговля Республики Беларусь: стат. сб. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2022. – Минск, 2022. – URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/b6a/0n5gwme8qbdgbmsug6xks90hueq3ybjb.pdf> (дата обращения: 18.04.2025).
9. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь 2023: Стат. сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2024. – URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/4c2/onh6mc8mbf3qr7agmg7hzw9772c0o1nf.pdf> (дата доступа: 17.04.2025).

Поступила в редакцию 27.05.2025

УДК [338.45.01(476)+338.33(476)]:339.137.2(4/9)

Подгайский Александр Леонидович

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры истории и социальных
наук
Минский государственный лингвистический
университет
г. Минск, Беларусь

Aliaksandr Padhaiski

PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of History and Social Sciences
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
e-mail: padgaiski1210@gmail.com

ПУТИ СТРУКТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БЕЛОРУССКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ КОНКУРЕНЦИИ

В статье рассмотрены пути трансформации белорусских предприятий под воздействием глобальной инновационной конкуренции. Показано, что наиболее перспективные направления реструктуризации предприятий связаны с возможностями цифровизации бизнес-процессов, изменения отношений с потребителями на основе аккумуляции клиентского опыта, гибкого использования трудовых ресурсов благодаря автоматизации производственных процессов, привлечению фрилансеров, использованию аутсорсинга и др.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *глобальная инновационная конкуренция; традиционные формы бизнеса; реструктуризация предприятий; цифровизация бизнес-процессов; аккумуляция клиентского опыта.*

WAYS OF STRUCTURAL TRANSFORMATION OF BELARUSIAN ENTERPRISES IN THE CONTEXT OF GLOBAL INNOVATION COMPETITION

The article examines the ways of transformation of Belarusian enterprises under the influence of global innovation competition. It is shown that the most promising areas of enterprise restructuring are related to the possibilities of digitalization of business processes, changing relationships with consumers based on the accumulation of customer experience, flexible use of labor resources due to automation of production processes, the involvement of freelancers, the use of outsourcing, etc.

Key words: *global innovative competition; traditional business models; enterprise restructuring; digitalization of business processes; accumulation of customer experience.*

Реалии глобальной инновационной конкуренции формируют крайне сложные, противоречивые условия функционирования и развития белорусских предприятий. Глобальная среда деятельности представляется субъектам экономики Беларуси одновременно «враждебной» и привлекательной. Она отличается нарастающей нестабильностью, усилением зависимости от огромного количества внешних факторов, ускорением изменений.

Сформировались глобальные цепочки создания ценности и экономические сети мирового масштаба. Расширилось и усилилось взаимодействие предприятий на мировой арене, благодаря внедрению информационно-коммуникативных технологий, а также снижению уровня транспортных и транзакционных издержек, произошло размывание географических и технологических границ деятельности. Устойчивое положение и успешное развитие предприятий в современных условиях определяется не столько положением на местном (локальном) рынке, сколько позицией в глобальной цепочке создания ценности, объединяющей деятельности огромного числа компаний [1, с. 292].

Нарастает взаимозависимость рынков и технологий, усиливается взаимосвязь новых продуктов не только в сфере высокотехнологичных производств, но и традиционных отраслях промышленности. Жизненный цикл новых продуктов становится все более коротким, за одно десятилетие количество новых наименований продуктов практически удваивается. Нарастает ротация отраслей – возникают сотни новых отраслевых направлений, и в то же время множество отраслей удаляются из стандартной отраслевой классификации (США). Обозначилась тенденция увеличения числа компаний, ежегодно терпящих крах, в том числе, компаний длительное время занимавших устойчивые позиции на глобальных рынках.

В то же время многие ранее неизвестные компании периферийной экономики прорываются в ряды лидеров, вытесняя конкурентов из развитых стран. Благодаря условиям глобальной инновационной конкуренции и информационно-коммуникационным технологиям они получают доступ к технологиям, рынкам сбыта продукции и снабженческо-сбытовым сетям, источникам финансирования; формируют гибкие кооперационные связи и альянсы; открывают новые рыночные ниши и предлагают новые продукты.

Непредсказуемость экономического развития, ускорение изменений во всех областях и изменение характера соперничества на глобальных рынках выдвигают новые требования к деятельности предприятий (организаций). Способность адаптироваться к любым изменениям становится основным проявлением качества их функционирования и развития. При этом в современной, сетевой и спонтанно организованной, экономике ведущая роль в повышении адаптивности принадлежит самим предприятиям. Именно от предприятий исходит импульс системной эластичности, именно они в процессе своего взаимодействия и рекомбинации формируют новые более гибкие структуры, изменяют структуру отрасли и экономики в целом.

Подавляющее число белорусских предприятий во всех сферах бизнеса исторически созданы с целью достижения успешно стабильного существования, достаточно продолжительного функционирования в определенной среде. Они изначально нацелены на устойчивое получение доходов при раз-

работке относительно стабильных рыночных ниш. Эти черты во многом присущи домохозяйствам, ориентированным на устойчивое благополучие в относительно стабильных условиях хозяйственной жизни. В свою очередь их консервативные модели поведения детерминируют принципы функционирования субъектов малого предпринимательства.

Генетическое стремление к стабильности, присущее малым экономическим систем, вступает в противоречие с современными реалиями. Подавляющее большинство отечественных предприятий относительно консервативно в используемых технологиях, выпускаемой продукции, занимаемых рыночных нишах, принципах организации производства и хозяйственных связей, системах менеджмента. При этом структуры управления являются одним из самых консервативных элементов бизнеса. Традиционные формы его организации, основанные на вертикальных иерархических структурах, не могут адаптироваться к условиям непредсказуемости, вызываемым быстрыми технологическими и экономическими изменениями.

Самым паллиативным путем решения проблемы обеспечения конкурентоспособности белорусских предприятий в условиях глобальной инновационной конкуренции является формирование искусственной внешней среды. Речь идет о создании искусственного институционального «кокона», обеспечивающего стабильную жизнедеятельность малых экономических систем на традиционных принципах функционирования и защищающего их от воздействий глобальной экономики. С одной стороны, государство и бизнес-структуры могут предпринимать меры, направленные на монополизацию производств, проводить организационные мероприятия, устанавливать «надежные» внешнеэкономические связи, вводить государственные преференции в рамках административного управления экономикой. Это позволит предприятиям поддерживать приемлемый уровень доходности бизнеса в течение некоторого времени, однако такое «искусственное дыхание», в конечном счете, делает их еще менее гибкими и ставит под вопрос выживание в перспективе.

С другой стороны, сложная геополитическая ситуация и санкционное давление в условиях военного конфликта позволяют применять такую стратегию в более широких масштабах и на иной ресурсной основе. Речь идет о наращивании всех форм взаимодействия белорусских предприятий с субъектами хозяйствования Российской Федерации, расширении возможностей работы на традиционном внешнем рынке, углублении кооперационных связей, доступе к источникам финансирования. Эти возможности делают данный путь поддержания конкурентоспособности белорусских предприятий более надежным и устойчивым, но тупиковым в перспективе.

Данное направление сохранения жизнеспособности отечественных предприятий будет сочетаться с реализацией (на уровнях государства и

бизнес-структур) модели «подтянутого производства», заключающейся в экономии затрат на основе автоматизации производства вместе с усилением компьютеризированного контроля над работниками и интенсификацией труда. Такая реализация возможностей информационно-коммуникационных технологий представляется наиболее вероятной в настоящее время.

Иной путь эволюции малых экономических систем связан с принципиальными изменениями основ своего функционирования. Качественно иной уровень конкуренции на глобальных рынках, ее инновационный характер, постоянное появление новых конкурентов, внедряющих передовые технологии и приемы снижения издержек, требует от предприятий не столько рутинной деятельности по экономии затрат, сколько кардинального повышения эффективности. И здесь особую роль в повышении адаптивных возможностей бизнеса в новых экономических реалиях могут сыграть информационно-коммуникационные технологии. Их внедрение позволяет существенно преобразовать все стороны деятельности предприятий.

В частности, «второе дыхание» может получить такая форма организации производства, как «тайотизм». В рамках данной модели гибкость и сокращение затрат получались сочетанием автоматизированного конвейерного производства с многочисленными мелкими производствами, а также эффективной мотивацией работников и поставщиков. Такая система позволяет сочетать преимущества крупного производства (производственные мощности, технологии, финансы) с гибкостью многочисленных мелких производителей. Использование информационно-коммуникационных технологий, цифровизация бизнес-процессов и бизнес-моделей позволяют эффективно управлять взаимодействием разнородных бизнес-структур, формировать на этой основе гибкую бизнес-целостность [2, с. 171].

Перспективы такого пути развития предприятий также связаны с возможностями формирования сети отношений между предприятиями, функционирующими в разной институциональной среде, и работы на разнообразных национальных рынках. Быстрый и относительно полный доступ к местной информации, возможность ее обработки и воплощения в гибких стратегиях рыночного поведения позволяют не только средним, но и мелким фирмам, индивидуальным предпринимателям, вступать в непосредственный контакт с крупнейшими корпорациями и формировать сетевые структуры.

Предприятия на этом пути так или иначе будут трансформировать свое организационное «ядро» в виде традиционных иерархических организационных структур, эволюционировать в направлении модели «горизонтальной корпорации», которая предполагает «...децентрализацию ее единиц и наделение каждой из этих единиц растущей автономией, позволяющей им даже конкурировать друг с другом, хотя и в рамках общей стратегии».

«Чтобы быть в состоянии усваивать выгоды сетевой гибкости, – пишет М. Кастельс, – корпорация сама должна стать сетью и пропитать динамизмом каждый элемент своей внутренней структуры» [2, с. 168]. Это, в свою очередь, предполагает трансформацию традиционных управленческих структур, их перестройку на принципах партисипативной организации, допускающей высокую степень свободы в деятельности сотрудников и их активное участие в принятии управленческих решений.

Однако реализация этого пути затруднена. Такое организационное перерождение противоречит интересам корпоративной бюрократии и административному управлению крупными предприятиями в Республике Беларусь. Административное управление экономикой не может осуществляться помимо иерархическо-бюрократических структур управления производством и ограниченного количества управляемых объектов. В ситуации выбора между текущей управляемостью и ожидаемой эффективностью, полученной в результате трансформации организационных структур, выбор, как правило, осуществляется в пользу первой. Эти положения, на наш взгляд, ограничивают возможности перестройки бизнес-моделей на основе их цифровизации. Цифровизация в этих условиях приведет не столько к оптимизации бизнес-процессов, сколько будет обслуживать деятельность корпоративной бюрократии, способствовать усилению контроля за деятельностью работников и повышению интенсивности труда.

Другим, крайне сложным, препятствием на этом пути является технологическая отсталость множества производств, во многом определяющая традиционную организацию производства и труда, соответствующие механизмы контроля и управления. Между технологиями вчерашнего дня и существующими методами управления экономикой существует тесная взаимосвязь. Условия глобальной инновационной конкуренции предполагают высочайшую технико-технологическую гибкость производств, позволяющую быстро переключаться на новые виды продукции, технологически обновляться, разворачивать и свертывать производство, демонтировать оборудование и перемещать производство территориально. Для этого требуется универсальность оборудования, возможность его рекомбинации, легкость и модульность сооружений и т. п., что позволяет современным предприятиям быстро возникать в определенном месте и при необходимости так же быстро покидать его. Однако технологическое обновление маловероятно без значительных инвестиций и доступа к передовым технологиям, который трудно получить без интеграции в транснациональные бизнес-структуры.

Существенный аспект микроэкономической адаптивности предприятий связан со способностью быстро обновлять выпускаемую продукцию, переключаться на иные ее виды, расширять номенклатуру продукции и, в конечном счете, менять нишу бизнеса. Способность работать на перспектив-

ный, расширяющийся рынок становится одним из проявлений адаптивной способности предприятий. В этом деле существенную роль могут сыграть цифровые технологии, преобразующие деятельность предприятия в направлении формирования новых отношений с потребителями (клиентами).

На основе информационно-коммуникационных технологий появляются возможности аккумуляции «клиентского опыта» и нацеленности на «пожизненную ценность клиента». Современные технологии позволяют предприятию поддерживать непрерывные коммуникации и осуществлять трансакции с огромным числом потребителей, а также партнеров, поставщиков, конкурентов. В результате имеет место переход от работы с «массовым сегментом» к огромному количеству индивидуальных клиентов, что является эффективным ответом на процесс индивидуализации спроса на рынках дифференцированных продуктов [3, с. 394, 395]. Реализация этого направления трансформации деятельности предприятий имеет хорошие перспективы в ряде отраслей белорусской экономики (легкой промышленности, сфере услуг, в аграрном секторе экономики).

Важнейшим моментом адаптивной способности предприятий является гибкость в использовании трудовых ресурсов. Несмотря на свою актуальность, это одна из самых консервативных и проблемных сторон деятельности субъектов экономики. С одной стороны, дефицит рабочей силы; с другой стороны, бремя социальных обязательств и детальная регламентация трудовых отношений ставят под вопрос экономическое положение белорусских предприятий. Повышение гибкости в использовании труда сегодня становится условием выживания фирмы. Сочетание высокой мобильности труда и возможностей информационно-коммуникационных технологий позволяет предприятиям существенно менять структуру персонала. Одной из тенденций таких изменений является наметившееся различие между кадровым ядром, сохраняемым предприятиями, и подвижным контингентом привлекаемой рабочей силы. Последний можно заменить автоматизацией, привлечь извне так называемых оффшорных работников, фрилансеров, либо решить проблему посредством аутсорсинга в зависимости от рыночного спроса на труд, потребности предприятия в трудовых ресурсах, его соответствующих издержек. Разнообразные формы экстернализации труда – привлечение внешней рабочей силы, распространение практики аутсорсинга – непосредственно связаны с экспансией сетевых форм организации бизнеса. Тем самым достигается гибкость в использовании рабочей силы, охватывающая все ее сегменты.

Таким образом, наиболее перспективные направления реструктуризации предприятий в контексте адаптации к условиям гиперконкуренции связаны с их цифровой трансформацией, предполагающей комплексное преобразование деятельности на основе цифровизации бизнес-процессов,

позволяющей управлять взаимодействием разнородных субъектов экономики (покупателями, партнерами, поставщиками, конкурентами) и формировать сетевые структуры. Другое перспективное направление организационного преобразования деятельности предприятий связано с изменением отношений с потребителями, основанным на аккумуляции клиентского опыта и установлении устойчивых взаимосвязей с огромным количеством индивидуальных потребителей. Наконец, существенные возможности адаптации к новым реалиям хозяйствования связаны с гибким использованием предприятиями трудовых ресурсов (заменой автоматизацией производственных процессов, привлечением фрилансеров, использованием аутсорсинга и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковлев, А. А. Агенты модернизации / А. А. Яковлев. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – 426 с.
2. Кастельс, М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / М. Кастельс. – Москва, ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.
3. Цепжарик, М. К. Цифровая трансформация компаний: стратегический анализ, факторы влияния и модели / М. К. Цепжарик, И. В. Крылова, В. И. Стешенко // Вестн. С.-Петерб. ун-та. – Экономика. – Т. 36. – Вып. 3. – 2020. – С. 390–420.

Поступила в редакцию 21.05.2025

УДК 336.7

Усоский Владимир Николаевичдоктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры истории и социальных
наукМинский государственный лингвистический
университет
г. Минск, Беларусь**Vladimir Usosky**PhD in Economics, Professor,
Professor of the Department
of History and Social SciencesMinsk State Linguistic University,
Minsk, Belarus
e-mail: vladimirusosky@gmail.com

ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ НА ВЕЩИ В ИЕРАРХИИ ОБЩЕСТВА

В статье исследуются философско-экономические категории – *благо* и *бремя* собственности в системе общественных отношений. Доказано, что *благо* и *бремя* отношений собственности между людьми, которые осуществляются по поводу «вещей», представляют собой нерасторжимое органическое единство свойств присваиваемого объекта («вещи»). Исследована структура родового отношения «человек – вещь – человек» в системе отношений собственности. Проведен системный анализ отношений «человек – вещь» и «человек – вещь – человек» в статическом и динамическом аспектах. Выявлены различия между долговым денежно-кредитным, товарно-денежным отношением и бартером в системе отношений собственности. Определена сущность процесса взаимодействия между людьми с точки зрения их статуса, т. е. положения в иерархии общества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: «*благо*» и «*бремя*» отношений собственности; отношения «человек – вещь» и «человек – вещь – человек»; бартер; товарно-денежные отношения; долговые денежно-кредитные отношения; иерархия.

OWNERSHIP RELATIONS OF SUBJECTS TO THINGS IN THE HIERARCHY OF SOCIETY

The article examines the philosophical and economic categories of “benefit” and “burden” of property in the system of public relations. It is proven that the “benefit” and “burden” of property relations between people, which are carried out in relation to “things”, is an indissoluble organic unity of the properties of the appropriated object (“things”). The structure of the generic relationship “man – thing – man” in the system of property relations is investigated. A systematic analysis of the relations “man – thing” and “man – thing – man” in static and dynamic aspects is carried out. The differences between debt monetary, commodity-money relations and barter in the system of property relations are revealed. The essence of the process of interaction between people is defined in terms of their status, i.e. position in the hierarchy of society.

Key words: “benefit” and “burden” of property relations; “man – thing” and “man – thing – man” relations; barter; commodity-money relations; debt-monetary relations; hierarchy.

1. *Благо* и *бремя* собственности. Природа отношений собственности, которая представляет собой сочетание присваиваемого *блага* и *бремени* одновременно.

Ложная трактовка содержания термина *частная собственность* заключается в сведении этого структурно сложного отношения исключительно к функции пользования человеком объектом собственности, что сводится к извлечению из него полезного эффекта. Таково бытовое представление людей, которые, например, восхищаются тем, что молодой человек, живущий на иждивении родителей, приезжает в учреждение высшего образования на дорогом автомобиле и живет в шикарном доме. Однако научный взгляд на сущность вещей свидетельствует об обратном. Эти объекты собственности предоставлены молодому человеку в пользование родителями, которые оплатили покупки и несут текущие и долгосрочные издержки на их воспроизводство. Не изменяет сути дела передача этих объектов в частную собственность данному иждивенцу, который не способен самостоятельно содержать ни автомобиль, ни дом.

Когда дело касается отношений частной собственности, то люди, воспитанные в марксистской традиции, откровенно проявляют природу типичного индивидуалиста. Марксист видит в собственности исключительно отношения эксплуатации человека человеком, а не бремя ответственности и риска, которые объективно как тяготы лежат на обладателе собственности. К. Маркс не понимал, чем на самом деле является столь сложный феномен – отношения частной собственности субъекта, направленные на объект. Коммунистическая теория пролетарского мыслителя хорошо развила у его последователей хватательные рефлексy грабителей, алчущих отобрать чужое и поделить то, что принадлежит частным собственникам.

Марксизм – это идеология извращенного индивидуалиста, скрывающего свои инстинкты и наклонности к типичному паразитарному представлению о «своем» и «чужом». Молодой К. Маркс в «Экономическо-философских рукописях» 1844 г. проговаривается: «<...> коммунизм есть *положительное* выражение упразднения частной собственности; на первых порах он выступает как *всеобщая частная собственность*» [1, с. 114].

Собственность субъекта означает его ответственность за воспроизводство объекта, сохранение в нормальном состоянии. Например, цикл воспроизводства товаров включает процесс амортизации, т. е. износ объекта собственности. Если автомобиль попал в аварию, то его утраченные свойства необходимо восстанавливать. Для этого следует оплатить процесс восстановления поврежденного автомобиля. Это будет делать действительный собственник (родитель), а не его номинальный владелец, даже имеющий права формального собственника по документам. Родитель будет оплачивать ремонт автомобиля за паразитарного иждивенца.

В сатирическом романе-сказке Н. Н. Носова «Незнайка на Луне» описывается жизнь разорившегося капиталиста Спрутса и торговца оружием Жулио, которые не хотели заниматься уборкой, поэтому, живя в большом

доме они переходили из одной комнаты в другую, загрязняя и захламливая ее. Н. Н. Носов пишет: «Кроме заботы о пище, Жулио проявил также заботу о чистоте: “У вас, голубчик, в этой комнате слишком много скопилось дряни, сказал он однажды Спрутсу. – Однако убирать здесь не стоит. Мы попросту перейдем в другую комнату, а когда насвиним там, перейдем в третью, потом в четвертую, и так, пока не загадим весь дом, а там видно будет”» [2, с. 229].

Номинальный собственник в системе оффшорного бизнеса не имеет права распоряжаться денежными средствами, находящимися на банковском счете действительного собственника, хотя счет номинально принадлежит «собственнику». Номинальный собственник сдает отчетность в налоговые органы, оплачивает налоги за счет средств действительного собственника.

Исследователь В. В. Гошуляк пишет: «Исходя из настоящих посылок необходимо отметить, что экономическое содержание отношений собственности характеризуется двумя основными аспектами: во-первых, хозяйственным господством над вещью, позволяющим собственнику по своему усмотрению и независимо от чьей-либо воли использовать принадлежащие ему материальные блага с целью получения доходов либо удовлетворения потребностей, устраняя при этом от них всех прочих лиц; во-вторых, бременем собственности, которое заключается в необходимости осуществления затрат на содержание, ремонт и охрану имущества, уплате налогов, а также в риске возможных потерь от нерационального либо неумелого хозяйствования, вплоть до разорения». Поэтому Е. А. Суханов, раскрывая экономическое содержание собственности, использует парные категории – *благо* и *бремя*. При этом под *благом* он понимает возможность собственника получать доходы или удовлетворять различные потребности, а под *бременем* – необходимость осуществления расходов по содержанию, ремонту, охране имущества, а также риск его гибели. Эту позицию следует разделить, т. к. она указывает на существенную характеристику собственности в экономическом смысле. Именно сочетание *блага* и *бремени* характеризует настоящего собственника, а отсутствие одной из названных составляющих исключает трансформацию владельца имущества в его подлинного хозяина.

Итак, анализируя категорию собственности в экономическом смысле, можно сделать вывод о том, что собственность в данном случае имеет две стороны. Во-первых, это отношения между лицами по поводу определенного имущества. Они выражаются в присвоении этого имущества конкретным лицом и недопустимости посягательств на имущество собственника со стороны третьих лиц. Во-вторых, это отношение лица к присвоенному имуществу как к своему собственному. И в том, и в другом случае собственник является носителем блага и бремени собственности [3, с. 2–3].

2. Долговое денежно-кредитное отношение versus бартерное и товарно-денежное отношение в экономике.

В долговом денежно-кредитном отношении деньги используются в функции средства отсроченного платежа, поэтому они позволяют «развязать» долг между кредитором и должником. Денежно-кредитное отношение диаметрально противоположно бартерному (продуктообмен) и товарно-денежному отношению (Т-Д). В последнем торгуются покупатель с продавцом, используя товар и деньги, вступая в прямое персонализированное отношение. Бартер «связывает» две стороны, которые напрямую обмениваются продуктами труда без денег. Бартерные сделки случайны и непостоянны, товарно-денежные и денежно-кредитные контракты носят регулярный характер.

В древнем римском праве кредитор мог превратить должника в раба и даже разрезать его на части для возмещения своих потерь, которые должник ему нанес. Согласно римской традиции право частной собственности человека на объект включает в себя также и право на уничтожение вещи.

Законы XII таблиц (лат. *Leges duodecim tabularum*; 451–450 год до н. э.) – старейший свод законов Древнего Рима, созданных как кодекс государственных законов от имени народа (*lex publica*). Они были изложены специально созданной комиссией из 10 человек (децемвиры с консульской властью для написания законов, лат. *decemviri consulari imperio legibus scribundis*). Данный свод законов регулировал все сферы жизни римского общества периода ранней Республики, такие как семейные и наследственные отношения, операции по займам, а также сферу уголовных преступлений.

Для примера возьмем сферу долговых отношений и регулятивные нормы, которые определялись законом о должниках. Генри Хоуэлл пишет: «...но здоровый или больной, старый или молодой, неплатежеспособный должник теперь находится в тисках закона и должен предстать перед судом...».

Принимаются все меры, чтобы дать тяжущимся сторонам в полной мере воспользоваться законными отсрочками и оградить их от подобающей спешки. Если судья, истец или ответчик заняты важным делом или неспособны явиться по болезни либо если любой из свидетелей не явился по требованию, рассмотрение дела приостанавливается. Отсутствующего свидетеля вызывают, приходя к его дому и громко выкрикивая его имя перед дверью. После всех формальностей и слушания дела судья переходит к оглашению приговора, и, если факт долга был четко установлен, должнику дается еще тридцать дней для сбора необходимой суммы. Если в конце этого срока деньги так и не были выплачены, неплательщика снова приводили к судье, и, если какой-нибудь достойный доверия человек не мог поручиться за него или не предлагал требуемую сумму, его передавали кредитору, который отводил его в свой дом и держал в оковах, обеспечивая его при необхо-

димости едой из расчета один фунт в день. Там должник оставался в течение двух месяцев, и кредитор был обязан приводить его в суд в течение трех последних рыночных дней, попадающих на этот период, чтобы дать возможность друзьям или родственникам выкупить его. Потом, наконец, если никто не приходил ему на выручку, должник попадал в полное распоряжение своего кредитора, или если кредиторов было несколько, они могли расщепить его на куски и разделить их между собой, “и если какой-либо кредитор отрубил больше своей доли, это не может быть поставлено ему в вину” с мрачной точностью добавлено в законе.

Таков был закон о должниках в Древнем мире, составленный специально для того, чтобы удовлетворить требования плебеев. Поскольку на его чрезмерную жестокость не было подано ни одной жалобы, остается прийти к выводу, что все классы общества согласились с этим железным стандартом гражданских обязательств [4, с. 85–86].

Долговое отношение вырастает из деперсонифицированных (анонимных, безличных) рыночных отношений, особенностью которых является универсальный характер их массового воспроизводства. Французская поговорка «нет земли без сеньора» точно выражала сущность принадлежности феодалам земли как основного условия и средства производства феодального способа производства. К. Маркс пишет: «Противоположность между властью земельной собственности, покоящейся на отношениях личного подчинения и господства, и безличной властью денег хорошо схвачена в двух французских поговорках: «Nulle terre sans seigneur» – «L'argent n'a pas de maitre» [«Нет земли без господина». – «Деньги не имеют хозяина»] [5, с. 157]. Отношения «феодал – крепостной крестьянин» являются персональными, поэтому зависимость крепостных крестьян от феодалов была личной, т. е. персонализированной. Данный тип отношений описывался с помощью «субъект – объектной» структуры и носили принудительный характер. Согласно учению К. Маркса, это были отношения эксплуатации крепостных крестьян феодалами.

Другая поговорка – «деньги не имеют хозяина» – выражает сущность деперсонифицированных рыночных отношений, внутренне присущих капиталистическому способу производства. Деньги как центральная категория рыночной экономики способствуют обезличиванию отношений между людьми, их универсализации. Через деньги достигается постоянное и бесперебойное воспроизводство массовых объемов продаж товаров, что свидетельствует об универсальном характере рыночных отношений между людьми. Исходя из непрерывной циркуляции денег как посредника в обмене товаров возникают универсальные правила их применения.

Абстрактность – это формально-юридическое свойство, которое выражает универсальность правила (алгоритма) изменений явления, которое

подвергается динамичному изменению. Поэтому законодательные органы государства, регулирующие рыночные отношения, вынуждены выделять абстрактный признак, носящий универсальный характер для того, чтобы юридически формально точно определить четкий критерий, позволяющий поддерживать высокую динамику массовых рыночных объемов продаж товаров и денег на рынке.

Абстрактность нормы права – имманентное свойство вынужденной обязательности массовых действий большого числа людей. На базе этого законосообразного явления государство вырабатывает норму (закон), который предписывает обязательные требования к поведению человека.

Это юридическая норма, которая требует обязательного исполнения требований закона, лежит в основании предписанного универсального и требуемого по закону правила поведения людей, входящих в общество. Согласно юридическим нормам, люди обязаны постоянно совершать стандартизированные действия по определенному алгоритму поведения. Эти действия являются неоднократными и постоянными.

Норма права носит обязательный и универсальный характер. Она требует от людей действовать по правилам, вытекающим из содержания нормы закона, которая обусловлена соотношением прав и обязанностей человека. Норма закона в экономике не обязательно создает стимулы для поощрения и санкции для наказания в случае ее нарушения. В этом видно отличие формальных институтов права от неформальных правил поведения людей, принадлежащих к определенной этнической группе.

Универсальный стандарт поведения людей является фундаментом, на котором строятся нормы права. Принципу долженствования обязаны следовать субъекты права. Принцип абстрактности нормы права позволяет создать в правовой системе правило бесспорности и безусловности формального требования к возврату долга вне зависимости от тех причин, которые субъективно стоят за долговыми отношениями контрагентов. Абстрактность признака означает его формально-юридическую обоснованность. В то время как факт документально подтверждается вещественными доказательствами.

В торговле товарами широко используются универсальные кредитные операции, с помощью которых кредиторы стимулируют ускорение товарных оборотов на рынке. Старые правила законов XII таблиц, построенные на натуралистических представлениях о долгах, изжили себя и прекратили действовать. В условиях развитого рынка, который исключает совершение значительных по размерам объемов бартерных операций, переуступка прав собственности другому лицу на рынке исключает требование кредитора, связанное с физическим телом должника. Это уже считалось варварским атавизмом, с помощью которого в натуральной экономике кредитор мог требовать тело должника как разновидность натурализованного имущества

для компенсации долга. Таким образом, наличие долгового обязательства дебитора в долговом отношении влечет за собой создание *прав требования кредитора на актив для погашения долга, переуступаемого на рынке*. Возникает не просто оборот долгов, а оборот обязательств-требований или, что то же самое активов-обязательств.

Внутренняя устойчивость гражданской общины Рима являлась предметом особой заботы высших должностных лиц (магистратов) республики – консулов, сенаторов, народных трибунов. Превращение Вечного города в гегемона Средиземноморья привело к сильному углублению общественного неравенства между богатыми и бедными, что значительно усиливало социальную напряженность в общине. Высшие магистраты Рима следили за процессом обезземеливания римлян и предпринимали меры по ограничению долгового рабства граждан.

Ученый Макс Вебер писал о системе античной демократии, построенной на «противоположности между земледельцами и безземельными. Proletarius это вовсе не человек, служащий государству только воспроизведением потомства, как полагает Моммзен; это лишенный наследства потомок земледельца и полноправного гражданина, assiduus. Вся политика того времени была направлена к тому, чтобы помешать появлению таких proletarii, для чего ограничивалось обращение в рабство за долги и смягчалось долговое право: коренная противоположность в древности выявлялась именно между горожанином-кредитором и крестьянином-должником. В городе жили сужающие деньги патриции; в деревне – занимающий эти деньги мелкий люд. При особенностях античного долгового права такие взаимоотношения легко приводили к потере собственности и пролетаризации населения. Вследствие этого античный город выработал не продовольственную политику, как это было в средневековом городе, но военную политику поддержания κλῆρος (клер, греч. надел, жребий), fundus, из которого можно было черпать все необходимое для жизни и вооружения. В Риме больше всего боялись ослабления военной мощи. Таким образом, даже коренные реформы Гракхов не были вызваны классовой борьбой в современном смысле этого слова: они основывались на чисто военных соображениях и были последней попыткой спасти систему вооруженного гражданского ополчения от замены ее оплачиваемым войском из добровольцев» [6, с. 298].

3. Концепция понятия вещь.

Однако продолжим системный анализ двух подсистем отношений «человек – вещь» и «человек – вещь – человек». Если рассматривать понятие *вещь* с точки зрения отношений собственности между людьми в экономике общества, то это движимое и недвижимое имущество. Сюда же относится и человек, в котором в эпоху рабовладельческой формации рабовладельцы Рима видели «говорящее орудие». В Новое время Джон Локк (1632–1704) в

качестве частной собственности определял и саму личность человека [7, с. 298]. В концепции Локка, государство выполняет функции по защите прав и интересов частных собственников, выступая в качестве гаранта равных прав, свобод и равных возможностей для всех людей.

В рамках широкого методологического подхода понятие *вещь* трактуется как пассивный объект, на который оказывают воздействие люди, вступая в отношения друг с другом относительно «вещи». В данном случае мы наблюдаем динамическое отношение «человек – вещь – человек», в котором люди взаимодействуют друг с другом, используя «вещь». При этом воля одного человека («субъекта») преобладает над волей другого человека, который сводится к «объекту» («вещи»). Последнему навязывается воля доминирующего «субъекта» в отношении «субъект – объект». Здесь мы исследуем динамический процесс взаимодействия между людьми, которые вступая в контакт друг с другом, определяют и упорядочивают свои цели, потребности и интересы относительно «вещей», находящихся в поле их взаимодействия. Из отношений между людьми по поводу «вещей» возникает различные подсистемы экономических, социальных, политических и других видов общественных отношений, которые «стягивают» общество в единое целое.

Используя широкий методологический подход, ученый исследует сложную динамику процесса взаимодействия между людьми. Этот динамический процесс состоит из разных взаимосвязанных между собой этапов (состояний), которые завершаются определенными результатами взаимодействия между людьми относительно «вещей». Последние «втягиваются» в динамическое «поле», в котором люди определяют и упорядочивают свои цели, потребности и интересы. Динамические состояния общества, в которых наука исследует сложный спектр отношений между людьми, которые коренятся в фундаментальном отношении «человек – вещь – человек», по своему содержанию шире и содержательно богаче отношения «человек – вещь».

Например, долговое отношение строится на юридически равноправном отношении сторон, т. к. этому способствует отсрочка платежа дебитора кредитору. В этом случае время и место, которое находится в исторически определенном пространстве взаимодействия между людьми, – это существенные переменные динамики общества. В отношении «человек – вещь» мы фиксируем результаты динамики активного воздействия человека на вещь. Это отношение рассматривается двояко. Во-первых, как отношение «человек – природа». Во-вторых, с помощью модели «человек – вещь» исследуется система общественных отношений. Например, это выражает отношения «рабовладелец – раб», «феодал – крепостной крестьянин». Раб и крепостной крестьянин обладают определенным (относительно небольшим) потенциалом активности, так как они не способны ясно сформулировать и навязать свою волю,

цели, потребности и интересы рабовладельцу и феодалу. Анализируя отношения «человек – вещь» («субъект – объект») мы исследуем статику системы общественных отношений, где невысока сила обратных связей (реординации), направленных от объекта к субъекту. Однако в системе отношений «человек – природа» обратные связи все же действуют, что находит свое проявление в экологическом кризисе.

При переходе от относительно статичных состояний общества к анализу его динамики возникает настоятельная необходимость исследовать фактор времени и пространства, которые оказывают существенное влияние на результаты взаимодействия между людьми. В этом случае мы сталкиваемся со сложными пространственно-временными характеристиками человеческих отношений, т. к. люди действуют в системе отношений непредсказуемости и риска.

Выше мы провели анализ долгового отношения, которое, с одной стороны, является отрицанием двух старых форм (Т-Т; Т-Д), а с другой, является принципиально новой формой кредитно-денежных отношений. В итоге люди нашли радикальную альтернативу как примитивному бартеру, так и купле-продаже товаров, которая происходит здесь и сейчас, в данный текущий момент и обслуживается деньгами в функции средства обмена. Процесс эволюции товарно-денежных форм обмена – есть отрицание отрицания. Эволюция денежно-кредитных отношений проявляется в том, что долг, «развязываемый» с помощью денег в функции средства отсроченного платежа, позволяет уйти от относительно статичных форм рыночных отношений. Имеется ввиду выполнение деньгами функций простого посредника в обмене товаров (Т-Д).

Цена ухода от двух старых форм (Т-Т; Т-Д) – есть создание более сложной формы денежно-кредитных отношений. С помощью денег, используемых в функции средства отсроченного платежа, была разорвана цепь непрерывных сделок по формулам Т-Т и Т-Д. Кредитное отношение позволяет придать динамику рыночным отношениям, в основе которых лежат изменяющиеся факторы времени и пространства. Специфика функционирования денежно-кредитных отношений между людьми придает им сложность посредством динамики пространственно-временных характеристик. Здесь люди погружаются в такой тип отношений, когда выплата долга откладывается на время и возникает капитал как фактор производства и форма дохода с капитала – процент. Процент с капитала – это цена кредитных денег.

Люди действуют в обществе как функциональные единицы, взаимодействуя между собой. На латинском языке человек получил название «**индивидуум**» (лат. **individuum** – **неделимый**), т. е. персонифицированное целостное и нерасторжимое единство свойств и отношений, которое неразложимо на простые составные части и элементы. Автономия человека пре-

дотворяет возможность превращения его в неразличимую «пыль». Человек обладает внутренней неразложимой целостной человеческой природой, которая не распадается на анонимные атомы, мятущиеся в пустоте. Анализируя общественные отношения «человек – вещь – человек», мы исследуем динамический аспект отношений между людьми, которые действуют в рамках множества взаимосвязанных спонтанных факторов пространства и времени. Неразложимая в «пыль» природа человека позволяет ему создавать сложные траектории направленного движения к собственным целям, потребностям и интересам, согласуя их с другими членами общества.

Понять природу спонтанного функционирования факторов, их направленность движения – сложная проблема для науки. Риски в пространстве и времени, в которых действуют люди, вступающие друг с другом в общественные отношения, погружают их в непредсказуемую динамику изменяющихся временных и пространственных факторов человеческого взаимодействия. Алгоритмы их функционирования в обществе строятся на спонтанной и непредсказуемой координации самоорганизующейся деятельности людей, распределяющих между собой экономические результаты своей деятельности, которые они приобретают в процессе «присвоения – отчуждения» объектов собственности.

Определим содержание двух понятий – *распределение* и *обмен*. Это необходимо нам для корректного анализа отношений собственности. Отношения распределения несут два смысла: макросистемный и микросистемный. С точки зрения макросистемы *отношения распределения* между людьми представляют собой форму присвоения субъектами объектов собственности с помощью специфических нерыночных инструментов. Приведем пример. В тоталитарном обществе органы государственного управления экономикой (Госплан, Госбанк, Минфин, Госкомцен, Госснаб) напрямую управляют деятельностью социалистических предприятий, организаций и работников. Тем самым государство оказывает принудительное воздействие на превращение товарно-денежных и кредитно-денежных отношений в продукто-товарные отношения, из которых выхолощено денежное и кредитное содержание. Эмиссия денег Госбанком СССР в директивной плановой экономике осуществляется прямо на государственные предприятия для финансирования централизованных плановых директивных заданий для планового производства натуральной продукции. В директивной экономике товар превращается в натуральный продукт, деньги теряют свое внутреннее содержание, а капитал уничтожается на генетическом уровне. Доминирующей формой обмена между государственными предприятиями в плановой экономике является бартер, скрытый за формой квази-денежных отношений.

Рассмотрим микросистемный смысл термина *отношения распределения* между людьми внутри хозяйственной единицы (кровнородственной

общины, предприятия, организации). В этом случае объекты распределяются между людьми и структурными подразделениями в соответствии с выполняемыми ими производственными функциями. В сфере потребления хозяйственная единица осуществляет распределение конечного результата деятельности между людьми в соответствии с принципами отношений собственности. *Обмен* – есть форма (способ) присвоения-отчуждения объектов собственности между субъектами отношений собственности, используя товарно-денежные отношения.

Из своего потенциального (спящего) состояния система общественных отношений между людьми в процессе их динамического взаимодействия актуализируется. Фундаментальное значение для функционирования предприятий имеют феномены непредсказуемости и риска, которые проявляются через категории пространства и времени. Именно в эту спонтанно функционирующую среду погружены люди, действующие в созвездии разнообразных непредсказуемых факторов экономической деятельности. Экономические результаты производства люди распределяют между собой, исходя из критериев, которые вырабатываются ими в исторически определенном обществе. При этом важную роль играют отношения собственности и иерархия, в которую встроены люди, имеющие разный статус, обладающие разнообразными функциями, которые они выполняют в обществе. Иерархия строится на системе отношений зависимости, подчинения и власти, в рамках которых люди вступают во взаимодействие.

Иерархия в обществе – есть ничто иное как существование людей в системе общественного разделения труда. В иерархически организованной системе общественных отношений самой природой вещей (законом функционирования общества) люди поставлены в зависимость друг от друга, т. к. они выполняют в обществе частичные специализированные функции, действуя в системе общественного разделения труда. Отношения зависимости функционально реализуются через взаимосвязанные подсистемы отношений ординации (упорядоченности). Люди соподчинены между собой посредством отношений субординации, координации, реординации.

В зависимости от выполняемых функций в обществе люди обладают определенным весом и влиятельностью. Посредством функционирования отношений иерархии, зависимости и ординации происходит четкая фиксация экономических результатов, которые закрепляются в собственности людей посредством механизмов присвоения и отчуждения объектов собственности.

Приведем пример из экономической жизни людей. Фундаментальными факторами динамики временного процесса взаимодействия между людьми являются закономерности динамики протекания явлений, связанных с непредсказуемостью и рисками осуществления сделок. В процессе взаимодей-

ствия в отношении «человек – вещь – человек» выделяется человек доминирующий в отношении, т. е. активный субъект отношения, а также ведомый человек, подчиненный ему. В отношениях людей осуществляется процесс соотнесения, согласования, подчинения или навязывания своей воли противоположной стороне отношения. В соответствии с преобладанием воли ведущего «субъекта» отношения происходит навязывание своих целей, потребностей и интересов подчиненной стороне отношения, которая приобретает свойства «объекта». Причиной такого состояния вещей является то, что определившаяся активная (доминирующая) сторона экономических отношений выполняет более значимые и весомые в иерархии общества функции субъекта, т. к. обладает большей жизненной силой.

Существует многообразие форм и способов, в соответствии с которыми активный субъект навязывает свою волю другой стороне экономических отношений – объекту, ставя его в пассивную (подчиненную) позицию, посредством выстраивания системы отношений зависимости. Принципы зависимости, на которых строятся определенные типы иерархии, дифференцируются от самых жестоких форм, таких как «античное рабство» в Древнем Риме, плантационное рабство негров в Латинской Америке до относительно «мягких» – зависимость лиц наемного труда от своих работодателей в капиталистической рыночной экономике. В этом случае субъект как активная (доминирующая) сторона экономических отношений навязывает свою волю другому человеку, превращая его в объект своих целей, потребностей и интересов, которые субъект навязывает объекту.

Между людьми создается иерархия отношений, в рамках которой субъект проявляет свою волю с целью реализации собственных целей, потребностей и интересов. Пассивная (подчиненная) сторона экономических отношений принимает правила взаимодействия, закрепленные в системе иерархии и зависимости, занимая подчиненную, более уязвимую позицию. Этот человек приобретает статус подчиненного объекта в иерархии общества, т. к. его интеллект, воля и жизненная сила намного слабее интеллекта, воли и жизненной силы доминирующего субъекта. Поэтому человек, находящийся в статусе подчиненного, превращается в «объект» отношений. Он вынужден корректировать свои цели, потребности и интересы, ограничивая собственные запросы, а также «снимать» недостижимые в сложившихся условиях желания.

Из приведенных рассуждений следует то, что потенциальная возможность отношений между людьми из статичного состояния переходит в процесс актуализируемой динамики. Динамические изменения приобретают свойства спонтанной вариативности изменений, которые совершаются в условиях непредсказуемости исторического времени и пространства. Данные категории по своей природе отражают динамическую сущность явлений.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что широкая и узкая концепции понятия *вещь* находятся в определенном противоречии. Причиной противоречия является то, что динамическое отношение «человек – вещь – человек» не тождественно отношению «человек – вещь», а также усеченному отношению, которое часто неправомерно сводят к отношению «человек – человек», несмотря на то, что оно не тождественно отношению «человек – вещь – человек». Неверный анализ либо не учитывает, либо сознательно «выбрасывает» понятие *вещь* («объект») из целостного динамического отношения «человек – вещь – человек». Тем самым происходит отрицание эмпирических фактов в угоду абстрактной схеме, которая является источником создания искусственных (утопических) построений, имеющих отдаленное отношение к действительности.

Слово *утопия* дословно означает «место, которого нет», т. е. ни временные, ни пространственные характеристики эмпирического явления к этой искусственной (утопической) конструкции не применимы. Утопист отрицает эмпирическую действительность и строит утопию на искусственном отношении «человек – человек». Он может использовать модель «человек – вещь». Однако альфой и омегой его утопии будет отрицание синтетического отношения «человек – вещь – человек». В частности, К. Маркс и Ф. Энгельс создали утопию, где они, приняв исходные нереалистичные интенции мышления, использовали неверную методологию. Утопия ведет к естественной подмене понятий и построению ошибочной теории.

Правоведы Т. Г. Васильева и О. М. Пашаева пишут: «Понятие вещей в классический период в римском праве использовалось в широком смысле. В него входили не только вещи материальных предметов внешнего мира, но также *юридические отношения и права* (выделено мною – У. В. Н.).

Термин “вещь” (*res*) употребляется в нескольких значениях. Вещами считалось как все то, что существует в материальном мире (с этой точки зрения термин “вещь” употреблялся не только юристами, но и философами Древнего Рима), так и *объекты имущественных прав и правовые отношения в целом* (выделено мною – У. В. Н.).

Наиболее общим образом вещи делились на: 1) вещи Божественного права (священные, святые и религиозные). К вещам Божественного права относились храмы, земля, на которой они находились, гробницы, скульптуры богов; 2) вещи человеческого права: – публичные, принадлежащие политической совокупности граждан. К таким вещам относились театры, стадионы, реки, пользование берегами рек; – частные, принадлежащие отдельным лицам» [8, с. 59].

Подведем промежуточный итог статическому и динамическому анализу общественных отношений. Узкая концепция понятия *вещь*, с помощью которой определяется сущность данного термина, позволяет зафиксировать ре-

зультат процесса воздействия человека на вещь, как *абстрактно суженный срез* отношений между людьми. В процессе анализа исследователь как будто бы «вырезает» отношение «человек – вещь», имея ввиду, что оно абстрактно «изъято» из широкой системы отношений «человек – вещь – человек». В этом заключается сущность статичного анализа человеческих отношений. Для того, чтобы вернуться к отношению «человек – вещь – человек», аналитик, до этого осуществивший процесс абстрактного «вырезания» данного отношения и в результате пришедший к отношению «человек – вещь», должен осуществить синтез из множества этих абстрактных фрагментов для того, чтобы обратно «склеить» их в широкую систему отношений «человек – вещь – человек».

Это суперсложная задача, которую ясно сформулировал Р. Акофф. Он писал: «система – это такое целое, которое нельзя разделить на независимые части. <...> Существенные свойства системы, взятой как целое, вытекают из *взаимодействия* ее частей, а не из их действий, взятых в отдельности. Поэтому, *когда система расчленена, она теряет свои сущностные свойства*. По данной причине – и это главное – *система есть целое, которое нельзя понять посредством анализа*» [9, с. 38–39]. В коротком предложении Р. Акофф гениально сформулировал неразрешимое противоречие (антиномию) научных исследований, которое является неразрешимым ввиду ограниченности человеческого разума.

Используя методологию для синтезирования аналитически рассеченного целого, мы должны диалектически соединить обратно в единую целостность множество неразрывно связанных между собой видовых отношений «человек – вещь» для того, чтобы «выйти» на отношения между людьми, в итоге получить органическое единое целое отношение «человек – вещь – человек». К сожалению, очень часто в классической и неоклассической политической экономии, использующей методологию механистического редукционизма, получается «Робинзонада». После проведения процедуры синтеза мы должны обратно получить единую систему общественных отношений между людьми, которые осуществляют производство, распределение, обмен и потребление «вещей».

Широкая концепция, определяющая сущность понятия *вещь*, помогает увидеть процесс взаимодействия между людьми с точки зрения их статуса, т. е. положения в иерархии общества. Проводимый анализ отношения «человек – вещь – человек» позволяет выявить, кто является субъектом, т. е. активно действующей силой, а кто находится в позиции пассивного объекта. Последний выполняет функцию «вещи», которую в рамках рабовладельческих отношений можно: 1) продавать; 2) обменивать на другую вещь; 3) передавать по наследству; 4) закладывать как вещь с целью совершения коммерческой сделки; 5) сдавать в аренду на определенное время; 6) дарить,

т. е. безвозмездно отчуждать в качестве подарка. С вещью совершаются также кредитные операции. Например, если кредитор не может взыскать долг с должника, он продает долг на рынке с дисконтом. В этом случае происходит продажа прав собственности на вещь, которая переходит к купившему ее человеку.

Существующее противоречие в узкой и широкой концепциях понятия *вещь*, преодолевается в том случае, если статику и динамику отношений мы рассматриваем как диалектическое взаимодействие. Поэтому вещь трактуется, с одной стороны, как пассивный объект, на который человек может воздействовать. С другой, вещь как объект понимается как переуступаемое право требования и обязательство. Объект представляет собой нематериальное отношение прав и обязанностей между людьми, которые вступают в общественные отношения друг с другом.

Юрист Д. В. Дождев пишет: «Вещное право регулирует отношения между людьми по поводу вещей: формы принадлежности вещей отдельным лицам и способы установления общезначимого господства над вещами. Модельным и наиболее полным правом на вещь является право собственности (*dominium*). Собственника отличает абсолютная правовая позиция по отношению к вещи: в процессе о праве на вещь как таковой (*in rem*) он в принципе сильнее любого третьего лица (включая обладателя любого другого права на вещь). Право собственности поэтому выступает как абстрактная принадлежность (*proprietas*) лицу вещи во всей полноте ее качеств. Сказать про вещь, что она принадлежит ему (*meum esse aio*), может только собственник» [10, с. 334].

Повторим еще раз – понятие *абстрактное* означает универсальное. Это выражение постоянно повторяющихся событий, в содержании которых можно обнаружить единое качество. В данном случае речь идет о том, что право собственности является устойчивым признаком вещей, которые принадлежат определенным субъектам, обладающим правом владения, пользования и распоряжения.

Если вещное право фиксирует права собственности субъекта на вещи, обязательственное право предполагает наличие характеристики динамического процесса изменений, которые складываются в отношениях обязательств и требований между людьми. В зрелой рыночной экономике возникает кредитный оборот, в котором существует возможность совершения кредитной сделки, связанной с разрывом во времени при выполнении обязательств и требований. В рамках кредитной сделки право требования на объект можно передать на определенный промежуток времени, который фиксируется в договоре. Право собственности на объект временно отчуждается от собственника. Однако по истечении срока его временный пользователь должен вернуть объект с приращением дохода (процентные плате-

жи). Здесь происходит переуступка кредитором прав требований на объект (актив) дебитору с обязательством (пассив) дебитора вернуть объект собственности по истечении. Согласно теории Р. Коуза, на рынке обращаются не сами вещи, а пучки прав собственности на них. В этом теоретическом положении, которое получено при использовании широкого методологического подхода более глубоко нежели при применении узкого методологического подхода, наука получает возможность исследовать динамику сложных (денежно-кредитных) отношений. Здесь раскрывается сущность рыночных отношений субъектов собственности по поводу циркуляции их прав на вещи.

Правовед Д. В. Дождев пишет: «Обязательство придает распределительным отношениям в обществе абстрактную форму, позволяет преодолеть натуральный, непосредственно предметный характер обмена. Обещанное предоставление является не меньшим благом, чем полученное, если исполнение гарантировано» [10, с. 784].

Американский историк Р. Пайпс отмечает: «Но в более широком смысле, по терминологии, которую усвоила западная теоретическая мысль, “собственность” с конца средних веков стала охватывать все лично присущее и принадлежащее человеку (латинское *suum*), включая его жизнь и свободу. Именно такое широкое определение собственности (*property*) или “личного достояния” (“*propriety*”), как повелось говорить в Англии в семнадцатом веке и как впоследствии, по этому примеру, стали выражаться в американских колониях, перекидывает философский мостик между собственностью и свободой» [11, с. 15].

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс, К. Сочинения. 2-е. изд. / М. : Изд-во политической литературы, 1974. – К. Маркс и Ф. Энгельс. – Т. 42. – 536 с.
2. Носов, Н. Н. Незнайка на Луне. Роман-сказка / Н. Н. Носов. – М. : Детская литература, 1965. – 243 с., 20 ил.
3. Гошуляк, В. В. Юридическое содержание института собственности / В. В. Гошуляк // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2013. – № 1(1). – С. 1–6.
4. Хоуэлл, Г. Древний Рим / Г. Хоуэлл. – М. : Эксмо, 2007. – 672 с.
5. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс, Т. I, кн. I. Процесс производства капитала. – М. : Из-во политической литературы, 1978. – VIII, 907 с.
6. Вебер, М. История хозяйства. Биржа и ее значение / М. Вебер. – М. : «Гиперборея», «Кучково поле», 2007. – 432 с.
7. Локк, Дж. Сочинения в 3-х томах ; редкол.: М. Б. Митин (пред.) и др. ; пер. с англ. А. Н. Савина. – М. : Мысль, 1985. – Т. 2. – 560 с.

8. *Васильева, Т. Г.* Римское право. Конспект лекций / Т. Г. Васильева, О. М. Пашаева. – М. : Высшее образование, 2008. – 153 с.
9. *Акофф, Р.* Планирование будущего корпорации / Р. Акофф. – М. : Прогресс, 1985. – 326 с.
10. *Дождев, Д. В.* Римское частное право. Учебник для вузов. / Д. В. Дождев. – 2-е изд., изм. и доп.– М. : Норма, 2006. – 784 с.
11. *Пайпс, Р.* Собственность и свобода / Р. Пайпс. – М. : Моск. школа политических исследований, 2000. – 416 с.

Поступила в редакцию 06.05.2025

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 316.347.7(436.12):902:343.819.5(476.1)

Новікаў Сяргей Яўгеньевіч

кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
прафесар кафедры гісторыі і сацыяльных
навук

Мінскі дзяржаўны лінгвістычны

ўніверсітэт

г. Мінск, Беларусь

Siarhei Novikau

PhD in History, Associate Professor,
Professor of the Department of History
and Social Sciences

Minsk State Linguistic University

Minsk, Belarus

e-mail: siarhnovikau@gmail.com

ВЕНСКИЯ ЯЎРЭІ ЯК АБ'ЕКТЫ ГІСТАРЫЧНАЙ АРХЕАЛОГІІ Ў МАЛЫМ ТРАСЦЯНЦЫ

Theune, C. "... als Umzugsgut sind gestattet ..." – Deportiert aus Wien und ermordet in Malyj Trostenez. Objekte einer letzten Reise / C. Theune // Beiträge zur Mittelalter- und Neuzeitarchäologie in Österreich (Beiheft). – 2024. – Nr. 15. – S. 460–468.

У рэцэнзіі разглядаюцца аб'екты гістарычнай археалогіі на прыкладзе месца масавага знішчэння паблізу беларускай сталіцы – лагера смерці Трасцянец. Раскрываюцца важныя дэталі трагедыі венскіх яўрэяў, дэпартаваных з Аўстрыі ў Мінск з адзінай мэтай – знішчэння. На аснове аналізу археалагічных матэрыялаў выяўлена прыналежнасць асабістых прадметаў, знойдзеных на тэрыторыі ўрочышча Благаўшчына ў ходзе правядзення будаўнічых работ па ўзвядзенні Мемарыяльнага комплексу. Прыведзены фактычныя даныя аб колькасці дэпартаваных і знішчаных у Трасцянец аўстрыйскіх яўрэяў у 1941–1942 гг.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: гістарычная археалогія; Малы Трасцянец; месца знішчэння; Вена; яўрэі Аўстрыі; дэпартацыі; асабістыя прадметы.

VIENNA JEWS AS OBJECTS OF HISTORICAL ARCHAEOLOGY IN MALY TROSTENETS

The review examines objects of historical archaeology using the example of a mass extermination site near the Belarusian capital – the death camp Trostenets. Important details of the tragedy of Vienna Jews deported from Austria to Minsk with the sole purpose of extermination are revealed. Based on the analysis of archaeological materials, the belonging of personal items found on the territory of the Blagovshchina tract during construction work on the Memorial Complex was determined. Factual data on the number of Austrian Jews deported and exterminated in Trostenets in 1941–1942 are provided.

Key words: historical archaeology; Maly Trostenets; place of destruction; Vienna; Jews of Austria; deportations; personal items.

Важнасць звароту да новай навуковай публікацыі¹ нямецкага археолага Сярэдніх вякоў і Новага часу, прафесара ўніверсітэта ў Вене Клаўдыі Тэўн (Claudia Theune) вынікае з вынікаў даследавання адметнай для цяперашняга беларускага чытача тэмы нацысцкага генацыду грамадзянскага насельніцтва, у тым ліку аўстрыйскіх яўрэяў, на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў 1942–1943 гг., у нашым выпадку, на прыкладзе месца масавага знішчэння Малы Трасцянец (мал. 1). Як гэта ні дзіўна гучыць для беларускага чытача, менавіта археалогія Найноўшага часу з’яўляецца прадметам больш чым 20-гадовых пошукаў гісторыкаў з Інстытута старажытнай гісторыі і гістарычнай археалогіі ў Вене (Аўстрыя), дзе апошнія гады актыўна працуе нямецкая даследчыца і аўтар вышэйзгаданага артыкула. У фокусе яе архіўных пошукаў па археалагічнай гісторыі знаходзяцца аб’екты былых канцэнтрацыйных лагераў, лагераў для прымусовага ўтрымання і месцы масавага знішчэння людзей у Аўстрыі, Германіі і іншых еўрапейскіх рэгіёнах, а таксама ў краінах за межамі кантынента. У цэнтры яе навуковага інтарэсу палягаюць матэрыяльныя аб’екты, пакінутыя як ахвярамі, так і злачынцамі. Апроч таго, археолаг вывучае стратэгіі выжывання вязняў розных месцаў прымусовага ўтрымання і знішчэння, у тым ліку актыўна займаецца распрацоўкай сваёй праблематыкі метадам параўнання розных лагераў і месцаў знішчэння. У нашым выпадку надзвычайная актуальнасць яе пошукаў таксама звязана з агульнай лічбай ахвяр (гл. далей тэкст рэцэнзіі), якія загінулі ці былі забіты нацысцкімі злачынцамі ў раёне Малога Трасцянца².

Даследчыцкі інтарэс у шырокай беларускай грамадскасці, у першую чаргу прафесійных ваенных гісторыкаў, да гэтай тэмы набыў асаблівае значэнне ў апошнія гады ў святле працы Генеральнай пракуратуры Рэспублікі Беларусь па расследаванні крымінальнай справы па фактах правядзення нацысцкімі злачынцамі, іх памагатымі, злачыннымі фарміраваннямі генацыду мірнага насельніцтва ў гады Вялікай Айчыннай вайны³, у тым ліку датычных лагера смерці Трасцянец⁴.

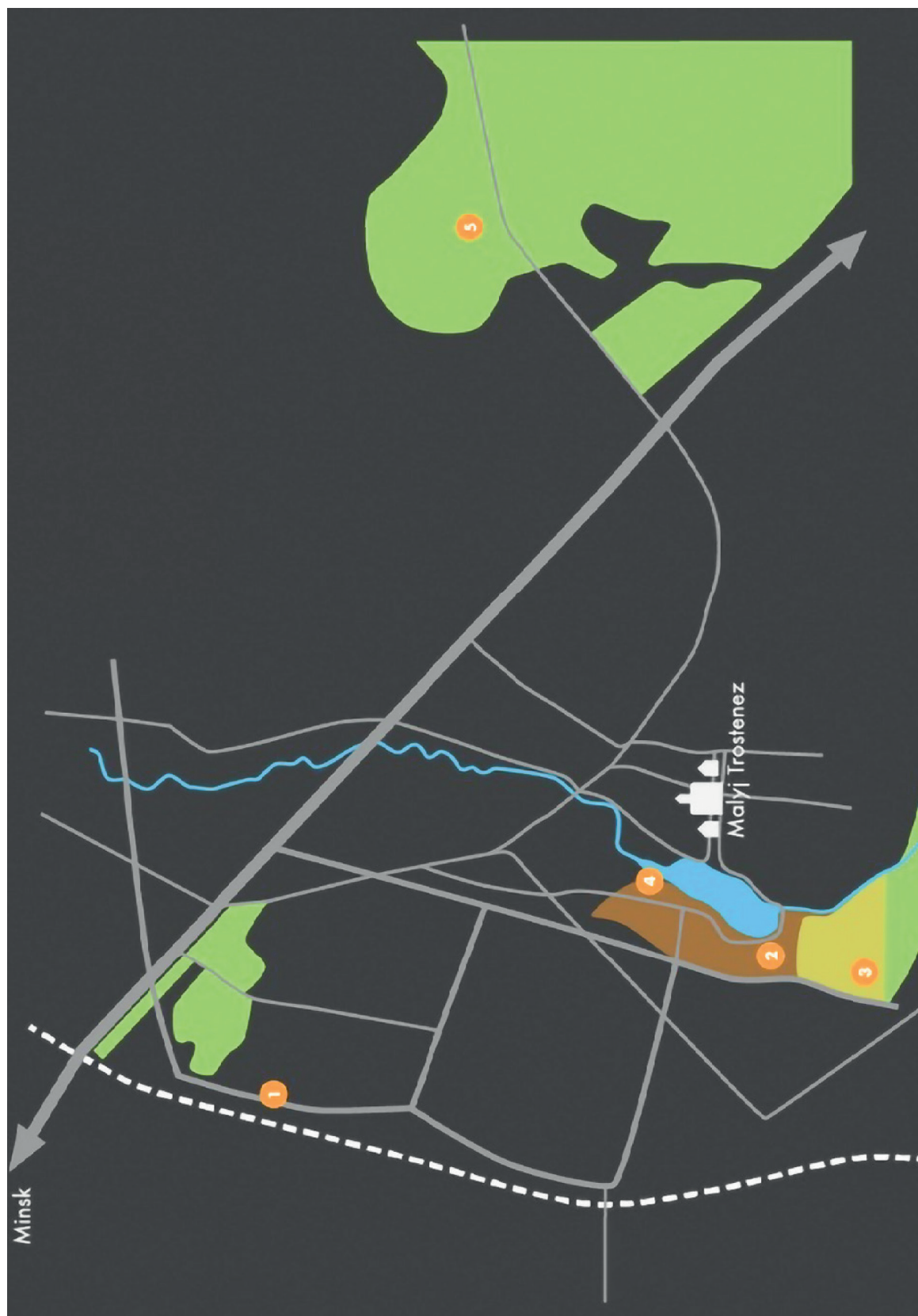
Навуковы інтарэс беларускіх гісторыкаў да прапанавай рэцэнзіі можа быць выкліканы тым фактам, што ў нямецкім матэрыяле ідзе размова аб маладаследаваных аспектах гэтай тэмы, над якой, як бачна, у цяпераш-

¹ Аўтар шчыра ўдзячны вядучаму навуковаму супрацоўніку цэнтра археалогіі Сярэдніх вякоў і Новага часу Інстытута гісторыі НАН Беларусі, кандыдату гістарычных навук, дацэнту В. І. Кошману за інфармацыю ў дачыненні да выхаду рэцэнзуемай працы.

² Claudia Theune. Leben, Karriere und Leistungen. – URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Claudia_Theune (дата звароту: 15.02.2025).

³ Геноцид белорусского народа = Genocide of the Belarussian people: информационно-аналитические материалы и документы / Генеральная прокуратура Республики Беларусь ; под об. ред. А. И. Шведа. – Минск : Беларусь, 2022. – С. 6.

⁴ Там жа. – С. 38–43.

Мал. 1. Мапа масавага забойства ў Малым Трасцянец. (1) Пункт прыбыцця цягнікоў; (2) лагер; (3) Шашкоўскі лес; (4) гумно; (5) Благаўшчынскі лес.

ні час працуюць навукоўцы розных краін, у тым ліку і Беларусі¹. Зварот да замежнага выдання “XIX і XX стагоддзі ў фокусе гістарычнай археалогіі”², якое выйшла ў мінулым годзе ў Вене дзякуючы падтрымцы Аўстрыйскага таварыства па археалогіі Сярэдніх вякоў і Новага часу, раскрывае беларускай чытацкай аўдыторыі маштабы дзейнасці археолагаў у гэтай навуковай сферы. Так, у чарговым (нумар 15) дадатку да рэгулярнага выдання “Дакладаў па археалогіі Сярэдніх вякоў і Новага часу ў Аўстрыі” (да гэтага часу выйшла 40 нумароў) прадстаўлена шырокая панарама археалагічных ведаў аб выніках распрацоўкі самай рознай праблематыкі, у тым ліку: аспектаў і маштабаў гістарычнай археалогіі XIX і XX стагоддзяў; дыяхроннага разгляду рэгіянальнага развіцця; сельскай мясцовасці і сельскага вобраза жыцця: індустрыялізацыі і індустрыяльнай культуры; каланіялізму; бытавых адыходаў і сацыяльных практык; яўрэйскай матэрыяльнай культуры; ландшафтаў і інструментаў вайны; дзяржаўнага тэрору, ваеннай эканомікі і эксплуатацыі; ваеннага палону і супраціву.

Рэцэнзуемы артыкул пад назвай “...Дазволена ў якасці перамяшчаных тавараў...” – Дэпартаваныя з Вены і забітыя ў Малам Трасцянец. Аб’екты апошняй вандроўкі” (S. 460–468) уключаны ў зборнік у заключны раздзел “Забітыя людзі і дыскурс памяці” (S. 448–488). У анатацыі да артыкула К. Тэун звяртае ўвагу на гістарычныя факты, датычныя Малага Трасцянца,

¹ Кошман, В. Да пытання аб ідэнтыфікацыі ахвяр лагера Малы Трасцянец (па матэрыялах археалагічных даследаванняў) / В. Кошман // Беларускі гістарычны часопіс. – 2020. – № 5. – С. 4–11; Кошман, В. И. Фалеристический материал с места массового уничтожения населения в урочище Благовщина (Малый Тростенец) в 1942–1943 гг. / В. И. Кошман // Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2021. – Т. 66. – № 4. – С. 432–442; Кошман В. И. Трагедия урочища Благовщина: анализ огнестрельного материала по итогам археологического исследования / В. И. Кошман // Гісторыка-археалагічных зборнік. – Вып. 35. – 2021. – С. 188–199; Кошман, В. И. Лагерь Малый Тростенец как объект археологии Нового и Новейшего времени (по материалам работ 2018 года) // Матэрыялы па археалогіі беларусі. – Вып. 32. – 2022. – С. 5–13; Кошман, В. И. Лагерь Малый Тростенец и его инфраструктура по материалам археологических работ 2014–2015 гг. / В. И. Кошман // МАБ. – Мінск : Беларуская навука, 2016. – Вып. 27. – С. 215–227; Кошман, В. И. Нумизматический материал иностранных государств из урочища Благовщина: к характеристике места уничтожения периода Великой Отечественной войны (по материалам археологических работ 2017 г.) // Матэрыялы па археалогіі беларусі. – Мінск : Беларуская навука, 2016. – Вып. 33. – 2023. – С. 94–105; Новікаў С. Я. Мінскае гета і Малы Трасцянец: новае даследаванне / С. Я. Новікаў // Беларускі гістарычных часопіс. – 2012. – № 3. – С. 25–33; Новікаў С. Я. Урочышчы Благаўшчына – месца масавага знішчэння людзей на тэрыторыі Беларусі / С. Я. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2013. – № 10. – С. 21–27; Новікаў С. Я. Праблематыка нацысцкага генацыду ў раёне вёскі Малы Трасцянец у 1942–1944 гадах у святле найноўшых і ранейшых даследаванняў / С. Я. Новікаў // Przegląd Srodkowo-Wschodni. – 2019. – № 4. – Р. 523–556; Новікаў С. Я. Ліквідацыя слядоў масавых нацысцкіх злачынстваў у Беларусі ў 1943–1944 гг.: да пытання аб дзейнасці зондэркаманды 1005-Цэнтр / С. Я. Новікаў // Беларускі гістарычных часопіс. – 2019. – № 5. – С. 3–13.

² Claudia, Th. Das 19. und 20. Jahrhundert im Fokus der Historischen Archäologie / Th. Claudia, B. Hausmair, Ch. Schmid (Hrsg.) // The Historical Archaeology of the 19th and 20th Centuries. – Wien : Österreichische Gesellschaft für Mittelalter- und Neuzeitarchäologie, 2024. – 490 S.

пры гэтым адзначае, што менавіта дадзеная геаграфічная кропка на карце ўсходняй Еўропы стала месцам прымусовага перасялення яўрэяў Аўстрыі і іх дыпартацыі на ўсход. У перыяд з мая па кастрычнік 1942 г. у цягніках з Вены ў Малы Трасцянец было адпраўлена каля дзесяці¹ транспартаў агульнай колькасцю 10 000 чалавек²: яны былі забітыя там непасрэдна шляхам масавых расстрэлаў. Мяркуецца, што агульная колькасць ахвяр у гэтым месцы дасягала да 100 тысяч³ (S. 460). Даследчык адзначае, што на цяперашні час сталі вядомы шматлікія знаходкі з Малога Трасцянца, якія былі знойдзены на месцы забойства пры будаўніцтве новага мемарыяла ў 2017 і 2018 гадах. У пераважнай большасці ахвяры Малога Трасцянца маюць выразную спасылку на Вену і Аўстрыю. Асновай для гэтай высновы сталі матэрыяльныя прылады, якія людзі бралі з сабой у гэтае апошняе падарожжа. У артыкуле аўтар шукае сувязь паміж інструкцыямі на адпраўку з Вены і знаходкамі ў Малым Трасцянце.

У першым раздзеле “Уводзіны” (S. 461) археолаг разглядае адзін з лагераў для прымусовага ўтрымання людзей, створаных у час панавання ў Аўстрыі палітыкі нацыянал-сацыялізму. Археалагічнае даследаванне ў дачыненні да будаўнічых канструкцый, памяшканняў для забойстваў,

¹ Адпаведна дакументаў Галоўнай чыгуначнай дырэкцыі “Мінск”, якія захоўваюцца ў фондах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, з Вены ў напрамку Мінска з 28 лістапада 1941 г. па 5 кастрычніка 1942 г. былі адпраўлены 10 транспартаў з дэпартаванымі аўстрыйскімі яўрэямі: 9 транспартаў з аўстрыйскімі яўрэямі былі накіраваны для расстрэлу ва ўрочышча Благаўшчына, самы першы прыбыў у Мінскае гета 5 снежня 1941 г. – Гл. падрабязней: *Kohl, P. Das Vernichtungslager Trostenez. Augenzeugenberichte und Dokumente / P. Kohl. – Dortmund : IBV, 2003. – S. 12.*

² Пытанне агульнай колькасці яўрэяў, дэпартаваных з Аўстрыі ў адпаведнасці з планам па “канчатковым вырашэнні яўрэйскага пытання”, патрабуе ўдакладненняў з улікам новых звестак. Нямецкі аўтар рэцэнзуюмага артыкула К. Тэун звяртаецца да вядомай у Аўстрыі і Беларусі працы В. Бартон (*Waltraut Barton, Ermordet in Maly Trostinez: Die österreichischen Opfer der Shoa. Wien, 2012*), пры гэтым пакідае без увагі ўдакладненні, унесеныя самой аўстрыйскай аўтаркай у дачыненні да агульнай колькасці яўрэяў, дэпартаваных з Вены ў Мінск. Так, у ходзе выступлення ад арганізацыі IM-MER на мерапрыемствах па ўшанаванні памяці аб ахвярах Шоа ў Асвенціме 27 студзеня 2015 г. В. Бартон назвала Малы Трасцянец галоўным месцам памяці для сучасных жыхароў Аўстрыі. Падставай для гэтага з’яўляюцца новыя падлікі, праведзеныя ў дачыненні да яўрэяў, дэпартаваных на ўсход увогуле, у тым ліку з папярэднім вывазам на работы ў лагер Тэрэзіен, адкуль яны былі адпраўлены ў жніўні і верасні 1942 г. далей на ўсход для забойства ў Малым Трасцянце. Такім чынам, па падліках Бартон, паводле цяперашняга стана навуковых ведаў агульная колькасць забітых у Благаўшчыне і Мінскім гета складае не менш за 13 000, больш верагодна 13 500 чалавек. Таму Малы Трасцянец можна лічыць найважнейшым месцам памяці ахвяр Шоа ў Аўстрыі. – Гл. падрабязней: *Waltraud Barton, IM-MER – 27.01.2015. Rede am Heldenplatz // Holocaust: Gedenken am Heldenplatz. – URL: <https://wien.orf.at/v2/news/stories/2691681/> (дата звароту: 17.02.2025).*

³ Заўважым, што нямецкі археолаг прыводзіць лічбу ў амаль 100 тысяч ахвяр, якія былі адразу забіты і пазней спалены ва ўрочышчы Благаўшчына, але пры гэтым не робіць аніякай дакументальнай прывязкі, то бок не паказвае крыніцу паходжання такой лічбы. – Гл. падрабязней: *Новікаў, С. Я. Аб’ектнае канструяванне мінулага – бяспрэчная аксіёма гістарычнай навуцы / С. Я. Новікаў. – Беларуская думка. – 2022. – № 11. – С. 81–89.*

баракаў для зняволеных, будынкаў і агародж і інш. паказвае, што з'яўляецца вялікая колькасць аб'ектаў, якія дазваляюць шматгранна інтэрпрэтаваць жыццёвыя сітуацыі (ням. *Lebenslage*) або жыццёвае асяроддзе (ням. *Lebenswelt*) і ахарактарызаваць агульныя ўмовы жыцця і пакутаў у лагерах, а таксама месцаў смерці, расстрэлаў і вынішчэння. Сярод выяўленых аб'ектаў сустракаліся рэчы, якія мелі індывідуальнае прызначэнне, асабовыя надпісы або іншыя знакі. Артэфакты, якія зняволеныя зрабілі самі, сведчылі аб тым, што вязні лагераў імкнуліся да пошуку любым сродкаў для выжывання, а таксама шукалі стратэгіі для пераадолення выпрабаванняў. Аўтар пераканана, што ў даследаваннях на сённяшні дзень надаецца вельмі мала ўвагі параўнанню існуючых перадумоў (S. 461). Іншая сітуацыя была ў месцах ці цэнтрах знішчэння. У такіх ахвяр шанцаў выжыць не было. Напрыклад, пад выглядам перасялення людзей перавозілі ад іх апошніх месцаў пражывання да спецыяльных месцаў для знішчэння і забівалі там. У выніку даследчыкам зроблены вывад, што такім месцам знішчэння стаў Малы Трасцянец, дзе выяўлены шматлікія ўласныя рэчы людзей, якія сведчаць аб іх прывязцы да месца паходжання гэтых рэчаў. Таксама праз гэта можна параўнаць, наколькі дэпартацыі адпавядалі тым інструкцыям, у якіх на месцах ладзіліся падрыхтоўчыя работы.

У другім раздзеле “Высылкі з Вены ў Малы Трасцянец: гістарычная даведка і памяць” (S. 461–462) К. Тэун адзначае, што пасля так званага аншлюсу Аўстрыі Германскі рэйх у сакавіку 1938 г. усе важныя інстытуты былі пераняты, і сацыяльнае і палітычнае жыццё пачало цалкам кантралявацца нацыянал-сацыялістамі на працягу першых некалькіх тыдняў ці месяцаў. У той жа час пачаўся пераслед незлічонай колькасці людзей з-за іх ідэалогіі, палітычнай, сацыяльнай і грамадскай пазіцыі або іх рэлігійнага ці этнічнага паходжання. У гэтых умовах людзі былі пазбаўленыя сваёй годнасці, свабоды і жыцця. У першую чаргу гэта тычылася яўрэйскай абшчыны (*Israelitische Kultusgemeinde*) у Аўстрыі, у якой, паводле тагачасных ацэнак, было на ўліку больш за 180 000 яўрэяў, каля 165 000 з якіх жылі ў Вене. Аўтар канстатуе: на той час у Аўстрыі каля 200 000 былі класіфікаваны нацыстамі як яўрэі у адпаведнасці з расавымі законамі яны былі бяспраўнымі і часта пазбаўленыя дамоў, асабліва з восені 1939 г.; ім даводзілася жыць у значна больш сціснутых умовах, у так званым калектыўным жыллі (ням. *Sammelwohnungen*); ім часта даводзілася дзяліць некалькі квадратных метраў жылой плошчы з іншымі сям'ямі (S. 461–462).

З лета 1941 г. пераслед узмацніўся яшчэ больш і пачаліся дэпартацыі гэтага насельніцтва. Па месцы жыхарства людзям казалі, што пры перасяленні ў новыя месцы яны будуць расселены адпаведна інструкцый

для паездкі, у тым ліку інструкцыі для іх багажу. На справе, у месцах дэпартацыі, іх звычайна адразу ж забівалі. Зімой 1941/42 – вясной 1942 гг. былі створаны цэнтры знішчэння людзей у такіх месцах, як Кульмгоф, Белжэц, Сабібор і Трэблінка (усё на тэрыторыі сучаснай Польшчы). Адзіная мэта – сістэматычнае забойства. У пералік месцаў забойстваў пазней трапілі лагеры у Аўшвіц-Біркенаў і Майданеку: тут адбываліся сістэматычныя масавыя забойствы, мільёны людзей згубілі жыццё ў газавых камерах ці ў ходзе масавых расстрэлаў.

Паводле дакументаў, Малы Трасцянец пад Мінскам неабходна таксама класіфікаваць як месца знішчэння, дзе каля 100 тысяч чалавек былі забітыя там у выніку масавых расстрэлаў у перыяд з мая 1942 па ліпень 1944 гг.¹, прычым з іх каля 10 тысяч з Вены. Гэта азначае, што ад чыгуначнай станцыі Аспанг у Вене людзей дастаўлялі цягнікамі ў Мінск ці Малы Трасцянец (каля 1300 км). Паездка на цягніку працягвалася некалькі дзён (мал. 2), пасля прыбыцця дэпартавання адразу ж расстрэльваліся ў лясным масіве Благаўшчына ці ў шашкоўскім лесе², або ахвяры былі забітыя ў мабільных газавых аўтафургонах. Побач быў лагер, дзе знаходзіліся некаторыя зняволеныя, якія вымушаны былі працаваць у гаспадарцы ці ў розных майстэрнях.

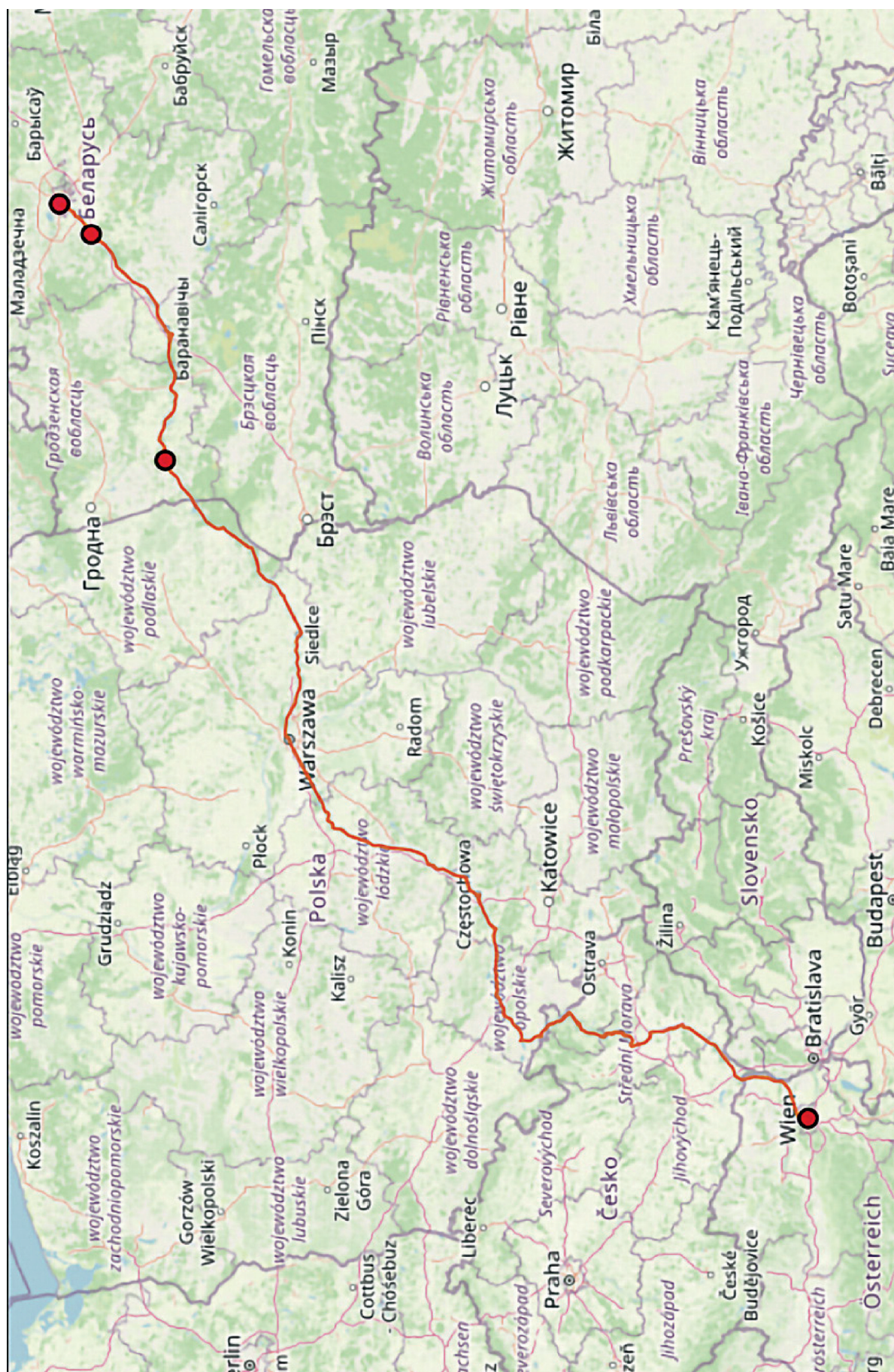
Малы Трасцянец апынуўся ў цэнтры міжнароднай культуры памяці значна пазней за іншыя месцы, асабліва ў параўнанні з еўрапейскімі краінамі. На цяперашні дзень у Аўстрыі зыходзяць з таго, што вялікая колькасць ахвяр з Аўстрыі ў цэлым і Вены ў прыватнасці была зафіксавана якраз у месцы знішчэння пад назвай Малы Трасцянец. У артыкуле даследчык заўважае, што гэта стала магчыма дзякуючы дзейнасці аўстрыйскай грамадзянскай супольнасці, якая стварыла спецыяльную арганізацыю³: з моманту стварэння яе ўзначальвае В. Бартон, сям'я якой пацярпела ў Малым Трасцянце ў 1942 г. (S. 462).

У артыкуле адзначаецца, што сённяшняе мемарыяльнае месца ўключае ў сябе некалькі месцаў памяці: лес памяці ў Благаўшчыне, дзе імёны забітых

¹ Нагадаем беларускаму чытачу, што з канца кастрычніка да сярэдзіны снежня 1943 г. на месцы масавых расстрэлаў ва ўрочышчы Благаўшчына працавала спецыяльная каманда па ліквідацыі слядоў нацысцкіх злачынстваў, што спыніла масавыя расстрэлы ў гэтым месцы. Больш таго, у канцы кастрычніка было канчаткова ліквідавана Мінскае гета разам з яго апошнімі вязнямі. Гібель венскіх яўрэяў, якія яшчэ знаходзіліся ў працоўным лагеры каля вёскі Малы Трасцянец, мела месца, але не ў масавых, а адзіночных выпадках. – Гл. падрабязней: *Новікаў С. Я.* Ліквідацыя слядоў масавых нацысцкіх злачынстваў у Беларусі ў 1943–1944 гг.: да пытання аб дзейнасці зондэркаманды 1005-Цэнтр / *С. Я. Новікаў* // *Беларускі гістарычны часопіс*. – 2019. – № 5. – С. 3–13.

² Як бачна з дакументаў і грунтоўных распрацовак – не. Гл. падрабязней: *Morde in Schaschkowka und in der Scheune // Vernichtungsort Malyj Trostenez. – Dortmund : IBB, 2016. – S. 143–147.*

³ IM-MER. – URL: <http://www.waltraud-barton.at/immer/index.html> (дата звароту: 15.02.2025).

Мал. 2. Мапа чыгуначнага маршруту з Вены ў Малы Трасцянец.

венскіх яўрэяў змешчаны на ствалах дрэў; Брама Памяці, адкрытая ля вёскі Малы Трасцянец у 2015 годзе; так званы Масіў Імёнаў¹ (мал. 3), а таксама некалькі інфармацыйных дошак з агульнай інфармацыяй. Аўтар падкрэслівае, што важную ролю ў пашырэнні ведаў пра гэта месца знішчэння і месца еўрапейскай памяці адыграла перасоўная выстава, створаная сумеснымі намаганнямі беларускіх, нямецкіх і чэшскіх гісторыкаў, музейных работнікаў і супрацоўнікаў Дортмундскага адукацыйнага цэнтра².

У трэцім раздзеле “Інструкцыі цэнтральнага аддзела па яўрэйскай эміграцыі адносна дэпартацыі” (S. 461–462) аўтар сабрала дакументальныя звесткі аб дэпартацыі яўрэяў з Вены. З 1941 г. пачынаецца планавае адсяленне, апісаны працэдуры матэрыяльна-тэхнічнага забеспячэння і першапачатковыя інструкцыі адносна багажу, які трэба браць з сабой: «Трэба звярнуць асаблівую ўвагу на тое, каб кожны эмігрант узяў 2 добрыя коўдры і другую пару абутку». Акрамя таго, трэба было скласці спіс маёмасці, ведаючы, што паводле ўказанняў гэтыя рэчы лічыліся ахвяраваннямі, прыбытак ад продажу павінны былі выкарыстаць «на пакрыццё выдаткаў на перасяленне і эміграцыю» (S. 463).

Яўрэйская абшчына і Цэнтральны апарат для яўрэйскай эміграцыі пасля распаўсюдзілі інфармацыю з рознымі падрабязнасцямі аб працэсе «перасялення». Так, ва ўлётцы Габрэйскай абшчыны Вены гаварылася, што ў першую чаргу для кожнага чалавека патрэбны сталовыя прыборы, так званая менавая чаша, любыя збаны для вады. Акрамя таго: “У якасці тавараў для вывазу дазволена наступнае: 2 валізкі або 2 звязкі агульнай вагою да 50 кг, пры гэтым павінна быць гарантавана, што 2 коўдры і другая пара абутку будуць даступныя для кожнага. Пры выбары прадметаў, якія трэба ўзяць з сабой, пераважаюць неабходныя прадметы штодзённага ўжытку. Марнага груза павінны былі пазбягаць. Імёны людзей павінны быць напісаны на чамаданах. Указваюцца наступныя пункты: 2 цёплыя касцюмы або сукенкі, 1 зімовае паліто, 1 плашч, 2 пары ботаў, 2 камплекты цёплай бялізны, шаль, вушанкі, шапка, пальчаткі, магчыма, рукавіцы, насоўкі, ручнікі, анучы для ног, спецадзенне, 1 спіртаварка або парафінаварка, міска і кубак, сталовыя прыборы, кішэнны нож і нажніцы, посуд для мыцця і галення, факел і

¹ Гл. падбязней: Новікаў, С. [Рэцэнзія] / С. Новікаў. Аўстрыйская канцэпцыя ўшанавання памяці ў мемарыяльным комплексе “Трасцянец” // Вестник МГЛУ. – Сер. 3. – 2021. – № 20. – С. 181–188. – Рэц. на кнігу: DAS MASSIV DER NAMEN. Ein Denkmal für die Österreichischen Opfer der Shoa in Malyi Trostinec / Hrsg. von Pia Schölnberger. – Wien: Czenin Verlag, 2019. – 168 S.

² Gedenken, Engagement und Ausstellung. – URL: <https://ibb-d.de/erinnern/gedenkstaetteattention.Trostenez/der-weg-zu-einer-europaeischen-gedenkstaette-trostenez> (дата звароту: 15.02.2025); Vernichtungsort Malyi Trostinec. Geschichte-und-erinnerung. – URL: https://www.erinnern.at/themen/e_bibliothek/ausstellungen/ausstellungvernichtungsort-malyj-trostenez-geschichte-und-erinnerung (дата звароту: 07.02.2023).

Мал. 3. Мемарыял у Малым Трасцяны, так званы Масіў імёнаў.

запасная батарэя, свечкі і запальнічка, швейны набор, аленевы лой, рукзак, сталоўка (тэрмас), па магчымасці праезд і паёк (харчовыя прадукты, якія не псуюцца)”. Прадпісанні завяршаюцца сказам, што «хатніх жывёл» нельга было ўзяць з сабой.

Аднак гэтыя дакументы таксама яскрава паказваюць, як людзей падманулі, яшчэ абрабавалі падчас дэпартацыі. Канфіскацыя маёмасці з дамоў, якія былі пакінутыя, і крадзеж аstatніх рэчаў пасля забойства ахвар праводзіліся рэгулярна рознымі нямецкімі службаі (S. 464).

У чацвёртым раздзеле “Археалагічныя зборы і дыяпазон знаходак” (S. 464) аналізуюцца некаторыя знаходкі, знойдзеныя падчас будаўніцтва масіва імёнаў у Малым Трасценцы. Асноўная маса людзей па прыбыцці была пазбаўлена сваіх уласных рэчаў; але яны ўсё яшчэ маглі мець уласны посуд, зубную шчотку ці нават расчоскі. Адсутнасць неабходных рэчаў прымушала арыштантаў вырабляць або рамантаваць некаторыя з іх самім. Гэта неабходна ўлічваць у далейшай інтэрпрэтацыі знаходак у дачыненні да Малога Трасцянца як прыкладу месца знішчэння. Як мяркуе даследчык,

у прынцыпе можна сцвярджаць, што дыяпазон захаваных знаходак будзе ўключаць толькі частку рэчаў, якія дэпартаваныя прывезлі з сабой, без уліку тых рэчаў, што былі адабраны ў іх, калі яны прыбылі на месца дастаўкі і вымушаны былі арганізавана здаваць рэчы перад акцыямі расстрэлаў. Працоўныя каманды ў такіх месцах сарціравалі рэчы забітых людзей і захоўвалі іх. У даследаванні аўтар звяртае ўвагу на археалагічную методыку працы з рэчавымі прадметамі: трэба ўлічваць, што арганічныя матэрыялы захоўваюцца ў глебе толькі пры пэўных абставінах.

У пятым раздзеле “Прадметы апошняга падарожжа” (S. 464) размова ідзе пра тыя археалагічныя аб’екты, што былі выяўлены пры будаўніцтве Масіва Імёнаў у Малым Трасцянец¹. Нямецкі археолаг звяртае ўвагу на той факт, што ў ходзе работ не праводзіліся прафесійна арганізаваныя раскопкі, а было толькі назіранне прадстаўнікоў Інстытута гісторыі НАН Беларусі, якія здолелі выявіць некаторыя з іх і ў лепшым выпадку сфатаграфавалі. Пры гэтым у працы адзначаецца, што ў замежных калег адсутнічае дакладная інфармацыя аб агульнай колькасці знаходак². Нельга лічыць, што археалагічныя аб’екты, якія захаваліся ў зямлі, уяўляюць сабой цэласную зборку. Месцы апісаны як магілы. У працы зроблены вывад: знойдзеныя гільзы да пісталета і вінтоўкі, што цалкам верагодна, сведчаць аб правядзенні тут забойстваў.

У працы зроблена спроба падзяліць вынятыя аб’екты на розныя катэгорыі. З аднаго боку, гэта асабістыя рэчы, якія прысутнічаюць разам з рэчамі для штодзённага карыстання. Асабістыя прадметы ўключаюць акуляры, некаторыя з якіх былі нават знойдзены з суправаджальным чахлом. Аб’екты асабістага карыстання гігіены ўключаюць невялікія

¹ На наш погляд, пры ўказанні Масіву Імёнаў – помніка аўстрыйскім яўрэям, пастаўленага на месцы знаходжання былога працоўнага лагера каля вёскі Малы Трасцянец, аўтару неабходна згадаць аўстрыйскім чытачам канкрэтнае месцазнаходжанне гэтага важнага аб’екта культуры памяці. Атрымліваецца парадаксальная сітуацыя, калі помнік аўстрыйскім ахвярам пастаўлены на месцы функцыянавання працоўнага лагера каля вёскі Малы Трасцянец, тады як расстрэлы дэпартаваных з Вены яўрэяў адбываліся на месцы масавага знішчэння ва ўрочышчы Благаўшчына. Як можна вытлумачыць, такое рашэнне ў кантэксце еўрапейскай культуры памяці, ведаючы дакладнае месца знішчэння, афіцыйна мемарыялізаванае ў Благаўшчыне летам 2018 г. Напрыклад, з якімі пачуццямі стаяла перад гэтым помнікам унучка Тэрэзіі Броды, забітай не на месцы пастаўленага трохмятровага фібрабетоннага помніка – Масіву Імёнаў, а зусім у іншым месцы – урочышчы Благаўшчына? Пытанне, на якое ўнучка не знайшла чалавечага адказу ў час мерапрыемстваў у ходзе яго адкрыцця на тэрыторыі мемарыяльнага комплексу “Трасцянец” 28 сакавіка 2019 г.

² У артыкуле аўтар звяртаецца ў першую чаргу да вядомых звестак, якімі валодае Гістарычная майстэрня імя Леаніда Левіна ў Мінску, у той час як поўны збор матэрыяльных аб’ектаў знаходзіцца ў фондах Цэнтра археалогіі Сярэдніх вякоў і Новага часу Інстытута гісторыі НАН Беларусі, дзе штогод робяцца аналітычныя справаздачы аб выніках археалагічных пошукаў супрацоўнікаў гэтай навуковай установы. Гл. падрабязна публікацыі В. І. Кошмана на старонцы 2.

шкляныя бутэлечкі для духоў, слоікі для крэму (мал. 4) і бутэлечкі для скураных алеяў, а таксама расчоскі (мал. 6), што адносіцца да сферы асабістай гігіены. У капсулах знаходзіўся анальгетык неакрацін (мал. 5) і іншыя лекі. У пераліку знаходак выяўлены ключ і некалькі манет, у тым ліку аўстрыйскія грошы 1920-х – пачатку 1930-х гадоў і польскія грошы. Што тычыцца адзення і абутку, то знойдзены некаторыя яго рэшткі. Кішэнныя нажы, нажніцы і напарстак былі карыснымі прадметамі штодзённага ўжытку. Кубкі розных памераў (мал. 6) і гаршкі, герметычная бутэля для вады, тэрмас і алюмініевыя бутэлькі, таксама сталовыя прыборы, перш за ўсё лыжкі і нажы, былі неабходнымі для падрыхтоўкі і спажывання ежы. Прааналізаваныя аб'екты паказваюць выбар рэчаў, якія людзі бралі з сабой у (апошні) шлях. Гэтыя прадметы адлюстроўваюць інструкцыі па багажу, які трэба спакаваць. Посуд, як кубкі, бутэлькі з вадой і сталовыя прыборы, пералічаны ў інструкцыях. Што тычыцца «іншых неабходных рэчаў», якія бралі людзі, гэта быў хутчэй індывідуальны выбар. У пераліку такіх рэчаў расчоскі, флаконы для духоў, ёмкасці з крэмам і медыцынскія вырабы. Людзі надавалі вялікае значэнне штодзённай гігіене. Відавочна, яны былі вымушаны клапаціцца пра ўласнае здароўе. Такія прадметы паўсядзённага жыцця, як акуляры, кішэнныя нажы, грошы і ключы, людзі стала насілі з сабой, таму іх можна сустрэць у пераліку рэчаў, дэпартаваных у Малы Трасцянец.

Мал. 4. Ёмкасць ад крэму для скуры Nivea з надпісам: «NIVEA-CRÈME N°362 P.BEIERSDORF & CO.GES.M.B.H. WIEN»

Мал. 5. Флакон для «Неакратына» з аптэкі «Петрус» у 3-м раёне Вены з надпісам: «Неакратын III, доктар А. Куртыяк».

Мал. 6. Кубкі і грэбень, вырабленыя ў Аўстрыі.

Значную ролю адыгралі археалагічныя аб'екты, якія былі выраблены ў Вене і мелі адрасную прывязку да яе гісторыі¹. Так, адзін з эмаліраваных кубкаў, выраблены ў Аўстрыі, можна аднесці да фабрыкі металаканструкцый Флейшмана (г. Мёдлінг каля Вены). Такія прадметы гігіены, як расчоска з надпісам «Зроблена ў Аўстрыі» была выраблена сярод іншай прадукцыі вядомай фірмай Nivea Beiersdorf GmbH у Вене (мал. 4) і інш. Шкляная бутэлечка для лекаў паходзіла з венскай хімічнай фабрыкі Stern & Stern. Упакоўка, у якой быў змешчаны анальгетык неакрацін, прадаваўся ў аптэцы «Петрус» у Вене ў 3-м раёне (гэта прадпрыемства працуе і сёння) і іншыя аб'екты (S. 465).

У шостым раздзеле “Інтэрпрэтацыя і светапогляд” (S. 466) даследчык прапануе навуковыя высновы адносна новай калекцыі аб'ектаў археалагічнай гісторыі з Малога Трасцянца. Адна з іх датычыцца вывятлення прасторы для маневру для людзей, якія ў адпаведнасці з інструкцыямі па дэпартацыі былі прымушаны браць з сабой некалькі неабходных рэчаў, пакідаючы пры гэтым вялікую частку ў сваіх дамах, але гэта было вельмі абмежавана. Якраз гэту тэзу пацвярджае нямецкі археолаг на прыкладзе прадметаў, знойдзеных у Малым Трасцянце. Знаходжанне сярод аб'ектаў вялікай колькасці сродкаў асабістай гігіены і аховы здароўя даюць падставы для высновы: такі пералік паказвае адрозненні сабраных рэчаў для дэпартаваных і тых, каго адпраўлялі ў месцы для прымусовай працы, дзе людзі маглі спадзявацца жыць на больш працяглы перыяд часу ў параўнанні з тымі, каго накіроўвалі ў цэнтры знішчэння. Як адзначае К. Тэун, гэты шырокі спектр асабістых прадметаў – акуляры, гадзіннікі, каштоўныя аксэсуары адзення, пісьмовыя прыналежнасці і інш. – не прадстаўлены з спецыяльных месцаў знішчэння. Гэтая дыферэнцыяцыя патрабуе новых падыходаў і больш шырокай інтэрпрэтацыі. Аўтар прыходзіць да высновы, што прадстаўлены першыя вынікі класіфікацыі аб'ектаў на месцах нацыскага тэрору павінны быць актывізаваны ў будучым у дачыненні да месца знішчэння Малы Трасценец. Такім чынам, мы можам атрымаць канкрэтнае ўяўленне пра людзей, якія былі спачатку дэпартаваны, а потым забіты на розных месцах нацыскага тэрору, у тым ліку ў Беларусі.

Падсумоўваючы вынікі праведзенага аналізу артыкула нямецкага археолага К. Тэун, важна заўважыць, што аўтар значна ўзмацніла інфармацыйнасць матэрыялу на аснове публікацыі шасці фотаздымкаў, усе ў каляровым выкананні, якія дазваляюць чытачу ўбачыць маршрут дэпартацыі

¹ Аўтар адзначае, што ў сувязі з вялікай колькасцю ахвяр з Аўстрыі ўрад Беларусі перадаў Аўстрыйскай Рэспубліцы 17 аб'ектаў, якія маюць прамую сувязь з Аўстрыяй. У цяперашні час яны размяшчаюцца ў Доме гісторыі Аўстрыі; яны былі зроблены даступнымі для выставы.

з Вены (мал. 2) на тэрыторыю лагера смерці Малы Трасцянец (мал. 1), помнік Масіў Імёнаў (мал. 3), а таксама некаторыя матэрыяльныя аб'екты, выяўленыя на месцы масавага знішчэння.

У заключэнне неабходна адзначыць, што сабраная ў Малым Трасцянцы шматлікая калекцыя асабовых і бытавых рэчаў ахвяр з Вены з'яўляецца важнай дакументальнай крыніцай для пашырэння інфармацыйнай прасторы пры даследаванні гісторыі як лагера смерці Трасцянец, так і іншых месцаў нацысцкага генацыду на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Адным з важнейшых вывадаў праведзенага аналізу на гэты момант можа лічыць тое, што выяўлены комплекс дакументальных крыніц ставіць на парадак дня беларускай гістарычнай навукі, у першую чаргу гістарычнай археалогіі, задачу правядзення спецыяльнага даследавання па дадзенай тэме з улікам дасягненняў новага навуковага напрамку.

Поступила в редакцию 16.05.2025

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 3

История, философия, экономика

№ 24 / 2025

Ответственный за выпуск *А. Г. Цымбал*

Редакторы: *Ю. И. Варакса, Е. И. Ковалёва, Т. М. Нехай*

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск

E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 02.07.2025. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура PT Astra Serif. Ризография. Усл. печ. л. 10,46. Уч.-изд. л. 11,33. Тираж 100 экз. Заказ 23.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 38200000064344 от 10.07.2020 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.